

ЧЕТВЕРТАЯ
IV МИРОВАЯ

МИХАИЛ

ХОДАРЕНКО

ЩИТ

И МЕЧ

**НАШЕЙ
РОДИНЫ**

Annotation

Наша страна стоит на пороге великих, кровавых перемен, теперь это понимают все. Война на Украине, санкции Запада, предчувствие беды... Всё обрушилось на Россию неожиданно. Хотя многие предупреждали: слабость экономики, разрушение военно-промышленного комплекса, недостаточная боевая и оперативная подготовка, слабая военная наука и зависимость от Запада неизбежно приведут к большой крови. Но их не слушали, как всегда...

Сегодня поздно кусать локти и колени – надо собирать оставшиеся силы для обороны. Но готов ли к этому российский ВПК? Как сильно разрушили его за годы так называемых «либеральных реформ»? Что надо сделать для того, чтобы Щит и Меч Родины по-прежнему блистали и сдерживали наших врагов?

На эти вопросы отвечает компетентный и независимый специалист – главный редактор газеты «Военно-промышленный курьер» и журнала «Воздушно-космическая оборона», полковник Михаил Ходаренок.

- [Михаил Ходаренок](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [О системных проблемах нашего военного строительства](#)
 - [Бесполезные критерии](#)
 - [Все ли получится с постоянной боевой готовностью?](#)
 - [Все в погонах и значках](#)
 - [Военно-терминологические игры](#)
 - [Генеральское мужество](#)
 - [Силовое решение есть всегда](#)
 - [Солдатская этика](#)
 - [Бесполезны в мирное и опасны в военное время](#)
 - [Нет клаузевицев в Отечестве своем](#)
 - [Две большие разницы](#)
 - [Четвертый удар](#)
 - [Оправдание для дураков](#)
 - [Время политруков прошло](#)
 - [После умопомрачительной ереси](#)

- [Кровь, мед, песок, пчелы](#)
 - [Рейсмус Анатолия Сердюкова](#)
 - [Разложение единоначалия](#)
 - [Против американского лома нет сирийского приема](#)
 - [Раньше думай о Родине](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Европейская ПРО и отечественная «хлестаковщина»](#)
 - [Составляющие противоракетной ереси](#)
 - [Не по должности полет](#)
 - [Существенные частности](#)
 - [Не ЕвроПРО, а евробайда](#)
 - [Противоракетная оборона для чайников](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Столпы нашего моторотроения](#)
 - [Самолеты и двигатели](#)
 - [Проблемы гражданского дивизиона](#)
 - [Гибель технического обеспечения](#)
 - [Россия – родина ковбоев](#)
 - [Матиас Руст: вечно живой](#)
 - [В качестве выводов](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Военно-историческое беспамятство](#)
 - [Азбука стратегий](#)
 - [«Верю!» – «не верю!»](#)
 - [Бутерброды по-жуковски](#)
 - [«Войны и мира» не получилось](#)
 - [Сталинградский успех изначально не планировался](#)
 - [Едоки, сабли, штыки и «счетные» дивизии](#)
 - [Заключение](#)
-

Михаил Ходаренок
Щит и Меч нашей Родины

Введение

Вооруженным силам СССР и современной России посвящено значительное количество исследовательской, научно-популярной литературы и публицистических статей. В то же время следует отметить, что в открытой военной литературе сравнительно мало трудов специалистов, знающих вопросы военной стратегии, оперативного искусства, строительства Вооруженных сил на основе своего личного опыта. До некоторой степени этот недостаток восполняет сборник статей Михаила Ходаренка. Автор длительное время служил в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации и лично занимался вопросами стратегического планирования применения армии и флота. Его мнение может оказаться полезным для военно-теоретической подготовки офицерского состава, а предлагаемый вниманию читателей труд дать самые общие представления о военной стратегии, способах ведения современной войны, особенностях подготовки страны и Вооруженных сил к войне, направлениях в строительстве Вооруженных сил, исследованиях некоторых исторических событий. Всеми этими соображениями и руководствовался автор при написании данного цикла статей. Автор с большим вниманием отнесется к тем пожеланиям, которые могут возникнуть при чтении настоящего издания.

Глава 1

Стратегия

О системных проблемах нашего военного строительства

Без их кардинального разрешения невозможно эффективно двигаться вперед.

Если строить дом без строгого соблюдения строительных норм и правил, он непременно рухнет. Например, можно начать сооружение с пятого этажа вместо первого. Не заложить фундамент. Построить дом на слабых грунтах и плавунах. Вместо высококачественного цемента применить песок. Можно не сомневаться – здание обязательно завалится. Военное строительство в нашей стране за последние четверть века отчасти напоминает эти процедуры. Кухня размещается в ванной, спальня – на крыше, а туалет выносится на балкон, причем последний делается без соответствующих ограждений, а отхожее место – в сокращенном или скадрованном составе, в виде одного унитаза. Потом после грохота от завала только что построенного здания и оседания туч пыли строители-неудачники удивляются: как, почему так вышло, что случилось?

И в самом деле, в чем причина? Почему так получается, что сначала влево, потом вправо, затем назад и в конце концов вперед, но в результате, в сухом остатке ноль или величина, весьма близкая к нему?

В ходе разного рода мероприятий, проводимых в Вооруженных Силах, можно менять длину и форму аксельбантов, фасон головных уборов и шитье на фуражках, цвет приборного сукна, вводить и отменять воротники, удлинять до полутора метров уши на шапках-ушанках и вновь укорачивать их до 15 сантиметров, но если не затрагивать основ, на которых, собственно говоря, и держится здание российских Вооруженных Сил, то результат всегда будет примерно одинаков. Поэтому и есть смысл остановиться на некоторых основополагающих проблемах, без конструктивного разрешения которых у нас вряд ли получится что-либо дельное в сфере военного строительства.

Первое.

Вряд ли для кого будет тайной мадридского двора (так в нашей стране сложилось исторически), что область строительства армии и флота является вотчиной сугубо двух лиц – Верховного главнокомандующего и отчасти министра обороны. Исключительно от их знаний, воли и глубины понимания вопроса зависят те или иные судьбоносные решения. В ряде случаев эта система давала отличные результаты (Петр Великий, Сталин),

порой – весьма хорошие (Леонид Брежнев), но зачастую дело заканчивалось явными провалами (Михаил Горбачев, Борис Ельцин).

Ярко выраженным недостатком этой системы является отсутствие каких-либо прозрачных процедур и механизмов принятия решений по ключевым вопросам военного строительства. Кроме того, не существует никакого аварийного автомата защиты от волюнтаристических (и просто дурацких, что называется, из ряда вон) решений. И сегодня в Вооруженных Силах, к примеру, напрочь отсутствует какой-либо способ защиты от своеволия и фантазий первого лица военного ведомства. К примеру, выпрыгнул, как черт из коробочки, Анатолий Сердюков, наворотил дел, что у экспертного сообщества волосы и поныне дыбом стоят, – и пропал со сцены. Уже давно нет самого непопулярного в новой (да и старой) российской истории министра обороны, а завалы, оставшиеся после него, разгрести придется еще не одно десятилетие. И нет никакой ответственности за содеянное. И непонятно, кто оплатит издержки его начальственного пыла и административного восторга в проведении разрушительных для обороноспособности государства затей.

Самое главное – нет никаких гарантий, что через некоторое время не произойдет реинкарнация очередного мебельных дел мастера вместе с его женским батальоном и на сцене не появится Сердюков-2 и не начнет чудесить еще круче предыдущего. Скажем, заявит: не хочу ни военных округов, ни оперативных командований, ни дивизий, ни корпусов, ни бригад, а хочу полки левой и правой руки. И чтобы воеводы ими командовали. И вообще, особо подчеркнет очередной глава военного ведомства, все, что до меня делалось, неправильно. И ведь придется, засучив рукава, выполнять. А через пару лет появится новый министр и прикажет: не хочу атомных ракетных крейсеров и авианосцев, хочу тяжелую стратегическую конницу и чтобы непременно вся в латах была! И куда денешься, придется и это воплощать в жизнь. Ведомственная военная наука сразу же и с высоким качеством обоснует целесообразность очередного «нового мышления».

Поэтому все-таки должны быть отлаженный механизм и точно установленные процедуры. Должна быть всем понятная цепочка: зарождение идеи – экспертная проработка – принятие решения – проведение в жизнь. Должно быть четко установлено: что лично глава военного ведомства может, что нет. Такого типа решение он проводит в жизнь без согласования с первыми лицами государства и законодательной властью, а вот другое – только после рассмотрения на экспертном уровне и утверждения президентом и Федеральным собранием.

Иными словами, речь идет о гражданском контроле над Вооруженными Силами. Эта тема вообще мало обсуждается как в СМИ, так и на экспертном уровне. Вполне возможно, что для гражданского контроля в нашем государстве еще не пришло время по причине отсутствия в стране гражданского общества (да и граждан как таковых – будем смотреть правде в лицо). Но проблема-то от этого никуда не делась, не рассосалась сама по себе.

В частности, в тех же Соединенных Штатах, которые никогда не знали таких загогулин с военным строительством, как у нас, любой доктринальный документ в этой сфере начинается со слов: «Вооруженные силы США находятся под гражданским контролем».

Остается дожидаться появления граждан и в нашей стране. Вполне возможно, что этот процесс займет еще не одно десятилетие.

Второе.

Необходимо радикальным образом изменить систему выдвижения офицеров и генералов на вышестоящие должности, чем подорвать сложившуюся за последние десятилетия в Вооруженных Силах селекцию командного состава на вышестоящие должности большей частью по отрицательным или кланово-семейным признакам. В армии и на флоте должны быть созданы реальные возможности добиваться вышестоящих постов умом и талантом, на соответствующей конкурсной основе. Иными словами, надо создать, как и в армиях других стран, систему подбора и выдвижения кадров на вышестоящие должности. Пока такой системы нет. Поэтому кадровая катастрофа с началом военных действий практически неминуема.

Третье.

Исключительным правом на получение воинских званий и ношение военной формы одежды должен обладать только личный состав Вооруженных Сил. Персонал других силовых и тем более гражданских структур (например члены Федерального собрания) такого права иметь не должны.

Однако ситуация на сегодня такова, что никакими силами ни полицию, ни ФСБ, ни пограничников и ФСИН не удастся убедить отказаться от системы воинских званий и распогонить. Скорее общими усилиями силовых ведомств инициатор этой идеи будет задвинут далеко-далеко за Можай. Пока же разобратся на улице чисто визуально, кто же это идет с погонями полковника – командир полка или же начальник ближайшей исправительно-трудовой колонии, работник прокуратуры, представитель СК РФ, невозможно.

Поэтому реальный выход для российских Вооруженных Сил только один – перейти к собственной системе воинских званий и различий. Оставить полиции, ФСБ, ФСИН, прокуратуре, СК все, как есть. А для ВС создать новую систему воинских званий и знаков отличия. Какую именно – вопрос для дальнейшего обсуждения.

Четвертое.

В отечественных Вооруженных Силах так и не появился корпус младших командиров (сержанты/унтер-офицеры как отдельный институт с особой системой образования, управления и прохождения службы). Определенные нескоординированные и разнонаправленные попытки создать что-либо подобное имели место быть, но вот Института (именно Института) так и не появилось. Не возникло даже системы соответствующих званий. У нас так и остался минимальный набор званий для младших командиров (младший сержант, сержант, старший сержант). А на деле необходимо не менее десяти градаций званий унтер-офицерского (сержантского) состава.

Можно в принципе вообще отказаться от нынешних сержантских званий (оставив их полиции и другим силовым структурам) и перейти к унтер-офицерам. Градация могла бы быть приблизительно такой же, как и в русской императорской (германской) армии – унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, штабс-фельдфебель с добавлением каких-либо промежуточных ступеней, чтобы довести таким образом (с помощью, в частности, 1, 2, 3-го классов) общее число званий до десяти. Разработать и утвердить для них новые знаки отличия. Есть, видимо, необходимость плавно отказаться от прапорщиков в Вооруженных Силах, оставив их другим силовикам. Без всякого ущерба переаттестовать армейских прапорщиков в обер-фельдфебелей, скажем, 1 и 2-го классов.

Пятое.

Министерству обороны нужно обязательно иметь независимые аналитические центры. Военное ведомство должно создать и само финансировать подобные центры. Но при этом важно обеспечить их независимость от военных структур. Только в таком случае можно будет получить и анализ, и непредвзятые рекомендации, лишенные ведомственных пристрастий.

Шестое.

Главная ответственность за состояние военной промышленности должна быть возложена на Министерство обороны, а не на другие правительственные структуры.

Седьмое.

Функции как административного, так и оперативного управления должны быть безраздельно сосредоточены в руках гражданского министра обороны.

Можно отмахиваться от перечисленных проблем. Делать вид, что они не существуют. Но проблемы от этого никуда не исчезнут. Можно отложить их решение на пять-десять-пятнадцать лет, но делать это рано или поздно придется. Разумеется, уже по другому преysкурaнту. А пока есть смысл развернуть по этим «февральским тезисам» самую широкую дискуссию.

Бесполезные критерии

Дискуссии о том, какие Вооруженные Силы нужны России сегодня, а также в ближайшей и среднесрочной перспективе, в последнее время как-то сами по себе стихли. Вполне возможно, потому, что выявили полное отсутствие профессиональных знаний у многих участников обсуждения. Немалую роль сыграло и то, что все общепринятые критерии при оценке потенциала военной машины, необходимого для обороны страны, как правило, заводили спорщиков в тупик, из которого им не удавалось выбраться.

Какие же подходы следует применять при определении численного и боевого состава Вооруженных Сил? Есть мнение, что в первую очередь надо исходить из того, какие задачи им придется решать и с каким противником, возможно, сражаться. И только на этой основе осуществлять все военное строительство. С одной стороны, вроде бы налицо бесспорная истина. Но с другой – не так уж все и однозначно. На обозримую историческую перспективу должно быть совершенно очевидно, кто нам друг и кто – враг. А тут как раз полная неопределенность. Более того, число врагов растет каждый день. К традиционным неприятелям добавляются те, кто еще вчера был чуть ли не союзником.

Отечественный Военно-морской флот, например, на протяжении десятилетий жил с мыслью о предстоящем противоборстве с ВМС США на океанских просторах и непременно в ходе ракетно-ядерной войны. Неудивительно, что в головах наших адмиралов и поныне играет антиамериканский орган: «Даешь Норфолк! Даешь Сан-Диего!». Однако геополитический расклад давно и кардинально изменился. ВМФ, на создание которого были затрачены огромные средства, теперь надо отстраивать практически заново, переориентировав на решение других задач. Но каких именно? С кем вступать в бой и где?

И это только один пример. В действительности таких примеров куда больше. Ведь наши Вооруженные Силы многие-многие годы фактически готовились к третьей по счету мировой войне. Однако потом выяснилось, что она не состоится, и те, с кем не сегодня завтра собирались сойтись в смертельной схватке, вдруг в одночасье перешли в разряд партнеров. В результате – полная мешанина в головах профессиональных защитников Родины: от кого ее защищать, если по всему периметру границ и в дальнем зарубежье – сплошь доброжелатели? А технику, предназначенную для

глобальных битв, куда девать? В частности, никак не удастся применить в конфликте ограниченного масштаба бомбардировщик Ту-95МС, истребитель МиГ-31, некоторые типы подводных лодок.

В недавнем прошлом звучали просьбы (и порой даже требования) все-таки обозначить в Военной доктрине (или в Концепции национальной безопасности) противников и союзников. Мол, перечислите нам супостатов, а затем на этой основе развернется вполне конкретное строительство современной армии и флота. Бытовало мнение: поскольку врагов в открытом документе назвать нельзя, то нужно написать закрытый для общества вариант Военной доктрины. И там уже изложить все как есть. Надо сказать, более чем наивная точка зрения. В Военной доктрине можно разве что сформулировать тезис, суть которого проста: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», и сопроводить его развернутым комментарием.

Другой подход (частично вытекающий из первого) к определению необходимого для обороны страны потенциала основывается на анализе соотношения сил (средств) сторон. Скажем, посмотреть, какое оно, это соотношение, на западе, востоке и юге, и после этого с учетом гипотетических угроз пестовать армию и флот. Однако стоит только (даже в самых общих чертах) рассмотреть мощь объединенной Европы или Китая и Японии, как становится совершенно очевидным, что подобный путь откровенно ведет в никуда. Возможности России, чей ВВП не превышает 3 % от мирового, чья доля в наукоемких производствах на планете не более 2 %, невелики. Между тем, если всерьез вознамериться вступать в конфронтацию на всех стратегических направлениях, то одних только дизельных подводных лодок отечественному ВМФ, судя по ряду экспертных оценок, потребуется не менее 400.

Впрочем, в отечественной публицистике и выступлениях некоторых российских политических деятелей постоянно и настойчиво звучат требования создать «компактные, мобильные, современные» Вооруженные Силы и соблюдать при этом «разумную достаточность». Однако что стоит за этими терминами – толком никто не знает. Никакими количественными критериями они не описываются. Применить их как руководство к действию пока никак не удается.

Так что надо исходить из каких-то других критериев. Возможно, даже из элементарных. В частности, в России в конце XIX века при строительстве Военно-морского флота этот критерий звучал достаточно просто: «Быть в Европе третьей по силе морской державой».

Как до самого последнего времени определялись основные параметры

Вооруженных Сил нашей страны? Достаточно просто. Например, на властном олимпе называлась «контрольная» цифра – скажем, два или полтора миллиона военнослужащих, и если в армии и на флоте на тот период насчитывалось больше людей по сравнению с установленным политическим руководством лимитом, проводились необходимые сокращения.

Причем осуществлялись они так называемым пропорционально-долевым методом. Смысл этой технологии заключался в том, что численность всех видов ВС и родов войск, главных и центральных управлений Минобороны уменьшалась на один и тот же процент, чтобы никому не было обидно. Отсутствие недовольства, свар и брожения в воинских частях и штабах – вот, пожалуй, единственное достоинство этого отечественного ноу-хау.

В результате соотношение между видами ВС и родами войск сегодня у нас примерно такое же, как и 20 лет назад, когда еще не распался Советский Союз. Именно в далеком уже 1989 году начались нескончаемые «усекновения» армии и флота. Вряд ли, наверное, этот процесс завершится и после того, как в рядах защитников Родины останется один миллион человек. Использование же пропорционально- долевого метода при сокращениях привело к тому, что мы имеем почти точную копию несокрушимой и легендарной. То есть говорить о каких-либо приоритетах в плане подготовки военной организации нашего государства к войнам и вооруженным конфликтам обозримого будущего не приходится. Да и отечественная военная мысль забуксовала в прогнозах и сценариях будущих противоборств настолько, что, пожалуй, окончательно остановилась.

Поэтому способ выхода на оптимальную структуру и численность Вооруженных Сил представляется примерно следующим. Совершенно очевидно: Россия намеревается и далее играть одну из ведущих ролей на мировой арене. Но что для этого ей нужно в первую очередь? «Длинные руки» – стратегическая авиация и авианосный флот. В случае иного ответа на данный вопрос российской политической и военной элите надо сразу, окончательно и бесповоротно отказаться от употребления словосочетания «великая держава».

В качестве примера попробуем установить, каким должен быть оптимальный боевой и численный состав дальней авиации (ДА). Причем вначале задумаемся: полтора десятка относительно современных стратегических бомбардировщиков (типа Ту-160) для страны, претендующей на место в команде государств-лидеров планеты, – это

много или мало? И если вдобавок имеющиеся самолеты предназначены только для выполнения боевых задач в ракетно-ядерной войне (и никакой другой)? А завод, на котором данные стратегические бомбардировщики строятся, сегодня в лучшем случае собирает одну машину за три-четыре года?

Что и говорить, печальная картина. При таком количестве самолетов ДА на войне, где будут использоваться только обычные средства поражения, придется забыть про оперативное искусство ВВС (за ненадобностью) и про такую форму боевого применения, как массированный удар (мало кто знает, что для его нанесения надо задействовать в одном вылете воздушную армию, а не пару-тройку машин).

А сколько вообще стратегических бомбардировщиков требуется стране, считающей себя великой державой? Путем несложных вычислений (в основном на основе опыта вооруженных конфликтов последнего времени) легко прийти к выводу, что минимальным является парк в 140–150 машин. Плюс необходимое число самолетов-заправщиков (у нас лишь несколько таких крылатых танкеров), самолетов РЭБ (отсутствуют в ВВС России как класс), дальних разведчиков (сокращены под ноль), воздушных пунктов управления и самолетов ДРЛО (в ДА их нет). Не забудем также про вузы, полигоны, аэродромы, рембазу и многое-многое другое.

В итоге получим искомые цифры, которые, кстати, при подобном методе окажутся отнюдь не чрезмерными. Однако если сначала определять численность, а потом под нее подгонять все остальное, то получится, как в басне Михалкова про семь шапок.

Что касается боевого применения ДА в грядущих военных конфликтах, то была бы стратегическая авиация, а уж кого бомбить – всегда найдется.

Все ли получится с постоянной боевой готовностью?

«Все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности», – сегодня это аксиома, не подлежащая сомнениям.

Но, тем не менее, кое-какие вопросы остаются.

В формулировке «все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности» кроется, на мой взгляд, некорректность принципиального характера. Дело в том, что в мирное время выполнить это требование или невозможно, или нецелесообразно.

Поясним это на примере организации технического обеспечения (ТО). Фронтной комплект соединений и частей ТО включал 2–4 фронтные ремонтно-восстановительные базы, ФРВБ (в своем составе каждая имела рвп РАВ, рвп БТ-2, рвп АТ, оэвакб, орвб связи, орвб ОИТ и многое, многое другое). Уж не знаю, что от них сейчас осталось. Боюсь, рожки да ножки.

Можно, конечно, довести до численности военного времени рвп БТ (ремонтно-восстановительный полк бронетанковой техники). Оснастить его всем необходимым вооружением и военной техникой. Найти и собрать туда чудом сохранившихся слесарей, сварщиков, аккумуляторщиков. Но войны-то нет. А ФРВБ предназначена исключительно для военного времени. Поврежденная в боях техника отсутствует. Ремонтировать нечего. Занять личный состав решительно нечем. Что делать слесарям и токарям? Только одно – разлагаться, пьянствовать и заниматься бесчинствами по отношению к местному населению.

Или доведем до численности военного времени оэвакб. То есть отдельный эвакуационный батальон. Это тот, который поврежденную технику с полей сражения вытаскивает. Нагоним туда тягачей (очень мощных – и колесных, и гусеничных), кранов, и всего прочего, что предусмотрено штатом. Но вот беда – полей сражений нет. Вытаскивать с них нечего. Остается опять-таки пьянствовать и давить гусеницами на дорогах общего пользования автовладельцев.

Обратимся к соединениям и частям оперативного и стратегического тыла. Содержание в мирное время частей, соединений и учреждений оперативного тыла по штатам военного времени (а это и есть постоянная боевая готовность) нецелесообразно в первую очередь по экономическим причинам. Ни одно государство этого не выдержит. Самое большое, что

может себе позволить держава – 10–15 % укомплектованности оперативного тыла. А порой нельзя сделать и этого.

Скажем, есть такая очень важная служба на войне – дорожно-комендантская. И подразделения такие есть (во всяком случае, раньше были) – дорожно-комендантские батальоны, полки и даже бригады (дкбр). Без них организация жизни в прифронтовой полосе просто немыслима. Они предназначены для подготовки, эксплуатации и технического прикрытия ВАД (военно-автомобильных дорог). В частности, возможности дкбр: содержать ВАД общей протяженностью 900 км, развернуть 31 диспетчерский пункт, 108 постов регулирования, 9 пунктов медицинской помощи и многое, многое другое. Но в мирное время, разверни мы эти батальоны, полки и бригады, задач у них нет. Войны нет, ВАД нет, регулировать нечего.

Или последний пример. Дивизия по охране тыла. Можно призвать этих 11 тыс. мужиков. Только что им делать в мирное время? Ни охранять никого не надо, ни, тем более, погребать. И даже не надо конвоировать военнопленных по причине их отсутствия.

И это всего лишь малая толика примеров, показывающих, насколько сложен процесс военного строительства и сколь много в нем разного рода кирпичиков. А выдерни хоть один – скажем, разгони в тылу трубопроводные бригады и продай с молотка их имущество (а может, и не с молотка, а по-товарищески) – и все, воевать нельзя.

Затруднительно просто перечислить разного рода формирования, без которых невозможно создать группировки сил (средств), способных к боевым действиям (операциям). А содержать их в мирное время в полностью укомплектованном и оснащенном виде невозможно по финансовым и экономическим причинам. Но всерьез и гласно эти проблемы, почему-то, не обсуждаются.

Все в погонах и значках

То, что у нашей страны свой особый путь и решительно во всем – так кто бы в этом сомневался. Весь мир не в ногу – только мы в ногу. Только мы идем верной дорогой.

Скажем, воинские звания во всем мире присваиваются только представителям вооруженных сил. И никому больше. Только в армиях и на флотах всех стран мира носят форму одежды, присущую только вооруженным силам. И никто и нигде в мире больше не обладает формой и знаками различия, заимствованными у вооруженных сил. Никто и нигде.

И только на одной седьмой части света – в пределах отечества нашего – можно встретить генерала-пожарного. Следователя с погонами генерал-лейтенанта. Начальника тюрьмы с погонами подполковника. Полиционера-милиционера с погонами майора. Военного дирижера с генеральскими лампасами. А уж сколько генералов засело в МЧС – то будет отдельная песня. Вот, интересно, зачем прокурорским работникам погоны военных? Какая-токая необходимость в воинских званиях в Службе внешней разведки? Им вполне было бы достаточно следующих градаций – разведчик, старший разведчик, начальник. Зачем воинские звания в охране? В разного рода спецслужбах?

Возникает вопрос – что делать? С одной стороны, хорошо бы все ведомства, которые позаимствовали у Вооруженных Сил военную форму одежды и знаки различия, распогонить. Однако вряд ли из этой затеи что-нибудь получится. Для начала надо, чтобы этой идеей озаботился как минимум глава государства. Но вряд ли он на сегодня будет считать эту задачу среди первоочередных. Если разного рода инициативы будут исходить из Минобороны, то подобная активность может привести к тому, что распогонят само военное ведомство. Прокурорам, полиционерам и чекистам погоны оставят, а с военных знаки различия могут содрать. Потому как они окажутся с такими идеями в явном меньшинстве. И победителями в борьбе за погоны явно не будут.

Выход тут может быть только такой – надо самому военному ведомству перейти на новую систему воинских званий и новых знаков различия. У военных все должно быть по-другому и по-новому. Скажем, звания – подпоручик, поручик, штабс-капитан. И если встретил с момента введения в армии и на флоте новой формы одежды и новых знаков различия на улицах человека с погонами сегодняшнего полковника – сразу

ясно, что это не военный, а начальник тюрьмы или пограничник. И генералы с лампасами с того времени – только в пожарниках или «говорящие головы» Следственного комитета.

Другого выхода, похоже, нет. По определению не может быть престижен мундир, если он одинаков у командира полка и у тюремщика.

Военно-терминологические игры

Упражнения в словесности подобного рода далеко не всегда оправданны и тем более безобидны. На эту тему говорилось уже не раз (и лично мной в том числе). Но ситуация к лучшему меняется мало. Поэтому, наверное, есть смысл вновь обратиться к этой проблеме (и даже озвучить в очередной раз прежние наработки).

Суть дела заключается в следующем. По-прежнему на всех уровнях управления модным становится вставлять в документы и разговорную речь отдельные слова и термины, заимствованные из военной стратегии, оперативного искусства да и военной науки в целом. Причем делается этого исключительно механически. Смысл же терминов, похоже, никого не интересует.

В частности, в случае возникновения любой нештатной ситуации в Российской Федерации (террор, стихийные бедствия, техногенные катастрофы и пр.) населению страны (или региона) тут же сообщается – создан оперативный штаб. Вот три свежих сообщения: «В связи с прохождением циклона, принесшего обильные осадки, в 12 районах Приморья действует режим ЧС. В городах и районах края созданы оперативные штабы», «Сегодня создан оперативный штаб для координации действий органов власти в условиях ЧС», «Создан оперативный штаб по борьбе с африканской чумой свиней», «Пожарные и спасатели на сочинской Олимпиаде будут работать под контролем создаваемых оперативных штабов и соответствующих оперативных групп».

Упомянутые выше случаи явственно демонстрируют – чрезвычайный орган управления создается в современной России практически в любой ситуации и, видимо, должен (по замыслам авторов) служить панацеей от всех бед. Попробуем разобраться с термином «оперативный штаб». На практике он далеко не так безобиден, как ставший уже легендарным слоган «в эпицентре событий».

Штабное «масляное масло»

Для начала отметим – штаб не может быть дополнительно назван оперативным. Он и без того согласно стройной военной теории основной орган управления войсками в боевой обстановке и руководства их обучением в повседневной деятельности. Как известно, одними из главных принципов управления являются непрерывность, оперативное и гибкое

реагирование на изменение обстановки. Поэтому называть штаб (как орган управления) оперативным – ну просто вопиющая как общая, так и военная безграмотность.

Рассмотрим для примера самый большой штаб нашей страны – Генеральный. Это основной орган оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации. Здесь слово «оперативный» находится исключительно на своем месте. И в самом деле – разве применимы к термину «управление» прилагательные «медлительное» или же «неторопливое». Управление не может быть другим – только оперативным.

Теперь разберемся со штатной структурой штаба. Как правило, любой штаб жестко структурирован по отделам (управлениям) и службам. В частности, там обязательно присутствуют разведывательный, оперативный, организационно-мобилизационный отделы, служба военных сообщений, оперативное оборудование ТВД, шифровальщики (в разных штабах они могут называться иначе, некоторые отделы в мелких штабах отсутствуют, но суть дела от этого не меняется).

У всех штабных департаментов есть свои функции, а у офицеров, их возглавляющих (равно как и у оперативного состава), десятилетиями отшлифованные обязанности (кто за что отвечает и что обязан делать). Причем до определенной степени обязанности носят интернациональный характер. Скажем, разведчики или служба военных сообщений в Африке выполняют те же функции, что и в Новой Зеландии.

Непонятно одно – каким образом эти отделы и службы можно применять в борьбе со стихийными бедствиями и наводнениями, в частности. Если же они в так называемом оперативном штабе отсутствуют, то это тогда уже вовсе и не штаб. А если у властей все-таки есть намерение создавать чрезвычайные органы по борьбе с наводнениями или нашествиями саранчи, то их в этом случае совсем не обязательно называть военным словом «штаб».

Есть масса других, более подходящих и соответствующих обстановке понятий – «комиссия», «комитет», «комиссариат», наконец. Конечно, понятно, что короткое военное «штаб» звучит более весомо, убедительно и даже приятно на слух, но что тогда при борьбе с саранчой за этим термином стоит?

В этой связи непонятен и еще один нюанс – когда в России по любому поводу создаются оперативные штабы, возникает вполне естественный вопрос: кто в каждом конкретном случае разрабатывает обязанности для вновь срочно собираемых «штабных» работников и кто их утверждает? Да

и вообще надо разобраться – руководствуются ли какими-либо обязанностями наспех собранные люди в оперативных штабах? Ведь их созывают каждый раз в связи с новыми обстоятельствами. Складывается впечатление, что мобилизованные в штаб работники исполняют обязанности по наитию, по совести или же как Бог на душу положит.

Функции штаба любого уровня достаточно объемны. Но в первую очередь он занимается оценкой обстановки и подготовкой предложений для принятия решения командиром (командующим). Затем всю свою дальнейшую энергию штаб направляет на претворение принятого в жизнь.

И тут возникает следующая группа вопросов. Если формируется какой-либо штаб, в этом случае должен быть как минимум назначен его начальник. Органа оперативного управления без руководителя не бывает. А если назначен начальник штаба, должен существовать и тот командир (командующий), для которого готовит соответствующие предложения начальник штаба.

Теперь попробуйте среди десятков тысяч сообщений о создании по стране оперативных штабов доискаться, кто в каждом конкретном случае, в той или иной кризисной ситуации исполнял обязанности начальника штаба, а кто был соответствующим командиром (командующим, начальником). Сразу скажем – вряд ли из этого что получится. На практике оперативный штаб существует, но упоминания о первых двух лицах – командире и начальнике штаба – не найти практически нигде. Складывается впечатление, что создание оперативных штабов – чрезвычайно удобный способ уйти от персональной ответственности, спрятать концы в воду.

Один из самых ярких этому примеров – теракт в Беслане в уже далеком 2004 году. Так называемый оперативный штаб был создан практически сразу после захвата заложников. Однако нигде до сих пор не упомянут начальник этого органа управления. Самые тщательные попытки отыскать это должностное лицо окажутся безрезультатными. Тем более непонятно, кто был в Беслане «командиром». Его отыскать еще труднее. Для кого готовил предложения оперативный штаб и чью волю он воплощал в жизнь на практике, до сих пор неясно.

Складывается впечатление, что штаб в Беслане в 2004 году существовал сам по себе. Наконец, любой штаб в немалой степени строит свою работу на основе решений вышестоящего начальника. Доискаться же, какие указания отдавал оперативному штабу в Беслане вышестоящий начальник, и вовсе сегодня не представляется возможным.

Еще одно немаловажное обстоятельство. Штаб не может существовать

без соответствующего пункта управления (командного пункта), оснащенного соответствующей связью и средствами автоматизации. В противном случае он не является штабом и не может выполнять свои функции. Если обратить внимание на места, где собираются так называемые оперативные штабы (это касается всей страны), то сразу становится очевидным – это не органы управления. У многих из них, как правило, нет ни современной связи, ни средств отображения обстановки, ни даже приличного помещения.

Помимо всего прочего, в практику окончательно вошло еще одно далекое от здравого смысла, управленческой науки и элементарной штабной культуры понятие «представитель оперативного штаба». В штабе любой армии мира нет такой штатно-должностной категории – «представитель». Если же он все-таки только «представитель», то, естественно, не может владеть обстановкой в полном объеме и не знает, чем занимаются те или иные управления, отделы, службы штаба. На практике, как правило, так и происходит – стоит случайный человек перед телекамерами и мучается от полного незнания происходящего.

Расписка в собственном бессилии

Похоже, сегодня нет ясного ответа на вопрос, отдают ли себе соответствующие руководители отчет в том, что создание внештатных и чрезвычайных органов управления, подобных оперативным штабам, показывает: существующая система управления мало на что годится. Да и в самом деле: стихийное бедствие – оперативный штаб, птичий грипп (чума свиней) – оперативный штаб, захват заложников – оперативный штаб, крупный пожар – оперативный штаб, техногенная катастрофа – оперативный штаб.

А где же в этих случаях находятся штатные органы управления страной и силовыми структурами? Они что, в подобных ситуациях абсолютно беспомощны, если постоянно приходится прибегать к уже ставшей привычной для современной России чрезвычайщине?

Тут есть и еще один аспект. Что такое оперативный штаб по своей сути? Это самая натуральная импровизация. Как известно, любые органы управления для своей нормальной жизнедеятельности требуют элементарного слаживания. Хуже всего со своей работой справляются вновь созданные или импровизированные органы управления – это многократно доказанный наукой управления факт. Любой штаб после его формирования как орган управления еще некоторое время остается неработоспособным организмом. Его «шестеренки» на первых этапах

существования вращаются зачастую вхолостую – происходит элементарное знакомство должностных лиц, притирка друг к другу отделов и служб, налаживаются взаимодействие и связь. Тут, кроме всего прочего, надо даже учитывать национальный менталитет – россияне очень плохо подчиняются малознакомым людям и на практике много делают для того, чтобы спустить их указания, что называется, на тормозах. Бросать в бой подобный еще не окрепший орган управления – преступление. Он не сможет оказать командиру помощь в управлении войсками и руководстве сражением. А ведь от подготовленности и слаженности штаба во многом зависит успех операции – и это аксиома.

У нас же на практике происходит что-то совершенно невероятное с точки зрения элементарных законов и правил управления. В любой чрезвычайной обстановке спешно, с бору да с сосенки, мобилизацией кого попало создается оперативный штаб. В возникшей кризисной ситуации, когда счет идет буквально на секунды, надо без малейшего промедления решать множество важнейших вопросов, скажем, по организации освобождения жертв террористов. Однако зачастую большинство рекрутированных в штаб сотрудников даже не знают друг друга в лицо. Плюс постоянно идет выяснение отношений между различными ведомствами и структурами: которая из них круче (да и без выяснения отношений порой указать, кто кому и по каким вопросам подчиняется, у нас в спешке просто забывают).

Как известно, любая ситуация становится более понятной, если ее характеристики и размерения увеличить до гигантских масштабов (или же довести до гротеска). Представим себе на минуту: после 22 июня 1941 года в газете «Правда» и сообщениях Совинформбюро населению было бы доведено, что для руководства обороной страны создан оперативный штаб. При этом не названы ни командующий, ни начальник, ни работники самого штаба. То есть тем самым была бы размыта персональная ответственность соответствующих должностных лиц за отражение германской агрессии.

Руководство страны между тем отдавало себе отчет, что для управления страной и армией в сложившейся обстановке действительно требуется орган, наделенный чрезвычайными полномочиями. И такая структура – Государственный Комитет Обороны – была создана всего через неделю военных действий. Причем сразу же персонализирован кадровый состав этого чрезвычайного высшего органа СССР, в котором сосредоточили всю полноту государственной власти. Председатель ГКО – Сталин, заместитель – Молотов, члены – Маленков, Ворошилов, Берия. Иными словами, народу и армии стало ясно, кто несет полную и

единоличную ответственность за ход и исход войны. И никаких оперативных штабов, где концов найти нельзя, в течение всей войны не появлялось (и словосочетания-то такого никто тогда не знал). Результат – 9 мая 1945 года.

В современных условиях следует признать, что создание по любому поводу импровизированных чрезвычайных органов – своеобразная расписка в неэффективности существующей системы управления.

В случае появления очередного сообщения о создании нового оперативного штаба есть все основания полагать: в ход вновь пущено средство коллективной безответственности и на практике (вольно или невольно, осознанно или неосознанно) многое делается для того, чтобы пустить любое дело под откос. И ответственных практически никогда нет.

Хватит уже, наверное, этой чрезвычайщиной заниматься и бесконечным формированием очередных оперативных штабов.

И в заключение. Освещение подобных проблем, есть все основания полагать, надо продолжить.

Генеральское мужество

Оно заключается в том, чтобы иметь свою точку зрения по оперативным вопросам и уметь отстаивать ее в допустимых пределах перед политиками.

Великий русский полководец Александр Суворов в своих сочинениях писал: «Рядовому – храбрость, офицеру – неустрашимость, генералу – мужество». Есть и иной вариант этой цитаты: «Для солдата – отважность, для офицера – храбрость, для генерала – мужество». Наконец, есть и третья версия знаменитого высказывания военачальника: «Солдату – бодрость, офицеру – храбрость, генералу – мужество». Обратим внимание, что генеральский удел во всех трех версиях остается неизменным. Попробуем разобраться, что же это такое – мужество высшего офицера.

Каких-либо серьезных исследований этого вопроса, тем более со множеством исторических примеров и рекомендаций, в отечественной военной литературе попросту нет. В качестве немногочисленных образцов приводится разве что мифический спор Георгия Жукова со Сталиным в августе 1941-го по поводу оставления Киева (а было ли это на самом деле – очень большой вопрос) и отстаивание Константином Рокоссовским собственного варианта проведения Белорусской стратегической наступательной операции в 1944 году. Вот, пожалуй, и все. Скажем так – откровенно негусто.

Точка зрения Виктора Суворова

Приведем отрывок из книги Виктора Суворова «Очищение» (с незначительными сокращениями), в котором автор дает свое понимание генеральского мужества:

«Сразу после войны немецкие генералы завалили книжный рынок мемуарами. В конце 50-х годов эти мемуары волной хлынули и в нашу страну: Вестфаль, Блюментрит, Цейтцлер, Циммерман, Мантейфель, Гудериан, Гот, Рендулич, Типельскирх, Кессельринг, Шнейдер, Меллентин.

Признаюсь: мемуары немецких генералов мне нравились куда больше, чем мемуары советских. Советский генерал вспоминал о том, как последней гранатой рядовой Иванов подорвал немецкий танк, как последним снарядом сержант Петров уничтожил атакующих гитлеровцев, как под шквальным огнем политрук Сидоров поднял бойцов в атаку, как лейтенант Семенов направил свой горящий самолет на скопление танков...

И рассказывали наши генералы о том, что говорил, умирая, рядовой Иванов: он просился в партию. И сержант Петров тоже просился. И все другие.

А у немцев никто почему-то подвигов не совершал, героизма не проявлял. В их мемуарах нет места подвигам. Для них война – работа. И они описывали войну с точки зрения профессионалов: у меня столько сил, у противника предположительно столько... Моя задача такая-то... Выполнению задачи препятствуют такие-то факторы, а сопутствуют и облегчают ее такие-то. В данной ситуации могло быть три решения, я выбрал второе... По такой-то причине. Вот что из этого получилось.

Мемуары немецких генералов – это вроде бы набор увлекательных поучительных головоломок. Каждый писал на свой лад, но все – интересно.

А мемуары наших генералов вроде бы писались одной и той же группой главпуровских машинисток, которые только переставляли номера дивизий и полков, названия мест и имена героев. У нашего солдата почему-то всегда не хватало патронов, снарядов, гранат, и все генеральские мемуары – про то, как наши ребята бросаются на танк с топором, сбивают самолет из винтовки и прокалывают вилами бензобак бронетранспортера. Все у нас как бы сводилось к рукопашной схватке, к мордобойю, вроде и нет никакого военного искусства, никакой тактики.

У нас в мемуарах – школа мужества. У немцев – школа мышления.

Скоро, однако, возникло сомнение: уж очень все они умные, господа германские генералы, а Гитлер в их описаниях – полный идиот. Коль так, как же эти умные люди позволили идиоту собой командовать?

Впервые эта мысль мне в голову пришла, когда читал генерал-полковника Курта Цейтцлера. Он был начальником Генштаба во время Сталинградской битвы. Гитлера он описывает как полного кретина: «Первая часть моего доклада была изложена в форме, доступной для человека, не сведущего в военных вопросах» («Роковые решения». – М., Воениздат. – 1958. – Стр. 159). Начальник Генштаба составлял доклады для своего Верховного главнокомандующего как для человека с улицы, который не знает разницы между корпусом и бригадой. Проще говоря, генерал-полковник Цейтцлер составлял доклады для Гитлера, как для идиотика. Чтобы понятно было... Далее Цейтцлер на многих страницах описывает свои гениальные решения (действительно интересные) и реакцию на них тупого, упрямого ефрейтора.

Вот тут-то и подумалось: а ведь у вас, герр Цейтцлер, был выход. В таких случаях начальник Генштаба должен сказать своему любимому вождю или фюреру: воюйте, как вам нравится, но я за все это

ответственности перед моей страной и историей не несу. Увольте, батенька. Пошлите на любую должность, хоть на корпус, хоть на дивизию, а то и расстреляйте, если нравится, но за свою глупость извольте сами отвечать.

Так нет же. Не сказал так мудрый Цейтцлер. И другие генералы помалкивали. Потому за всю гитлеровскую дурь все они несут полную ответственность...

...Я люблю Гудериана. Его книги всю жизнь со мной. Умный был мужик. Но кроме ума, генералу нужны характер, воля и храбрость. Мемуары всех германских генералов пронизаны идеей: Гитлер был дураком и заставлял нас выполнять дурные приказы. Было именно так. Но только тот генерал становится великим и непобедимым, который дурных приказов не выполняет. Храбрость солдата в том, чтобы идти на вражьи штыки, чтобы выполнять приказ, который ему отдан. А храбрость генерала в том, чтобы думать головой и выполнять только те приказы, которые ведут к победе.

Как часто генералы, политики, историки Запада бахвалятся: у нас думающий солдат! А у вас Ванька-дурак, он думать не обучен.

У вас, господа, думающий солдат? Это великолепно. А у нас думающие генералы, они к тому же и храбрые. Им хватало смелости иметь свое мнение и его отстаивать. Германский генерал выполнял любой приказ. И это отнюдь не сила. Это слабость. А наши генералы любого приказа не выполняют. Вот это сила!

Если генерал имеет гениальную голову, но выполняет идиотские приказы фюрера, который ведет страну к катастрофе, то грош цена той гениальной голове. Что от нее толку? Такая голова годится только на то, чтобы после войны написать великолепные мемуары. А на войне от той головы проку нет. Если генерал выполняет глупые приказы, значит, он не генерал, значит, он просто солдафон.

...Самое страшное для правителя – оказаться в ситуации, когда все вокруг поддакивают, когда все соглашаются с любыми решениями правителя и восхваляют их. Любой самый умный человек в этой ситуации теряет ориентировку, любой мудрец теряет способность замечать свои ошибки. Потому повторяет их и умножает.

Именно в этот тупик привела Гитлера его кадровая политика.

...Всегда, и в начале войны, роковым летом и трагической осенью 1941 года, и в ее победном конце, в Красной армии находились генералы, которые имели голову на плечах и достаточно мужества в сердце, чтобы отстаивать свою точку зрения даже перед Сталиным.

У Гитлера были генералы очень высокого выбора, но таких генералов,

как у Сталина, у Гитлера не было ни в начале, ни в конце войны. Ни одного.

Германия проиграла потому, что сталинские генералы по уровню подготовки стояли неизмеримо выше, чем гитлеровские генералы. Мужество – одна из основных составляющих этого уровня».

Другая точка зрения

Обратим внимание на следующее место из книги Виктора Суворова:

«Но генерал только тот становится великим и непобедимым, кто дурных приказов не выполняет. Храбрость солдата в том, чтобы идти на вражьи штыки, чтобы выполнять приказ, который ему отдан. А храбрость генерала в том, чтобы думать головой и выполнять только те приказы, которые ведут к победе».

Красиво и ярко сказано. Но вот какая штука получается. Армия, в которой не выполняются приказы вышестоящих начальников, – это уже не армия, а толпа вооруженных людей. В вооруженных силах должно культивироваться только одно: приказ должен быть выполнен точно, беспрекословно и в срок. Любой. И любой ценой. Командир и командующий не должны размышлять – правильный приказ, не правильный, преступный, не преступный, логичный либо лишенный смысла и логики, находится он за пределами возможностей частей (соединений, объединений) или не находится, отвечает ли он сложившейся обстановке или не отвечает.

Он должен быть выполнен – и точка. И никаких, абсолютно никаких других вариантов. И это должно быть в уважающей себя армии вбито на уровне спинного мозга и рефлексов. С первых же дней службы.

Так в чем же тогда заключается генеральское мужество, которое более других качеств необходимо высшему офицерскому составу? Позволю себе привести всего два современных примера.

В конце ноября 1994 года от руководства страны Вооруженным Силам поступило указание в течение одной ночи подготовить предложения по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике. Затем состоялось знаменитое совещание, на котором министр обороны генерал Павел Грачев вынужден был согласиться со столь поспешными планами Бориса Ельцина по усмирению Чечни. Согласие генерала, заметим, даже на протокольной съемке прозвучало далеко не сразу.

Видно было, как военачальник мучился с ответом перед камерой. Грачева, кстати, не стоит изображать недалеким человеком. Он таковым не был (отменно проплаченная травля военачальника в некоторых газетах – вопрос, требующий отдельного исследования). Состояние Вооруженных

Сил России на конец ноября 1994 года Павлу Грачеву было отлично известно. И генерал хорошо понимал, что политическое руководство ставит перед армией нереальные задачи.

Но необходимого по Александру Суворову (не по Виктору) мужества в себе, чтобы заявить главе государства: «Товарищ Верховный главнокомандующий, в сложившейся обстановке войска не готовы к выполнению поставленных вами оперативных и боевых задач. Прошу полтора месяца на подготовку и боевое слаживание частей и соединений», он так и не нашел.

В дальнейшем, к сожалению, произошло то, что произошло. Но этот случай в военных академиях не разбирается, и тем более с альтернативными вариантами решения тех проблем (типа: «А что было бы, если...»).

К слову, Борису Ельцину в те времена вообще мало кто возражал. Во время представления тогдашнему президенту страны военачальников по поводу присвоения очередных воинских званий у них, по свидетельствам очевидцев, от напряжения трещали шейные позвонки, и в воздухе пахло отнюдь не французскими духами.

А вот редкий пример другого рода из сравнительно недавней войны «восьмого-восьмого-восьмого». Когда началась грузинская провокация, политическое руководство страны находилось далеко за пределами государства. Министр обороны Анатолий Сердюков был неизвестно где (и до сих пор местопребывание главы военного ведомства точно не установлено). Никаких сигналов он о себе в тот момент не подавал.

Никогда до этого не воевавший начальник Генерального штаба в сложившейся обстановке сделал все лично от него зависящее, чтобы в любом виде (и в устном, и в письменном) уклониться от решения на боевое применение войск. И успешно-таки уклонился.

У командующего войсками Северо-Кавказского военного округа был очень небольшой выбор.

Первое. Ничего не делать. Ждать, пока появятся соответствующие должностные лица и отдадут все необходимые указания. В этом случае Южная Осетия была бы за несколько суток раздавлена грузинским катком, а Рокский тоннель пришлось бы потом все равно брать штурмом, но теперь уже с тяжелейшими потерями. Ибо на стороне грузинских войск были бы все выгоды оборонявшихся в горных условиях частей и соединений. Впоследствии за преступно-халатное бездействие командующего войсками СКВО могли бы с треском (под грохот больших и малых барабанов) выгнать из армии, с мясом выдрать генеральские погоны и предать

военачальника суду военного трибунала.

Второе. Начать, не ожидая никаких указаний, действовать. Поднимать войска округа по боевой тревоге. Захватить Рокский тоннель. Приступить к выдвигению частей и соединений на Цхинвал и далее.

Военачальник в этой ситуации проявил весьма редкое для современного российского высшего офицера мужество (столь необходимое генералу в подобном случае) и решился действовать по второму варианту. И даже в этом случае генерала за самоуправство тоже могли с треском выгнать из всех возможных рядов, с мясом выдрать генеральские погоны и предать суду военного трибунала. Но его собственная совесть была бы чиста. И он смело смотрел бы в глаза подчиненным. Несомненно, суд истории генерала бы оправдал.

Кроме того, не следует забывать, что перед глазами всех военачальников оперативно-стратегического уровня Российской армии и поныне стоит участь несчастного и донельзя оболганного генерала Павлова.

Что произошло по факту?

От имени Российского государства военную кампанию августа 2008 года своим решением открыл командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. После продолжительной паузы, когда стало ясно, что обстановка в зоне боевых действий развивается в целом в благоприятном направлении, объявились будущие победители от военного ведомства.

В качестве небольшого отступления от темы следует заметить, что хорошо еще, что на месте грузинского воинства оказалось сборище патологических трусов, которое после первых столкновений с частями регулярной Российской армии начало разбегаться с видимыми признаками самопроизвольных дефекаций.

А если бы в вооруженное противоборство с Российской армией вступила мотивированная и боеспособная армия? В частности, в этой войне российская авиация столкнулась даже с плохо организованной системой ПВО противника, а скорее всего – лишь с ее зачатками. Общий итог просто катастрофичен – Главный штаб ВВС испытал настоящий шок и не меньший трепет от никем не прогнозируемого масштаба потерь авиатехники и летного состава в первые двое суток боевых действий. А если бы это были ВВС и ПВО армии, хотя бы минимально похожей, предположим, на турецкую? Да через три дня подобных боев ВВС России остались бы без самолетов и подготовленных летчиков.

Но вернемся к главной теме – генеральскому мужеству. Оно заключается вовсе не в том, чтобы не выполнять глупые приказы, а в том,

чтобы иметь свою точку зрения по оперативным вопросам и уметь до определенной черты отстаивать ее перед руководством вооруженных сил и Верховным главным командованием. А после этого рубежа – или беспрекословно выполняй приказ, или рапорт на стол: прошу уволить, освободить от занимаемой должности, назначить с понижением, отправить в штрафной батальон.

Наконец, не в меньшей степени мужество требуется генералу при принятии решений в сложной обстановке в отсутствии связи с вышестоящим командованием. Но это всего лишь несколько граней столь необходимого военачальнику мужества. Не меньше ему требуется самообладание и во время ведения военных действий. Но это уже тема следующей публикации.

А как обстоит дело с генеральским мужеством в современной России в целом? Об этом я говорил и писал уже не раз (вынужден даже прибегнуть к самоцитированию), но высший офицерский состав ВС РФ за последние годы без звука «сдал» виды Вооруженных Сил, округа, главные командования, армии, корпуса, дивизии, военно-учебные заведения. Никто «даже в доступных для этого рамках» (как писали раньше в служебных аттестациях) не пытался возражать, отстаивать иную точку зрения. Никто не пытался отстаивать свое мнение всего лишь по одной причине – он его и не имел в принципе. Никто (еще раз подчеркну, никто) не положил на стол Верховному главнокомандующему рапорт с просьбой об отставке. Осторожная критика звучала разве что из уст не в меру расхрабренных отставников.

Политическому руководству страны, наверное, стоит всерьез присмотреться к этому генеральскому феномену (да и детально разобраться: такое уж ли это достоинство высшего офицерского состава). Потому что в природе так не бывает – рыбье молчание и услужливая покорность в мирное время и редкое мужество в военное. Подобные черты отечественного высшего офицерского состава могут привести к самой главной беде – утрате управления войсками и общему поражению в войне. А последнюю да в условиях современной военно-политической обстановки еще никто не отменял. Такие люди, конечно, свои части и соединения на Сенатскую площадь не выведут (как 14 декабря 1825 года), тут власть может быть абсолютно спокойна, но способны ли военачальники, не имеющие чувства собственного достоинства, побеждать в войнах – вопрос открытый.

А в целом вопрос о генеральском мужестве, чести и достоинстве абсолютно не исследован. Тема, как говорится, не раскрыта. Но завет

великого Александра Суворова сегодня, похоже, не в чести.

Силовое решение есть всегда

Даже сегодня среди некоторых российских политиков в ходу особо популярные в недавнем прошлом выражения – «проблема силового решения не имеет», «простых решений этого вопроса нет» и «все войны заканчиваются миром». Следует отметить, что чаще всего подобные словосочетания употреблялись, когда ведение военных действий по тем или иным причинам не приводило к быстрой и решительной победе.

Помимо всего прочего, значительная часть политической элиты российского общества (да и рядовых граждан РФ) убеждена, что в наступившем XXI веке войны будут вестись каким-то особенным способом, отличным от прошедших эпох. Исследователи будущим войнам даже присваивают номера определенных поколений (чего, надо сказать, не было за всю историю человечества). Предполагается, что в ходе так называемой бесконтактной вооруженной борьбы удары высокоточным оружием будут наносить только по военным объектам с хирургической точностью, а в районе боевых действий будет кипеть обычная жизнь. И население потерпевшей поражение страны даже не сразу поймет, что ее армия разбита, а лидеры государства уже подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Эта ересь в настоящее время уже достаточно широко пустила свои корни. И высказывать иную точку зрения подчас становится даже неприлично. Однако обратимся к примерам недавнего прошлого. Закончилась ли убедительной победой американцев феерическая бесконтактная война в Ираке образца 2003 года? На первый взгляд, да: режим Саддама Хусейна был сокрушен, его армия прекратила существование. Однако общий стратегический результат более чем сомнителен. Аналогичную афганскую кампанию, наверное, не имеет смысла даже обсуждать. Американцы никак не могут поставить запятую в нужном месте – «уйти нельзя остаться». Короче говоря, явно происходит что-то неладное. И не помогло ни высокоточное оружие, ни точечное уничтожение боевиков. Ошибки, скорее всего, были заложены на уровне идеологии и принципов.

Обратимся к классику. Итак, Карл Клаузевиц: «Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль,

тем не менее она содержит заблуждение и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства. Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд».

В наше якобы гуманное время считается, что Клаузевиц устарел и сегодня военные кампании ведутся по другим законам. Более чем опасное заблуждение, которое нужно развеять как можно быстрее. Как только в планирование и организацию боевых действий начинают закладываться принципы ограничения и умеренности (типа пресловутой современной российской «локализации» и «нейтрализации»), так сразу на выходе получается «проблема силового решения не имеет» и «простых решений этого вопроса нет».

Но если главнокомандующий руководствуется суворовским «Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят братцы!», то и результат может быть только один – ослепительный успех, которым будут гордиться многие и многие поколения россиян.

И наконец, если хоть единожды в политической и военной среде в ходе вооруженной борьбы прозвучало выражение «все войны заканчиваются миром», то это явный признак пораженчества и измены национальным интересам страны.

Солдатская этика

И свой, и чужой исторический опыт свидетельствует о том, что это важнейший фактор боеспособности армии.

О действиях не только наших противников, но и союзников по двум мировым войнам долгое время полагалось писать в уничижительном или, в лучшем случае, снисходительно-издевательском тоне. Лишь много лет спустя после 1945 года начали говорить о сильных сторонах германской армии. Однако и тогда в отношении вермахта считались абсолютно неприемлемыми слова «доблесть», «долг», «честь». Это по-прежнему очень мешает беспристрастно разобраться в произошедших шесть десятилетий назад событиях и учесть уроки истории.

Накануне катастрофы

Итак, конец апреля 1945 года. Часы третьего рейха сочтены. Даже самый покорный германский солдат не мог не понимать безнадежности дальнейшего сопротивления. Через несколько дней все будет кончено. Однако в соединениях и частях немецкой армии незаметно и малейших признаков чего-либо похожего на разложение или недовольство. Как и в лучшие времена вермахта, генералы связаны с вышестоящим командованием и со своими подчиненными долгом и честью. Немецкий солдат по-прежнему выполняет свои воинские обязанности с присущей ему беспримерной дисциплинированностью.

А ведь германские войска к этому времени далеко не представляют собой монолита образца 1939–1942 гг., периода блистательных военных побед тевтонского оружия. Они невероятно пестры. На передовых позициях Западного и Восточного фронтов можно встретить кого угодно – тут и солдаты из «спешенных» частей ВВС, и подразделения кригсмарине, оставшиеся без кораблей, полицейские, старики, подростки, даже специальные батальоны из людей, страдающих желудочными заболеваниями или ушными болезнями.

И в то же время в германской армии отдаются и выполняются приказания, солдаты упорно бьются за каждую улицу, каждый дом, любую естественную преграду – и все это без малейшей надежды на общий успех. В чем же секрет этого феномена фантастической дисциплинированности и организованности погибающей армии? Объяснений тут может быть множество, однако попробуем поразмыслить над некоторыми

историческими примерами.

Сам убегай, товарища не выручай

Начнем, пожалуй, с директивы Ставки ВГК № 170569 от 15 августа 1942 г.:

«...немцы никогда не покидают своих частей, окруженных советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского руководства должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование. Ставка считает делом чести... спасение окруженных частей...»

Надо отметить, что одним из лучших достижений отечественной военной истории являлся выработанный столетиями кодекс нравственности в русской армии. Речь идет прежде всего о таких непреходящих ценностях, как честь и воинский долг. В течение своего многовекового существования российское воинство руководствовалось девизом «Нет счастья большего, чем положить жизнь за други своя». Именно этим во многом объясняется большая стойкость русских войск в бою, способность к самопожертвованию, верность присяге и воинскому долгу. Солдат всегда был уверен: братья по оружию и военачальники никогда не бросят его в момент смертельной опасности и будут предпринимать все возможное (и невозможное), чтобы выручить попавшего в беду воина.

И тем неслыханнее совершенно невообразимые с точки зрения солдатской этики случаи с нашими войсками, имевшие место в ходе Великой Отечественной войны.

Рассмотрим хотя бы два из них (на самом деле их было гораздо больше).

Во второй половине июня 1942 года стало ясно, что Севастополь, несмотря на все героические усилия оборонявшей его отдельной Приморской армии и Черноморского флота, не удержать. Рано утром 30 июня 1942 года от руководителя Севастопольского оборонительного района вице-адмирала Филиппа Октябрьского в Ставку ВГК ушла шифровка: «Противник ворвался с северной стороны на корабельную сторону. Боевые действия принимают характер уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали, ярко выражая апатию. Резко увеличилось количество самоутечки, хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко

увеличил нажим авиацией, танками, учитывая резкое снижение нашей огневой мощи; надо считать, при таком положении мы продержимся максимум два-три дня.

Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30.6 на 1.7.42 года вывезти самолетами «Дуглас» 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова».

Если перевести это на бытовой язык, то шифровка означает: «разрешите самим смыться, а подчиненных мы бросаем». И какова скромность – «если удастся, самому покинуть Севастополь»!

Через несколько часов из Москвы был получен ответ: «Ставка Верховного Главнокомандования утверждает Ваши предложения по Севастополю и приказывает приступить к их немедленному выполнению».

А вот уже Октябрьский докладывает из Краснодара: «...вместе со мной в ночь на 1 июля на всех имеющихся средствах из Севастополя вывезено около 600 человек руководящего состава армии и флота и гражданских организаций... Отрезанные и окруженные бойцы продолжают ожесточенную борьбу с врагом и, как правило, в плен не сдаются. Примером чему является то, что до сих пор продолжается борьба в районе Мекензиевы Горы и Любимовка».

Шестьсот человек – это все командиры и политработники Черноморского флота и Приморской армии от командира полка и выше. Настает утро 1 июля 1942 года, и защитники Севастополя узнают, что все начальники «уехали». Попробуйте теперь представить себе чувства и настроения бойцов... Вот тебе и «офицеры суть солдатам, яко отцы детям» (Петр Великий)!

И только «высоконравственный» человек из спокойного в то время Краснодара мог написать в донесении – «отрезанные и окруженные бойцы продолжают ожесточенную борьбу с врагом и, как правило, в плен не сдаются».

Наконец, совершенно необъяснимый факт – военный совет Черноморского флота из осажденного Севастополя улетел на двух «дугласах», а сухопутным командирам для эвакуации было предоставлено две подводных лодки.

Между прочим, когда одному из руководителей первой Севастопольской обороны адмиралу Нахимову стала ясна невозможность в сложившихся на июнь 1855 года условиях отстоять Севастополь, флотоводец вышел на бастион и подставил лоб под пулю. Офицеры

упрашивали его сойти с кургана, особенно сильно в этот день обстреливавшегося, но Павел Степанович, чувствуя, что выше его моральных сил пережить падение крепости, искал в этот день смерти. С его гибелью, отмечают современники, все защитники Севастополя, от генерала и адмирала до солдата и матроса, почувствовали, что не стало человека, при котором оставление крепости считалось делом немыслимым. Когда русская армия уходила с Южной стороны, командиры увели войска из крепости по понтонному мосту, не оставив ни одного солдата. Что же, генералы и адмиралы были в те времена рыцарями. А история все-таки своеобразно наказала руководителей второй обороны Севастополя – их имена совершенно не зафиксировались и никак не запечатлелись в народной памяти. Имя Нахимова известно каждому, а кто такие Октябрьский? Кулаков (член военного совета ЧФ)?

Теперь о немцах. Вот шифровка командующего 6-й германской армией, окруженной нашими войсками под Сталинградом, генерал-полковника Фридриха фон Паулюса от 24 января 1943 года: «Предлагаю вывезти из котла отдельных специалистов – солдат и офицеров, которые могут быть использованы в дальнейших боевых действиях. Приказ об этом должен быть отдан возможно скорее, так как вскоре посадка самолетов станет невозможной. Офицеров прошу указать по имени. Обо мне, конечно, речи быть не может».

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Майнштейн по данному поводу высказался так: «В связи с этой радиограммой Паулюса я хотел бы сказать об эвакуации отдельных лиц следующее. С чисто деловой точки зрения, естественно, было бы желательно спасти возможно большее число ценных специалистов, конечно, независимо от их звания. И с человеческой точки зрения понятно, что хотелось бы и надо было стараться спасти каждого. Но эту эвакуацию необходимо было рассматривать и с точки зрения солдатской этики. Нормы солдатской этики требуют, чтобы в первую очередь были эвакуированы раненые. Меры к их эвакуации предпринимались, и эффект их в столь сложной обстановке был разителен. Но эвакуация специалистов могла быть произведена только за счет эвакуации раненых. Кроме того, неизбежно большинство эвакуируемых специалистов составили бы офицеры, так как благодаря их подготовке и опыту они представляют большую ценность в войне, чем рядовые солдаты (если речь не идет о специалистах, имеющих совершенно особую техническую или научную подготовку). Но в той обстановке, в которой находилась 6-я армия, по понятиям немецкой солдатской этики, когда речь шла о спасении жизни, офицеры должны были уступить первую очередь

солдатам, за которых они несли ответственность».

Вскоре генерал-полковник Паулюс получил ответ генерального штаба сухопутных войск: «...в отношении эвакуации специалистов: фюрер в просьбе отказал».

То есть пленение более 20 немецких генералов в районе Сталинграда связано в первую очередь с тем, что они до конца разделили участь своих войск. А могли быть эвакуированы в любой момент. Не следует также забывать о том, что немцы вывезли из котла тридцать тысяч раненых. Место для двух десятков генералов при желании всегда бы нашлось.

Простота по-русски

Практически всем великим полководцам прошлого и настоящего свойственны идентичные черты. Помимо всего прочего, это подвижность и выносливость, простота личной жизни, нетребовательность в пище и одежде, малая потребность в отдыхе, отсутствие ритуала в деловых сношениях – все это давало им значительное число часов для продуктивной работы.

Например, фельдмаршал Эрвин Роммель, о котором Уинстон Черчилль в свое время говорил: «Мы имеем перед собой очень смелого и искусного противника и – да будет мне позволено сказать, несмотря на угар войны, – выдающегося полководца». Вот несколько штрихов из быта Роммеля. Завтрак его состоял из нескольких бутербродов, которые он съедал в машине, и глотка чая из фляги; поздний обед был не менее спартанским. Он требовал, чтобы лично ему и его штабу выдавали такой же паек, как и войскам. Ложился Роммель поздно, а уже с первыми лучами солнца был в штабе или в боевых порядках войск.

А вот образцы из жизни наших руководителей. К примеру, директива заместителя начальника Генерального штаба начальнику штаба Дальневосточного фронта от 20 июня 1943 г. № 217/1/орг: «...в личном пользовании командующего 25-й армией содержатся семь легковых машин, семь шоферов, пять поваров. У членов Военного совета 25-й армии по три машины и по три шофера. Помимо этого, содержится нештатная конюшня в составе 9 лошадей и 7 коноводов. В штабах фронта и армий на должностях шоферов, как правило, вместо рядового состава содержится младший начсостав. Предлагаю призвать к порядку тов. Парусинова и ликвидировать обнаруженные нарушения штатной дисциплины».

Вот ведь как. Мало того, что генерал (кому он ныне известен?) завел себе по несколько автомобилей и поваров, так еще и конюшню. Это, надо полагать, чтобы при желании гулкой ранью проскакать в свое

удовольствие. И что же предлагает Генштаб штабу ДВФ? Освободить командующего 25-й армии от занимаемой должности и назначить с понижением? Предупредить Парусинова о неполном служебном соответствии? Объявить ему строгий выговор, на худой конец? Ничего подобного! В директиве сказано – призвать к порядку. И не более того. То есть всего лишь пожуричь. Тем более указания адресованы даже не командующему ДВФ, а начальнику штаба. Профессионалам это о многом говорит. И сколько у нас было таких Парусиновых!

К слову говоря, взгляните в фотографии тех лет. Внешний вид большинства наших военачальников вовсе не говорит о том, что они завтракали бутербродами в машине и строго требовали себе щи да кашу из солдатского котла. Армия победившего пролетариата была уникальна в том числе и тем, что в ней существовала строгая ранжировка по количеству и качеству питания, в отличие от той же немецкой, где один паек полагался и солдату, и генералу. Кстати, немцев в годы Второй мировой войны необычайно удивляло то обстоятельство, что у румын, итальянцев и венгров офицерский паек значительно отличался в лучшую сторону по качеству от солдатского. По их понятиям, это противоречило духу товарищества и воинского братства.

У нас же даже командиру взвода полагалось дополнительное питание (масло, печенье, рыбные консервы), а чем выше должность и звание, тем эта разница была существеннее. Например, при полевом управлении фронта (армии) имелось несколько столовых – военного совета, политуправления и простая военоторговская – для рядовых работников. В то же время в войсках действующей армии отмечались случаи гибели военнослужащих от истощения (Калининский фронт, 1943 год).

Еще один штрих. Генштаб указывает командующему войсками Центрального фронта о грубом обращении командира 24-го стрелкового корпуса с подчиненными – № 12908 от 3 июля 1943 г.: «...по имеющимся данным, в среде руководящего состава 24-го ск сложилась нездоровая обстановка в результате чрезвычайной грубости со стороны командира корпуса генерал-майора Кирюхина. Постоянная ругань, угрозы расстрела и оскорбления своих заместителей и начальника штаба вошли в систему. Прошу указать генерал-майору Кирюхину на необходимость немедленного изжития подобного отношения к своим подчиненным».

А ведь этот Кирюхин брал пример с вышестоящих начальников – командующих войсками фронтов, армиями, представителей Ставки. У этих военачальников самым ходовым словом в общении с подчиненными было слово «застрелю!» Попробуйте представить такое в любой другой армии –

французской, американской, немецкой, в среде потомственных военных. Помимо словесных оскорблений и угроз, в рабоче-крестьянской армии, не будет большим преувеличением сказать, пышным цветом процветал и самый заурядный мордобой.

Тут, думается, кроется лишь одна из причин (подчеркнем, всего лишь одна) того, почему порой окруженные соединения и части Красной Армии практически не оказывали организованного сопротивления. Они (особенно в начале войны), случалось, стремительно, за несколько суток, превращались в неуправляемые стада и сотнями тысяч сдавались в плен, хотя нередко попадали в кольцо с немалыми запасами вооружения, военной техники, боеприпасов, продовольствия. Вместо сопротивления врагу военнослужащие (и командный состав в том числе) иногда перепивались, мародерствовали и разыскивали своих командиров с целью сведения личных счетов.

Необходимо с горечью признать: у немцев вера младших в старших и взаимное уважение между командирами и рядовыми бойцами были значительно крепче, чем у нас. Наконец, качество войск, их подготовка, уровень выучки командного состава были существенно выше. Этим во многом и объясняется тот феномен, что до самой капитуляции германские вооруженные силы сохранили управляемость и боеспособность.

Сделаны ли выводы из печальных уроков Великой Отечественной? Увы...

По-прежнему у нас много говорится о коллективизме, войсковом товариществе, боевом братстве, но в то же время для укрепления и развития этих важных составляющих боеспособности войск мало что делается реально. Положа руку на сердце, спросим: продовольственная и вещевая ранжировка, грубость и хамство старших по отношению к младшим, привилегии одним и отсутствие элементарных прав у других – разве все это в далеком прошлом? Поэтому-то поучительный опыт любых других армий в строительстве и воспитании войск внимательно изучать и оценивать представляется далеко не лишним.

Бесполезны в мирное и опасны в военное время

В ратной истории России нет личности более яркой, чем Александр Васильевич Суворов. Однако даже многим своим современникам он казался иногда отнюдь не выдающимся военным мыслителем, а неким чудаковатым персонажем. И уж тем более не руководствуются его заветами (на деле, а не на словах) в наше время. А то и перевирают известные высказывания великого полководца.

Поэтому, чтобы следовать предначертаниям генералиссимуса, надо хотя бы понимать, что он имел в виду. В частности, в одном из своих писем граф Рымникский отмечал: «Достоинства военные суть храбрость для солдата, бодрость для офицера, мужество для генерала».

То есть именно мужество выдвигал Александр Васильевич на первое место среди необходимых высшему офицерскому составу качеств. Между тем в России военное искусство всегда окутывалось неким ореолом таинственности. Считалось (да и считается по сей день), что военачальнику при выработке замысла боевых действий требуется как минимум пользоваться чуть ли не рядами Фурье и прикладывать к топографическим картам бином Ньютона.

По этому поводу генерал Василий Флуг в свое время говорил: *«Гениальность стратегических и тактических замыслов заключается вовсе не в самих замыслах, обыкновенно крайне простых и не выходящих за пределы способностей обыкновенного здравого смысла, а в той огромной силе духа, которая была приложена для проведения замыслов в жизнь».*

Приведем несколько хрестоматийных примеров проявлений мужества из биографии одного известного отечественного полководца. 22 июня 1941 года генерал-майор Константин Рокоссовский, не имея связи с вышестоящим командованием, вскрыл «красный» пакет наркома обороны, склады НЗ и мобилизовал автотранспорт. Корпус Рокоссовского организованно вступил в войну. На первый взгляд, так должен был поступить каждый командир. Однако, если учесть, что совсем недавно будущий маршал и дважды Герой Советского Союза был освобожден из мест заключения, где ему выбивали зубы, ломали ребра и несколько раз выводили на расстрел, его поступок приобретает совершенно другую окраску. Высшие офицеры «ломались» в те времена даже от пристального взгляда вождя всех народов. Хорошо известно и поведение генерала армии Рокоссовского накануне стратегической наступательной операции

«Багратион», когда его несколько раз выпроваживали из кабинета Верховного главнокомандующего и настоятельно предлагали подумать над корректировкой замысла наступления подчиненного ему фронта, но генерал все равно отстаивал свое мнение и в конечном итоге убедил Сталина согласиться с его вариантом. А возражать «кремлевскому горцу» было не то чтобы нелегко – просто опасно.

И приведем всего один пример из недавней истории РФ. Ноябрь 1994 года, собравшиеся в кабинете президента России Бориса Ельцина государственные мужи обсуждают вопрос о проведении специальной операции против незаконных вооруженных формирований генерала Дудаева. По большому счету министр обороны, присутствовавший на этом совещании, теоретически мог встать и честно сказать: «Товарищ Верховный главнокомандующий, армия не готова в установленные вами сроки начать военные действия. Прошу дополнительно два-три месяца на доукомплектование и боевое слаживание соединений и частей».

Разумеется, тем самым министр обороны мог подвести черту под своей карьерой как главы военного ведомства. Как же, война, а у него ничего не готово. Но это был бы честный и самое главное – мужественный ответ генерала. Однако министр промолчал. Как известно, больших охотников возражать Борису Ельцину в России 90-х не было. И ведь на том приснопамятном совещании не выбивали зубы, не ломали ребра, не расстреливали. Общий результат известен – позор на весь мир: 273 убитых военнослужащих только за одну новогоднюю ночь. После 1 января 1995 года западные аналитики заявили, что в России отсутствуют Вооруженные Силы, способные вести боевые действия с применением только обычных средств поражения.

Вернемся к временам сегодняшним. Как известно, высший офицерский состав ВС РФ за последние годы, при Анатолии Сердюкове и до него, без звука «сдал» виды Вооруженных Сил, округа, главные командования, армии, корпуса, дивизии, военно-учебные заведения. Никто «даже в доступных для этого рамках» (так иногда писали раньше в служебных аттестациях) не пытался возражать, отстаивать иную точку зрения. Критика звучала только из уст отставников. Верховному главному командованию стоит всерьез присмотреться к этому феномену (да и детально разобраться: такое уж ли это достоинство). Потому что в природе так не бывает – рыбье молчание и услужливая покорность в мирное время и редкое мужество в военное. Подобные черты отечественного высшего офицерского состава могут привести к самой главной беде – утрате управления войсками и общему поражению в войне. А последнюю еще

никто не отменял.

Нет клаузевицев в Отечестве своем

Во многих развитых странах Запада и Востока существуют независимые экспертно-аналитические центры, занимающиеся исследованиями проблем вооруженной борьбы, военного строительства и разрабатывающие различные программы по заказу руководителей государств, получая за это казенные деньги.

Причина появления подобных центров достаточно проста – научные учреждения силовых ведомств редко способны предложить какие-либо воистину прорывные решения в области обороны, национальной безопасности, правоохранительной деятельности. Сотрудники данных организаций вынуждены постоянно прислушиваться к мнению высокопоставленных чиновников – при погонах и без оных – которым подчинены. Если же ведомственная наука – монополист в столь важных сферах, результаты окажутся весьма печальными, о чем наглядно свидетельствуют, к сожалению, негативные примеры из жизни нашего Отечества. Кстати, очень мало рядовых граждан РФ имеют полное представление о том, насколько мы отстали от передовых в военном отношении стран мира.

Кто-то скажет: надо и в России принять решение о создании независимых исследовательских центров. Однако делать это не нужно. Они у нас есть, в том числе и военной направленности. Только вот в большинстве из них с кадрами настоящая беда. Военнослужащие, находящиеся на действительной службе, независимыми экспертами и аналитиками, естественно, быть не могут. Уволившиеся в запас или пребывающие в отставке нечасто, мягко говоря, предлагают нечто по-настоящему революционное. Что же касается гражданских специалистов, то «узок круг» этих людей, немногие из которых вдобавок обладают необходимыми знаниями, по-настоящему вдумчиво разбираются в сути трудностей армии и флота, ОПК.

Впрочем, дело не только и не столько в кадрах, сколько в состоянии современной военной мысли в России. Наша официальная ратная наука впала в кому во второй половине 80-х годов и в середине 90-х, так и не приходя в сознание, тихо скончалась. Доказательством того является практически полное отсутствие заметных, будоражащих общественность выступлений ученых с офицерскими и генеральскими званиями в открытой печати. Назвать имена двух-трех видных отечественных военных

теоретиков европейского/мирового уровня конца XX – начала XXI века – задача абсолютно невыполнимая.

А как обстоят у нас дела с неофициальной военной мыслью (назовем ее так), глашатаями которой в настоящее время выступают некоторые бойкие «вольные сочинители», а также штатные обозреватели печатных и электронных СМИ (хотя многие из них не имеют даже первичного военного образования)? Для начала скажем, что в ней трудно выделить какие-то течения и направления. Она заражена многочисленными ересями, которые не выдерживают ни малейшего критического анализа.

В частности, ряд ее адептов на протяжении 20 последних лет убеждают российское общество в том, что нам всенепременно нужна «профессиональная армия». До тех, кто произносит подобное словосочетание, никак не доходит, что профессионализм армии несколько не зависит от способа комплектования, коих всего-то два – по контракту и по призыву – а определяется уровнем боевой подготовки и главным образом – результатами, показанными на полях сражений. Причем армии, даже целиком состоявшие из солдат, набранных согласно закону о всеобщей воинской повинности, не единожды прекрасно проявляли себя в боях. Вспомним хотя бы легендарные легионы Древнего Рима в период его расцвета, пополнявшиеся исключительно призывниками, ибо защита Родины была обязанностью каждого свободного гражданина. Между тем сейчас на слуху уже другой слоган – «профессиональные сержанты». Однако это примерно из той же оперы.

Или вот один видный публицист, занимающийся военной тематикой, совершенно помешался на термине «массовая мобилизационная армия». Что это такое – один он знает.

Кстати, в обществе существует трагическое заблуждение, будто в Отечестве в каких-то таинственных сусеках запасено оружия совершенно в невероятных количествах. И когда затрубят трубы нового похода, словно из рога изобилия, начнут сыпаться вооружение и военная техника. Однако это не совсем так. На флот или в авиацию можно призвать из запаса несколько миллионов человек. Только не будет кораблей и самолетов для полчищ военнообязанных. Да и в Сухопутных войсках на стратегические резервы нет ни современной бронетехники, ни артиллерии, не говоря уже об АСУ и связи. Дай бог разве что переодеть мобилизуемых граждан в военную форму одежды (и то не факт, что это получится в полном объеме).

Тезис, высказываемый группой военных экспертов и сводящийся к тому, что современную Российскую армию надо разогнать, после чего создать новую и на новом месте, нет, наверное, смысла разбирать детально.

Это не более чем утопия (если не ахинея).

Таким образом, официальная российская военная мысль мертва. Неофициальная – в основном носит с совершенно фантастическими идеями. В этих условиях руководству российского Минобороны не остается ничего иного, как положиться исключительно на собственное видение будущего Вооруженных Сил РФ. Насколько оно право – покажет ближайшее будущее.

Две большие разницы

Как известно, все нынешние российские генералы и офицеры проходили когда-то курс военной истории и в училищах, и в академиях. Однако, похоже, не каждый представитель высшего и старшего командного состава вдумывался в суть событий давнего и недавнего прошлого, извлекая уроки из опыта знаменитых полководцев. А между тем поверхностное знакомство с ратной летописью Отечества чревато печальными последствиями. Попробую показать это на примерах двух штурмов – крепости Измаил 11 декабря 1790 года и города Грозного 1 января 1995-го.

Взятие Измаила – беспрецедентный случай в военной практике. Действительно, «не Измаил, но армия турецкая истреблена в укреплениях пространных». Были не только преодолены стены, считавшиеся неодолимым препятствием, обороняемые многочисленным храбрым противником, но и уничтожено засевшее за ними войско. После столь убедительной виктории возникла необходимость осмыслить, каким же образом удалось достичь невероятного успеха.

Объяснения обычно сводятся в основном к двум положениям. Мол, Суворов разработал на редкость оригинальный замысел овладения крепостью. Однако в действительности диспозиция командующего, даже если вчитаться в нее с пристрастием, предельно проста и основывалась не столько на разного рода военных премудростях, сколько на здравом смысле.

Помимо этого, повествуется о каких-то особенных новациях в боевой подготовке русских солдат накануне штурма. В частности, в ходу легенда, согласно которой Александр Васильевич приказал-де выстроить валы и отрыть рвы наподобие измаильских и ночью «чудо-богатыри» под руководством Суворова учились их преодолевать. Однако вот незадача: высота крепостного вала достигала 9—12 м, его опоясывал ров шириной около 12 м и глубиной 6—10 м (местами с водой до плеч). Чтобы тренировать войска, надо оборудовать место занятий как минимум на батальон (а лучше на полк). Теперь остается прикинуть, какова будет протяженность этого участка по фронту, взять карандаш, калькулятор и посчитать объем необходимых инженерных работ. Затем составить график вывода подразделений на соответствующие экзерциции. Самое главное при этом не забыть, что на все про все у Суворова имелось восемь дней и с шанцевым инструментом в те времена дела обстояли не менее скверно, чем

два века спустя. Если все названное выше принять во внимание, рассказы об укреплениях, идентичных измаильским, уже не будут выглядеть столь убедительными.

Что же произошло на самом деле? Обратимся к фактам.

Когда в русский лагерь под Измаилом пришло известие, что командующим войсками, собранными для штурма крепости, назначен Суворов, эта новость, как искра, облетела роты, эскадроны, сотни, батареи. Современники отмечают: все ожили, все знали, чем кончится осада. «Как только прибудет Суворов, крепость возьмут штурмом», – говорили солдаты, офицеры, генералы.

А теперь представим настроение в частях Объединенной группировки накануне нового 1995 года, когда им сообщили о смене командующего. Военнослужащим было абсолютно безразлично, кто ими руководит – Иванов или Петров.

Рано утром 2 декабря 1790 года, преодолев свыше 100 верст, к Измаилу подъехали два всадника, забрызганные грязью: Суворов и сопровождавший его казак, который в маленьком узелке вез все имущество 60-летнего генерал-аншефа. Раздалась приветственная пальба, общая радость распространилась в русском лагере – в маленьком, сморщенном старичке явилась сама победа!

Для сравнения: военачальника, еще возглавлявшего в середине декабря 1994 года Северо-Кавказский военный округ, на полдня вывозили к войскам из какой-либо загородной резиденции. Затем полдня уходило на дорогу к месту ужина и ночлега. Ни малейшего воодушевления на российских биваках при этом не наблюдалось.

Перед штурмом Суворов ходил по лагерю, говорил с солдатами и офицерами, вспоминал прежние виктории, перечислял трудности предстоящего приступа. «Видите эту крепость, – говорил он, указывая на Измаил, – стены ее высоки, рвы глубоки, а все-таки нам нужно взять ее. Матушка-царица приказала, и мы должны ее слушаться». Простые живые речи обожаемого полководца, вспоминали очевидцы, воспламеняли сердца людей, все жаждали показать себя достойными похвал. «С тобой все возьмем!» – восторженно отвечали воины.

В декабре 1994-го никто не заметил командующего СКВО, ходившего по стоянкам войск, беседующего с бойцами и командирами. И уж тем более никто не обещал ему: «С тобой все возьмем!».

И последнее. В ходе штурма Измаила колонна генерала Михаила Голенищева-Кутузова, атаковавшая бастион у Килийских ворот, дрогнула под шквальным неприятельским огнем, приостановила движение. Суворов,

заметив это, послал сказать, что Кутузов уже назначен комендантом крепости и донесение о ее взятии послано в Петербург. Сегодня обычно не понимают сути этого эпизода. А между тем по законам чести дворянина Голенищеву-Кутузову оставалось только одно из двух – или захватить Килийские ворота, или погибнуть в бою.

Нынешний же российский военачальник наверняка в подобном случае начал бы угрожать подчиненному отстранением от занимаемой должности, военным судом, расстрелом, наконец.

Вот вроде бы всего лишь несколько сопоставлений – а какова разница в результате. С одной стороны – ослепительная победа, с другой – несмываемый позор.

Четвертый удар

За последние полвека новейшей истории ни к одному из сословий служивого люда отечественная власть не относилась порой столь беспощадно (и равнодушно), как к офицерскому составу Вооруженных Сил. Примерно раз в десять (иногда в двадцать) лет государство принимается «умножать на ноль» с таким трудом выращенные командные и инженерно-технические кадры армии и флота, людей, отвечающих за моральный настрой в воинских коллективах.

Подобных погромов (а их и трудно назвать по-другому) во второй половине XX столетия можно насчитать по меньшей мере четыре. Сперва грянули знаменитые хрущевские сокращения – на «миллион двести» и прочие. Да, после смерти Сталина его преемнику досталась в наследство пятимиллионная военная машина. Было совершенно очевидно, что она чрезмерно обременяет страну и вряд ли нужна в ракетно-ядерную эпоху. Однако оптимизация численности этой огромной рати проводилась самым варварским способом. Слов «адаптация» и «переучивание» тогда просто не знали. И никто не хотел этим заниматься.

История массовых увольнений профессиональных защитников Родины еще не написана и поныне ждет своего исследователя. Ведь в ту пору имели место десятки тысяч случаев проявления жестокости и вопиющей несправедливости. Достаточно сказать, что нередко офицеров просто выкидывали на улицу, отправляли в запас, не дав дослужить до честно заработанной пенсии буквально несколько дней.

Вдобавок все это сопровождалось откровенно издевательской пропагандистской кампанией, развязанной по указке сверху. Так, в советской прессе постоянно мелькали заметки, суть которых сводилась примерно к следующему: «...До недавнего времени подполковник Н. был командиром танкового батальона и занимался откровенной ерундой, даром проежая народные деньги. А теперь он при деле – работает скотником колхоза «Светлый путь». Именно в те времена появилась поговорка: «Лучше нету свинопаса подполковника запаса». В итоге был серьезно подорван престиж офицерской профессии.

Последующие годы так называемого застоя на самом деле оказались воистину золотым веком для военной организации нашей страны. На достижениях 70—80-х и созданном в тот период запасе прочности и сегодня держатся Вооруженные Силы Российской Федерации. Главное – в

тот период удалось преодолеть печальные последствия диких хрущевских «инициатив». Офицерство стало по-настоящему средним классом и занимало достойное своему статусу место в советском обществе.

Начало второй волне гонений на офицерские кадры, очередным губительным изменениям в отношении к ним было положено в 1987 году, когда в СССР с ведома и по указке генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева развернулась самая настоящая антиармейская кампания, градус истерии в которой порой просто зашкаливал. Ситуация подчас складывалась таким образом, что офицеры не рисковали появляться в общественных местах в военной форме (а в Прибалтике и Закавказье это даже грозило смертельной опасностью).

Что любопытно: данная кампания закончилась отнюдь не по приказу из Кремля. Она принялась затухать сама по себе и лишь только потому, что вслед за ней на офицерский состав Вооруженных Сил тут же обрушилась новая волна гонений – третья по счету. В результате гайдаровских реформ офицеры были поставлены на грань выживания и нищеты. Вот почему прекратилось прежнее дикое шельмование офицерского сословия. Ибо убогих и сирых на Руси скорее жалеют, нежели измываются над ними.

Ныне (текст писался при Анатолии Сердюкове) в армии и на флоте России опять проходит страда масштабных сокращений. Спору нет: стране и в ближайшей, и в среднесрочной, и в отдаленной перспективе нужны совсем не те Вооруженные Силы, которые имелись у нее еще вчера. Разумеется, они должны были в кратчайший срок обрести совершенно иной облик. Несомненно, признанные мировые пропорции между старшими и младшими офицерами в них оказались нарушены самым грубым образом. На одного офицера там приходились всего один-два солдата. И вообще, без приведения военной организации страны в нормальное состояние никак нельзя обойтись. Времени на это отпущено в обрез, точнее – его совсем нет. Все так.

Между тем на повестку дня выходят чрезвычайно важные вопросы, связанные напрямую с обеспечением национальной безопасности России. Выдержит ли наше офицерство четвертый удар? Не начнутся ли в его самосознании и психологии разрушительные процессы, которые не удастся потом восстановить даже резким повышением денежного содержания?

Увы, обоснованные, развернутые и обнадеживающие ответы на них пока не прозвучали...

Оправдание для дураков

«Тяжело в учении – легко в бою». Вот, пожалуй, наиболее популярный ходовой завет, которым руководствовались и продолжают руководствоваться наши Вооруженные Силы. Эти слова приписывают Александру Васильевичу Суворову. Однако при тщательном изучении теоретического наследия великого полководца выясняется, что ничего подобного он не говорил. На самом деле генералиссимус утверждал, что «легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе». Причем не совсем понятно, что князь Италийский подразумевал под термином «поход» – марш, выдвижение в район боевых действий, бой, сражение, кампанию. Гениальный военный мыслитель в своих сочинениях, к сожалению, нигде этого так и не раскрыл. Более того, приведенная выше фраза («легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе») впервые прозвучала не в наставлениях, приказах, инструкциях и рапортах военачальника, а в одном из его частных писем. Что характерно: в важнейшие сочинения Александра Васильевича – «Полковое учреждение» и «Науку побеждать» она им не была включена.

В других своих высказываниях Суворов как будто бы себе же противоречит, заявляя, что «солдаты учение любят, лишь бы кратко и с толком». Это, согласитесь, особой тяжести в организации боевой подготовки не подразумевает. Но здраво поразмыслив, приходишь к следующему выводу: занятия с бойцами должны быть тщательно продуманы, организованы, проводиться в течение установленного времени и с надлежащей результативностью. Вот что имел в виду легендарный победитель поляков, турок и французов. Если же слово «поход» у генералиссимуса все-таки означает маршевую подготовку войск, то и тут со словами «тяжело в учении» как-то не очень складывается. Обратимся к «Науке побеждать» (раздел «Три воинских искусства»), где столь много внимания уделяется передислокации войск в намеченный пункт. В частности, давая указания по замыслу марша, полководец заключает: «По сей быстроте и люди не устали». То есть не собирался Александр Васильевич на столь знаменитых суворовских переходах личный состав доводить до полного физического изнеможения.

Однако нельзя не отметить следующее. Будни Советской и современной Российской армии свидетельствуют: первая половина якобы произнесенной Суворовым фразы (насчет того, чтоб на учении было

тяжело) – своего рода особо важное указание, которое исполняется постоянно и неукоснительно. А вот насчет второй половины – легкости в бою, особенно в начальный период любого вооруженного конфликта – с этим почему-то не очень получается. Обычно не готовы ни к чему, хотя «тяжести» при организации оперативной и боевой подготовки уделяли в мирное время первостепенное внимание. Что даже подтверждается образчиками солдатского фольклора. Бестолковщина в ходе занятий там обычно присутствует в изобилии, а вот легкость в бою не встречается.

Не совсем понятно, почему в учении в принципе должно быть всенепременно тяжело. По каким таким причинам? И что, собственно, хотят обозначить этим словом? Вполне объяснимую усталость после выполнения всех намеченных задач в установленные сроки или измотанность людей вследствие безграмотности командиров, гонявших их без пользы и толка? Одним словом, завет «тяжело в учении – легко в бою» надо применять с очень и очень большой осторожностью. Чувство меры необходимо тут, как, наверное, нигде.

Более того, этот завет зачастую охотно используется генералами и старшими офицерами, чьи организаторские способности не соответствуют занимаемой должности. Поскольку на то, что учение обязательно должно быть «тяжелым», подобные «отцы-командиры» стремятся списать все безобразия, которые обычно имеют место в ходе маневров различного масштаба. Не накормил личный состав горячей пищей после многочасового марша – «тяжело в учении», заморозил бойцов в поле вместо организации обогрева – опять «тяжело в учении», не давал никому спать в течение трех суток вместо разумной организации посменной боевой деятельности – и вновь «тяжело в учении».

Хорошо известно, что подразделения и части будут действовать на войне точно так же, как они до этого осваивали боевую подготовку (и вся военная история подтверждает, что никаких иных вариантов тут нет и быть не может). Если ратная учеба в ротах, батальонах и полках превращалась исключительно в испытание на выносливость и выживание, то никаких умений и навыков они на поле сражения не продемонстрируют. Короче говоря, коли все военные премудрости в мирное время заколачивались в солдат и сержантов исключительно «через задницу» да еще и с большим трудом, то соответствующее «мастерство» они явят и в ходе вооруженной борьбы. Поэтому высокая организация боевой подготовки все же гораздо предпочтительнее, чем пресловутое «тяжело в учении».

Время политруков прошло

Ни для кого не секрет, что казарменное насилие в армии и на флоте никуда не делось. При этом дедовщина во многом связана с этническими и религиозными факторами. По сути в частях и подразделениях Российской армии идет настоящее противоборство между военнослужащими, призванными из республик Северного Кавказа, и уроженцами прочих регионов РФ.

Какие же меры предлагаются для решения этой проблемы? Одна из них уже озвучена – возможное комплектование соединений по национальному или конфессиональному признаку. Но большинство специалистов, знакомых с современными отечественными реалиями, считают данный путь абсолютно неприемлемым.

Другой способ прекращения побоищ и избиений, по мнению ряда экспертов, – возрождение на новой основе института замполитов. Более того, считается, что опыт покойного Главпура якобы известен и опробован на практике во многих цивилизованных странах. Надо сказать, что подобная ересь генерируется, как правило, либо самими бывшими политработниками, либо некоторыми публицистами. При этом наследники и почитатели «комиссаров в кожаных тужурках» в подтверждение своих тезисов риторически возглашают: «Кто будет сегодня конкретно работать с солдатами? Кто займется укреплением их морально-психологических качеств? Таких офицеров, к сожалению, фактически нет сейчас в армии, что очень тревожит экспертное сообщество».

Что понимается под экспертным сообществом в данном случае – не совсем ясно. Теперь непосредственно о политработниках/воспитателях. За всю без малого двенадцативековую историю Российского государства в дружинах, ратях и войсках, защищавших его от внешних угроз, отстаивавших интересы державы на поле брани, никогда не было никаких воспитательных структур (за исключением краткого 73-летнего периода советской власти).

Например, перед Бородинским сражением в 1812 году никто не выпускал боевых листов и стенгазет, не произносил зажигательных речей, не строчил при свете костра на лежащем на барабане листке бумаги: коли завтра сложу голову, желаю, мол, числиться в рядах самых верных царских слуг. Помогались накануне иконе Смоленской Божией Матери – и в битву. И как дрались! Французы взяли в плен менее одной тысячи русских воинов

(существенно менее одного процента от первоначальной численности русской армии), да и то в основном израненных. То есть добровольно подчиненные фельдмаршала Голенищева-Кутузова в плен не сдавались.

И совершенно иная картина наблюдалась в СССР в период Великой Отечественной войны – недостатка в политруках и комиссарах в Красной армии вроде бы не ощущалось, а миллион советских граждан оказались на службе в вермахте. В то же время за шесть лет Второй мировой в той же Великобритании никто не писал заявлений типа «В бой хочу идти лейбористом» или «Если погибну, прошу считать меня консерватором», а классических предателей у англичан – раз-два и обчелся.

В этой связи надо отметить, что Верховный главнокомандующий маршал Сталин к эффективности политработы после первого года войны относился весьма и весьма скептически. Комиссаров отменил и больше полагался на приказы № 270 и № 227. Кстати, в ту пору имели место ситуации, которые позже при советской власти представить себе было абсолютно невозможно. В частности, член военного совета 1-го Белорусского фронта по воинскому званию – генерал-лейтенант, а командующие, например, артиллерией и инженерными войсками – генерал-полковники. То есть товарищ Сталин знал, что потерянная в спешке походная ленкомната никак не скажется на успехе сражения. А вот если план инженерного обеспечения фронтовой наступательной операции разработан неграмотно или с большими огрехами – жди беды. Следовательно, людей ценили по вкладу в победу, а не по длине языка. При политработниках же Хрущеве и Брежневе ситуация резко изменилась. И теперь в самом страшном сне начальник артиллерии, к примеру, округа не мог себе представить, что его звание выше звания члена военного совета.

Бывшие политруки никак не могут понять, что их основное предназначение в Вооруженных Силах заключалось отнюдь не в воспитании солдат, матросов, сержантов и старшин, в оформлении наглядной агитации, а в осуществлении надзора за командным составом армии и флота. Никак до них даже сегодня не доходит, что главная задача «бойцов партии» в прежние времена (и до сих пор не оглашенная) – предотвратить цементирование и кристаллизацию офицерского сообщества, препятствовать его превращению в разновидность служилого сословия, сформированного на основе кодекса чести.

А воспитывать 18—20-летнего человека в войсках уже поздно. Его могут воспитать семья, до определенной степени – детский сад и школа, но самое главное – сам уклад, если угодно, образ жизни. А в армии у командира должен быть только кнут для нерадивых и пряник для усердных.

Сейчас же пока – ни кнута, ни пряника.

Что же касается этнических конфликтов в казармах – то и тут способ только один. На данном этапе попросту не призывать представителей республик Северного Кавказа в Вооруженные Силы России. И такие прецеденты в истории нашей страны уже были.

После умопомрачительной ереси

Вскоре после развала Советского Союза в декабре 1991 года произошла департизация Вооруженных Сил и рухнула казавшаяся незыблемой система мероприятий по идейно-политическому воспитанию личного состава армии и флота, укреплению и совершенствованию которой приснопамятный ГлавПУР, политработники всех уровней и званий отдавали так много времени и усилий.

Штудированию положений марксистско-ленинских наук в военных вузах отводились, как правило, лучшие учебные часы. Например, семинар по истории КПСС (насквозь фальсифицированной, как известно) никак не мог начаться в девять часов утра в понедельник. Наутро самого тяжелого дня недели, насколько помнится автору, как правило, выпадали только лабораторные работы по теории автоматического управления и регулирования, лекции по теоретическим основам радиолокации, групповые упражнения по теории электромагнитного поля или непосредственное изучение вооружения и военной техники.

Страшно представить, что на освоение «политической экономии социализма» и тому подобной ереси в течение пятилетнего срока подготовки будущих военных инженеров отводилось не менее восьмисот драгоценнейших учебных часов. Теперь остается только гадать, насколько бы возрос профессионализм юных лейтенантов, если бы это время было использовано исключительно по назначению – для обретения навыков ведения современного боя.

Между тем конспектирование трудов «вождей мирового пролетариата», статей и докладов «верных продолжателей дела» Ильича в СССР, зазубривание цитат из этих сочинений являлось отнюдь не безвредным занятием. Забивание голов не подлежащими ни малейшему сомнению догматами не проходит бесследно.

По большому счету человеческие умы в результате таких упражнений в конечном итоге становятся неконкурентоспособными. Люди просто разучиваются думать, сопоставлять, анализировать. И в самом деле – зачем? Если в единственно верном и всепобеждающем учении описаны пять черт какого-либо общественно-политического явления, то их уже никак не могло быть шесть или четыре.

А вот два весьма примечательных свидетельства, подтверждающих вышесказанное.

Заглянем в доклад по итогам первых четырех месяцев боевых действий в 1980 году в Афганистане. Прелюбопытнейшие пассажи прозвучали в этом документе: «Необходимо ясно представлять, что развитие обстановки в ДРА (Демократическая Республика Афганистан. – М. Х.) происходит не изолированно, а является составной частью общей борьбы социализма, прогресса и демократии с империалистической реакцией, в которой все мы активно участвуем»; «Афганская революция происходит в стране чрезвычайно отсталой, где практически отсутствует организованный рабочий класс, который мог бы сплотить вокруг себя все прогрессивные силы, где во многих областях развития общества господствуют феодальные отношения, реакционная исламская религия, которая держит народ в невежестве и нищете».

Налицо результат того самого штудирования, о котором говорилось ранее. Прочно осели в мозгах наших военачальников положения научного коммунизма. Хотя после данных посылов любой мыслящий человек неизбежно сделает вывод: советским войскам придется сражаться ради светлого будущего южного соседа СССР лет эдак 100 как минимум. Причем без малейшей надежды на успех.

Другой пример. В августе 1991 года теоретически в стране могла воцариться военная диктатура. Руководству Вооруженных Сил потребовалось бы предпринять несколько энергичных мер – и безвластная страна оказалась бы в их полном распоряжении. Этого не произошло всего лишь по одной причине. Среди высшего командования армии и флота оказалось ничтожно мало инициативных, смелых, решительных, агрессивных людей. Подавляющее большинство советских военачальников пассивно и безучастно наблюдали, как на их глазах происходит крушение великой державы и вершится крупнейшая геополитическая катастрофа XX века.

Однако предположим, что маршалы и генералы, получившие все свои знания об окружающем мире и его экономическом устройстве с помощью единственно верного и всепобеждающего учения, все-таки осуществили военный переворот. Могла ли у них быть хотя бы какая-нибудь разумная программа возрождения огромной страны, подъема ее народного хозяйства? Вряд ли. Стагнация на одной шестой части суши наверняка бы продолжилась, а затем грянул бы настоящий катаклизм, превзошедший по масштабам трагедию 1991 года.

Впрочем, старание, с каким марксистско-ленинский бред вбивался в головы граждан, окончилось откровенным пшиком. Представители новой исторической общности (советский народ согласно определению

теоретиков КПСС, позвольте напомнить) 24 года назад с воодушевлением разбежались по национальным квартирам и принялись резать друг друга. Никто не вышел защищать свое общее социалистическое Отечество – Советский Союз. И уж тем более не нашлось подвижников с горящими глазами, взошедших на костер с партбилетом в руках.

Однако вакуум, образовавшийся вследствие исчезновения коммунистической идеологии, в настоящее время не заполнен ничем. Прежние идеи и лозунги низвергнуты. А взамен так ничего и не появилось. И это не может не внушать опасений.

Кровь, мед, песок, пчелы

Мешанина с понятиями и военными терминами, похоже, началась с МЧС. Именно в этом ведомстве начали «формировать группировки» из двух пожарных машин, трех собак, трех лодок, двух вертолетов. Более того, «передислоцировать» их.

Слава Богу, в МЧС пока не знают слов «оперативное построение» и «эшелонирование». А то, можно не сомневаться, и в эти веками устоявшиеся понятия спасатели вложили бы совершенно иной смысл. Впрочем, об этом я уже писал. Правда, какого бы то ни было особого воздействия на некрепкие и перевозбужденные отечественные умы этот материал так и не произвел. Вот он, этот текст.

Правильно назвать – правильно понять

Сегодня красота военного языка поблекла, а смысл терминов стратегии и оперативного искусства или утрачен, или искажен.

К этой теме (и устно, и письменно) я обращался не раз. Обстановка к лучшему, к сожалению, не меняется. В настоящее время как руководящим составом, так и представителями самой широкой общественности военные термины употребляются без всякой связи с их изначальным смыслом. Можно предположить, что в значительной степени соответствующими авторами и ораторами это делается исключительно для красоты и убедительности речи. Однако смысл и сама суть терминов при этом отходят на второй, а то и на третий план. Вот что из этого получается на практике.

Например, одно силовое ведомство очень полюбило слово «группировка». В речах и заявлениях руководителей этой структуры самого разного уровня по частоте употребления данный термин стоит на одном из первых мест. При лесном пожаре – группировка, при наводнении – группировка, при землетрясении – опять же группировка.

В примерах это звучит приблизительно так: «В целях наращивания группировки по оказанию помощи в ликвидации последствий ЧС в...», «сформировать полномасштабную группировку сил», «создать группировку для ликвидации последствий паводка», «сформировать полномасштабную группировку сил для ликвидации лесного пожара» и т. д. При этом группировки «передислоцируются» и «прибывают». Вершиной подобного творчества, наверное, является выражение «группировка по-прежнему работает в усиленном режиме».

Задумывались ли авторы подобных лихих выражений, что такое на самом деле «группировка» и как правильно употреблять этот термин? Похоже, что нет. Ибо группировка войск (сил) – это сведенные в определенную систему и развернутые (расположенные) соответствующим образом объединения, соединения, части и подразделения различных видов ВС, родов войск (сил), специальных войск и тыла, предназначенные для выполнения задач в операции (бою). Создаются на театрах военных действий (стратегическом, операционном направлении или в полосе, районе). Группировки войск (сил) различают: по видам ВС и родам войск – группировка авиации, войск ПВО, ракетных войск и артиллерии и т. д.; по масштабам – стратегическая, оперативная; по предназначению – главная, ударная и др.

А как правильно употреблять термин «группировка»? А примерно вот так: «К исходу 30.10.2013 года создать ударные группировки войск на избранных направлениях, осуществив смену обороняющихся войск и заняв исходные районы для наступления.

Группировки войск иметь:

- на направлении главного удара – 45 А, усиленная 69 мсд, 5 А (без 3 АК), 53 АК, 10 и 25 овдбр, основные силы родов войск, специальных войск и тыла;

- на направлении другого удара – 3 АК, усиленный 68 мсд и 28 омсбр, часть сил и средств родов войск, специальных войск и тыла».

Или хотя бы вот так: «Для создания ударных группировок войск фронта в район боевых действий через Главный Кавказский хребт необходимо перегруппировать мсд – 4, омсбр – 3, корпусной и фронтовой комплект соединений и частей родов войск и специальных войск (всего свыше 100 формирований)».

Группировку невозможно сформировать или передислоцировать. Сформировать (расформировать, перевести на другие штаты, передислоцировать) можно только части, соединения, объединения. Группировка не может работать в усиленном режиме. Войска (силы, средства) или их часть могут находиться в повышенных степенях боевой готовности, но уж никак не группировки. И не надо замешивать в одном флаконе два совершенно разных понятия – «группировка» и «боевой и численный состав» (это в части так называемого наращивания группировок). Это все-таки разные вещи. А в целом от подобной штабной безграмотности у офицеров-операторов уши закручиваются в трубочку и карандаши «Тактика» от удивления выпадают из рук.

Остается только радоваться, что в ведомстве, так полюбившем слово

«группировка», еще не дошли до терминов «оперативное построение» и «эшелонирование». Можно ни секунды не сомневаться, что и в этом случае мы стали бы свидетелями удивительных по своей глупости перлов.

Да что там группировка. На самом деле болезнь бездумного употребления категорий и терминов оперативного искусства и стратегии зашла куда как дальше. И что хуже – началась подмена их смысла и содержания, изобретение нового и более чем нелепого военного языка. И этой заразой поражены не только любители термина «группировка», а многие другие ведомства. И военное, кстати, далеко не в последнюю очередь.

В частности, очень часто мы слышим словосочетание «на Северном Кавказе нейтрализован очередной боевик». Непонятно, что означает нейтрализован? Ранен, убит, пленен? С ним проведены политзанятия? Он вступил в правящую российскую партию? Это всего лишь один и маленький пример, когда за набором слов смысла события не видно. Но картина в целом куда как хуже, чем это словосочетание.

Химия и военное искусство

Выражаясь словами классика, можно смело говорить о внезапной языковой революции в Вооруженных Силах в середине 90-х годов уже ушедшего в историю XX века. Из нашего военного лексикона как-то незаметно, понемногу ушли простые и ясные понятия – «рассечь», «окружить», «разгромить», «истребить», «принудить к безоговорочной капитуляции».

Взамен появились и пустили прочные корни обтекаемо-округлые маниловские словосочетания: «пресечение любого вооруженного насилия», «прекращение войны на возможно более ранней стадии и восстановление справедливого и прочного мира», «создание предпосылок для урегулирования конфликта путем переговоров на приемлемых условиях», «локализовать», «нейтрализовать», «стабилизировать» и, наконец, «вытеснить».

Военный новояз за последние годы развивался буквально семимильными шагами. В устные и письменные выступления российских военных и политиков просто ворвались эти медико-химические термины – «локализация», «нейтрализация», «стабилизация», на первый взгляд, не имеющие никакого отношения к теории военного искусства. Войскам приказами и директивами ставятся задачи уже не разгромить и уничтожить противника, а «локализовать конфликт» (причем предусматривается, что конфликт может быть как внутренним, так и межгосударственным). В

случае крупномасштабной агрессии даже предполагается «локализация района вторжения», то есть речь идет только об ограничении места (размаха) и распространения военных действий группировок агрессора. Заметим, предусматривается не окружение, рассеивание группировок противника, разгром и пленение врага в предельно короткие сроки, а какая-то непонятная локализация.

Современными теоретиками этот термин трактуется следующим образом: *«Воспреещение подхода в зону конфликта вооруженных формирований и доставки материальных средств по суше, морю и воздуху в целях ограничения распространения вооруженных столкновений по месту и времени, снижения интенсивности боевых действий и создания условий для скорейшего разрешения конфликта».*

Во-первых, что такое «воспреещение подхода»? Если речь идет об оперативно-стратегических резервах противника, то задача войскам должна ставиться на разгром и в конечном итоге на уничтожение резервов врага, а не какое-то абстрактное воспреещение.

Во-вторых, как можно перевести на нормальный военный язык «ограничение распространения вооруженных столкновений по месту и времени»? Войскам выйти к 0.00 на рубежи N-M и X-Y и перейти к обороне? Или есть какой-то другой вариант толкования в оперативных директивах и боевых приказах?

В-третьих, как понимать командующему или командиру выражение «снижение интенсивности боевых действий и создание условий для скорейшего разрешения конфликта»? Снижение интенсивности, вероятно, означает редкую стрельбу (один выстрел в час к примеру). А какие, интересно, могут быть условия? Ведь в ходе боевых действий по отношению к противнику возможны только два условия: капитуляция и безоговорочная капитуляция. Или есть еще и другие, неизвестные?

Зараза всяческих словесных «новаций» уже глубоко пропитала жизнь и деятельность Вооруженных Сил и добралась до других силовых структур. Однако такие непонятно-расплывчатые задачи действующей армии и флоту ставились далеко не всегда. В качестве примера руководящих указаний войскам рассмотрим слова Александра Суворова: *«...неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух– и трехстах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй, с чем пришел, чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!.. Коли, пехота, в штыки!.. Работать быстро, скоро, храбро, по-русски!.. В окончательной победе, конница, гони, руби!».*

Согласитесь, подобные формулировки не допускают их двоякого толкования и не ставят подчиненных в тупик. И через двести с лишним лет слышатся барабанный бой и пение труб, зовущих в атаку. Или вот, к примеру, времена не столь далекие – выдержка из приказа Верховного главнокомандующего маршала Сталина (март 1945 года): *«...войска 2-го Белорусского фронта после двухнедельной осады и упорных уличных боев завершили разгром окруженной группировки противника и сегодня, 6 марта, полностью овладели городом-крепостью Грауденц – важным узлом обороны немцев в Восточной Пруссии...»*

С учетом особенностей сегодняшнего военного лексикона этот приказ, вероятно, выглядел бы так: *«...после двухнедельной локализации завершили нейтрализацию окруженной группировки противника и стабилизировали обстановку в городе Грауденц»*.

В моду не так давно вошло словосочетание «пресечение агрессии». Это по замыслу авторов означает решительное применение различных форм борьбы и противодействия агрессору вплоть до демонстрации военной силы в сочетании с политико-дипломатическими и другими средствами для прекращения планируемого или начавшегося акта военной агрессии на его ранней стадии. Все, на первый взгляд, логично за исключением «прекращения акта военной агрессии на его ранней стадии». Перевести эту, прости господи, ерунду на язык оперативных директив и боевых приказов практически невозможно.

Языковые преобразования зашли уже слишком далеко, чтобы считаться просто неудачной шуткой. Как, например, в наше время могут трактоваться некоторые задачи Вооруженных Сил? В качестве примера: *«...при возникновении вооруженных конфликтов и в военное время – локализация и нейтрализация приграничных вооруженных конфликтов боеготовыми войсками (силами)...»* Это отрывок из Военной доктрины государства, между прочим. Так что заболевание локализацией – случай более чем запущенный.

Общеизвестно, что боевые приказы в Вооруженных Силах выполняются точно так же, как они ставятся. Предельно четко и категорически сформулированная задача, не допускающая ее неоднозначного толкования исполнителями, – залог последующей победы. Если же боевые приказы и оперативные директивы формулировать, употребляя при этом слова «прекращение», «пресечение», «локализация» и «нейтрализация», успеха в бою и сражении ожидать трудно.

Ключевое слово десятилетия

К таковому, вероятно, можно отнести слово «отражение». Несмотря на то, что сегодня угроза крупномасштабной войны так и не вышла из области гипотетических военных опасностей, все поголовно готовы (больше на словах, конечно) отражать агрессию, причем во всех возможных сферах – от суши до космоса. «Отражение» вообще становится культовым термином отечественной военной науки на стыке XX–XXI веков.

Это, по всей видимости, прямой результат умственного застоя 60—80-х годов и перестроечной смуты. На рубеже 80—90-х приказано было предать забвению наступательные операции. Войска, штабы, вузы, НИИ прекратили исследовать и осваивать атакующие действия. Даже были наскоро придуманы такие термины, как «оборонительное оружие», «наступательное оружие», «оборонительные соединения и части». В академиях и училищах навязывалось изучение преимущественно обороны, а наступлению отводилась чуть ли не второстепенная роль.

Достаточно краткая эпоха «нового мышления» уже давно канула в Лету, однако наследие этого вредоносного времени в армии, что удивительно, так и осталось. Только в Вооруженных Силах РФ додумались запрягать телегу впереди лошади – ставить в уставных документах оборону впереди наступления. Если обратиться к зарубежному опыту, то оборона в руководящих и уставных документах стоит впереди наступления лишь у бундесвера ФРГ – и по вполне понятным причинам.

Это далеко не мелочь, каковой она представляется многим военачальникам, и поныне превратно толкующим соотношение материального и духовного на поле боя. С виду элементарная перестановка мест слагаемых представляет собой крупную ошибку психологического характера: в подсознании у каждого командира начинает откладываться: сначала оборонюсь, отобьюсь, отражу противника, а уже потом перейду в контрнаступление. Таким образом, заведомо сковываются инициатива, решительность и невольно происходит подчинение воле возможного неприятеля. Одним из следствий засилья в военной теории и практике оборонческих настроений, безусловно, явился упадок крайне необходимой каждому офицеру и генералу агрессивности (в нормальном смысле этого слова).

Другие силовые структуры

По закону сообщающихся сосудов военный новояз добрался и до других силовых структур, в том числе и до внутренних войск МВД. Как, например, внутренние войска собираются тушить внутренний вооруженный конфликт? Это звучит приблизительно так: «Целью

применения военной силы для пресечения внутреннего вооруженного конфликта являются скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, обеспечение общественной безопасности, оказание необходимой помощи населению и создание условий для урегулирования конфликта мирными средствами».

Цели, безусловно, благородны и понятны. Только вот как их добиться, какими методами и способами, чтобы произошла «скорейшая нормализация обстановки»? Речь ведь идет о регионе, охваченном вооруженным мятежом, где кровь льется ручьями и любое промедление множит число жертв. Как быть? Стрелять негромко, бомбить несильно, убивать немного, зажигательные средства применять, однако при этом всерьез никого и ничего не обжигать? Вернемся еще раз к словам Суворова: *«...Надо атаковать!!! Холодное оружие – штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека!.. В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать, малолеток не трогать...»*

Один из секретов суворовских побед в этом и заключается – предельно четкая постановка боевых задач. Ведь в словах русского военного гения все понятно и рядовому, и генералу. Если бы так приказы отдавались войскам и силам, задействованным для подавления выступлений вооруженных сепаратистов, мы бы вряд ли знали многие из сегодняшних бед.

В формулировании «задач нового типа» наблюдается причудливая смесь элементов политического урегулирования и мер чисто военного характера, причем и те, и другие лишены необходимой жесткости и решительности. Паллиативы в условиях вооруженного конфликта, как известно, приводят только к стремительному ухудшению обстановки и последующему поражению. Примеры в современной российской истории, к сожалению, уже есть.

Что же делать? Стальной волей, твердой рукой и железной метлой очистить военный язык от вредоносных и бессмысленных наслоений последних лет. Вернуться к его животворящим истокам. Другим силовым ведомствам как минимум освежить знания стратегии и оперативного искусства и прекратить бездумно употреблять военные термины. Группировки из служебных собак, гидрантов и пожарных автомобилей на направлениях главного и других ударов не создавать.

Рейсмус Анатолия Сердюкова

Похоже, в ходе реформы Вооруженных Сил 2007–2012 годов пользовались только инструментами плотника и столяра.

Не так давно одна девушка публично поделилась своими взглядами на важнейшие проблемы строительства Вооруженных Сил, вопросы применения армии и флота, состояние военного образования. Что меня лично всегда искренне умиляет в военных экспертах подобного рода, так это полнейшее отсутствие какого бы то ни было образования по требуемому профилю, а тем более опыта службы и руководства частями и подразделениями. К величайшему сожалению, махровые и крикливые дилетанты (а имя им легион), до исступления и пены на губах убежденные в своей правоте, суть одна из печальных примет нашего смутного времени.

Для начала сразу скажу, что я в данном случае ни за красных, ни за белых (это тема совершенно другого исследования). То есть ни за Анатолия Сердюкова, ни против него, ни даже против девушки – автора этих высказываний. Я только по делу – скажем так: о некоторых подходах к строительству армии и флота.

Начнем с высказываний девушки: *«...Конечно, я сильно отличаюсь, видимо, от большинства по взглядам на Сердюкова. Я считаю, что это был единственный реформатор армии, который у нас был».*

Временной промежуток автор не уточнил (то есть годы с такого-то по такой-то или конкретный исторический период). Тогда о чем разговор? Кто бы сомневался, Анатолий Сердюков как реформатор Вооруженных Сил – фигура, сравнимая по величию с Иваном Грозным, Петром Великим и товарищем Сталиным.

«...Я напомним, что Российская армия была наследницей советской массовой армии сталинского времени, созданной для мировой войны и поглощавшей просто невероятное количество ресурсов страны. И также устаревшая морально и материально, и как угодно – как, условно говоря, янычары в Османской империи. Это была армия недостаточная, чтобы одерживать победы и даже защищать страну, но достаточная, чтобы увлечь эту страну в пропасть».

Вот эти песни слышатся из стана суперлибералов уже давно и называются они «массовая мобилизационная армия». Некий балбес из одного уж чересчур либерального издания просто помешался на этом словосочетании. Любой разговор об армии и флоте у него начинается с

этих слов и ими же заканчивается. И не было еще ни одного текста, в котором бы этот псевдоэксперт-заочник множество раз не употребил приведенные слова. Кстати, военная наука подобным термином – «массовая мобилизационная армия» – не оперирует.

Теперь по делу. Нижеперечисленные простые термины и понятия некоторым балбесам надо все-таки выучить просто наизусть.

Есть способы комплектования Вооруженных Сил. Их всего два – по контракту и по призыву. В одной и той же армии могут использоваться одновременно оба способа.

Никакой «профессиональной» армии нет и быть не может. Профессионализм определяется только качеством боевой и оперативной подготовки. Одна из самых боеспособных армий Древнего мира – римская – в период своего расцвета комплектовалась исключительно гражданами по призыву. Как только полностью перешла на контракт и комплектование варварами – первому Риму вскоре пришел конец.

Полностью на контракт сегодня Российская армия перейти не может по чисто бюджетным ограничениям. Если совсем уже просто – нет у нас денег на содержание контрактной армии. И в исторически обозримый срок не будет.

Далее. Есть численность Вооруженных Сил мирного времени, есть численность военного времени. Она устанавливается политическим руководством страны. И не министр обороны ее определяет. Обычно это не более одного процента от населения государства. Больше позволить себе ни одна, даже самая развитая экономика не может.

Но без мобилизационного развертывания Вооруженных Сил в случае даже ограниченного по масштабам военного конфликта не обойтись. Причем, и это особо подчеркну, не обойтись никак, при самом большом желании. Приведу лишь некоторые примеры.

Обратимся только к Тылу Вооруженных Сил. Есть войсковой тыл, есть оперативный тыл и есть тыл центра. В частности, в мирное время тыловые части и соединения содержатся в трех – пяти процентах численности от военного времени. Почему? Объясняю на пальцах.

Теоретически в мирное время можно, разумеется, развернуть все трубопроводные, автомобильные, дорожно-комендантские бригады, передовую и тыловую госпитальные базы, дивизии по охране тыла, многие другие части и соединения тыла. Только вот делать им, пока нет войны, будет решительно нечего. Представьте себе десять тысяч здоровых мужиков из дивизии по охране тыла, слоняющихся в полосе обороны фронта без дела. Или вообразите девушек-регулирующих при полном

отсутствии какого бы то ни было движения на ВАД (военно-автомобильных дорогах). Или несколько сот простаивающих автомобилей из дополнительно сформированной бригады материального обеспечения (автомобильной бригады). Войны нет – и дела для них нет тоже. Не надо ни доставлять боеприпасы или горючее, ни отвозить на обратной дороге в тыл раненых. И тысячам призванных из запаса хирургов делать нечего. И даже банно-прачечный поезд будет стоять на запасном пути с потухшими котлами.

А вот на войне без всего этого (и очень-очень многого другого) не обойтись никак. В мирное же время содержать подобный комплект частей и соединений в штатах постоянной боевой готовности более чем накладно. Ни одна экономика такого не выдержит. Тем паче современная российская.

Теперь еще раз о «массовой мобилизационной» армии. Некоторые виды Вооруженных Сил и рода войск при переводе с мирного на военное время меняются, между прочим, очень мало. В частности, при мобилизации в боевом составе Военно-морского флота не появится ни один новый корабль (за исключением судов обеспечения). Откуда ему взяться? Нет у нас пока таких волшебных складов, на которых был бы запас крейсеров и эсминцев. Помимо всего прочего на ракетный крейсер или атомную подводную лодку нельзя дополнительно посадить мобилизованных и призванных. Для них просто нет места. Экипаж корабля в мирное и в военное время не меняется. Поэтому что построили для флота в мирное время, с тем и придется воевать. Без вариантов.

Примерно то же самое относится и к Военно-воздушным силам. Первые полки, сформированные по мобплану, могут появиться в составе ВВС самое лучшее к М90-М180. Иными словами, через полгода после начала войны. И будет таких полков при самых благоприятных обстоятельствах один-два. А комплектоваться они в лучшем случае будут пилотами и боевыми машинами с учебных центров и центров переучивания летного состава. Больше взять подготовленных летчиков и исправные самолеты неоткуда. Что-то еще даст промышленность по плану расчетного года. А может и не дать. Неизвестно еще, как будет складываться обстановка.

Так что «массовая мобилизационная» армия в отношении ВМФ и ВВС будет выглядеть и не слишком массово, и тем более не очень мобилизационно. То же самое относится ко всем остальным, если так можно сказать, техническим родам войск (сил). А именно они будут определять успех современного вооруженного конфликта.

Вернусь еще раз к одному выражению девушки: *«Это была армия*

недостаточная, чтобы одерживать победы и даже защищать страну, но достаточная, чтобы увлечь эту страну в пропасть».

Это девушка так говорит (не побоюсь в этом случае пафосных слов) о напряженном труде советского народа, усилиях оборонно-промышленного комплекса и собственных армии и флота, позволивших достичь стране к 70-м годам военно-стратегического паритета с США.

Возникает вопрос – чисто риторический, если учитывать позицию девушки: с какой тогда стати США постоянно и как с равным садились с СССР за стол переговоров для ограничения стратегических и обычных вооружений? Ведь если бы это была армия, способная увлечь страну в пропасть, никто бы не сел за стол переговоров с подобными чудаками. А американцы очень практичные люди.

Почитаем девушку дальше: *«И когда пришел Сердюков, ну, допустим, у него был Генштаб. И он спрашивает: «Сколько в Генштабе трудится человек?». Ему говорят: «10 тысяч». А Сердюков – он же финансист, он же бюрократ. Он берет количество площадей, которые занимает Генштаб, делит это на 10 тысяч и говорит: «Извините, ребята, не получается. Получается, что каждый человек имеет тут у вас кабинет 200 метров». Ему говорят: «А! Ну вот еще есть аппарат Генштаба – это тоже 10 тысяч». Сердюков опять делит и говорит: «Все равно не получается по метражу». «А, ну у нас еще типа есть тут служба поддержки аппарата Генштаба и в ней еще 20 тысяч работает». И так далее. Вот эти там 30 тысяч лишних человек, большая часть которых была уволена, – это полковники и генералы Арбатского военного округа, которые нужны стране как рыбке зонтик. Ну представляете, что они говорили про Сердюкова, когда их вычистили? Ну примерно то же, что полицейские, которых уволил Саакашвили, которые рассказывали, какой ужасный Саакашвили».*

Для начала отметим: цифры девушкой приведены совершенно фантастические. Даже в самые изобильные годы Генштаб и части его непосредственного подчинения не имели подобной, просто невероятной численности. Более того, и во время Великой Отечественной войны численность того же Оперативного управления ГШ РККА составляла чуть более 140 человек на 13 действующих фронтов. Остальные управления Генштаба были не больше. И их можно пересчитать при помощи пальцев одной руки. В хлебные времена Леонида Брежнева численность главных управлений Генштаба (всего их насчитывалось три) была чуть больше, но отнюдь не в десять и не в пять раз. Тем более никогда не существовало структурных единиц с такими лихими названиями, как «служба поддержки

аппарата Генштаба». В природе не было не то что «службы поддержки», но даже и «аппарата Генштаба». Лично я прослужил в Первом управлении Главного оперативного управления Генерального штаба восемь лет и отлично знаю, кто и чем у нас занимался в те времена.

Так что девушке надо крайне осторожно обращаться с цифрами и терминами. Они ничего общего не имеют с действительностью. Но не это здесь главное. Суть в другом. Как определял министр обороны Анатолий Сердюков (по мнению девушки, но, видимо, так и было) требуемую численность Генерального штаба? Исключительно по квадратным метрам занимаемой, так сказать, жилплощади. Революционный подход, что и говорить. Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен, Шапошников целые тома написали о функциях и задачах Генштаба, требованиях к подготовке оперативного состава, а пришел Сердюков и при определении численности Генерального штаба применил инструменты столяра и плотника.

Какой научный подход был задействован при определении численности Главного оперативного управления? Квадратные метры. А чем они пользовались при определении задач, функций и численности ГРУ ГШ? Наверное, ерунком (есть такой столярный инструмент для измерения углов изделия). Уровень с отвесом как инструмент пошел в дело при определении численности Главного управления международного военного сотрудничества. При помощи рейсмуса рассчитались с Военно-топографическим управлением Генштаба. При подготовке соответствующих положений о том или ином управлении Генштаба учитывались, надо полагать, количество писсуаров, унитазов, кубатура воздуха в помещениях. А в целом мерили веревками, отмечали мелом, отрубали колуном.

Результат не заставил себя долго ждать. Во время конфликта «восьмого-восьмого-восьмого» во всем Генштабе не нашлось операторов, способных подготовить простой комплект документов для вступления государства в войну. Вот как раз тех, о которых девушка говорит *«полковники и генералы Арбатского военного округа, которые нужны стране как рыбке зонтик»*. Этих и выперли с военной службы.

Читаем девушку дальше: *«...Я могу вам привести только один пример чудовищной неэффективности Советской армии (потом Российской). Как-то мне его приводил Виктор Суворов. Почему у нас была система противоракетной обороны вокруг Москвы? По идее она, конечно, происходила оттого, что мы в свое время готовились первыми к нанесению ядерного удара. То есть когда мы с США подписали соглашение о противоракетной обороне, то они выстроили свою систему*

противоракетной обороны вокруг того места, откуда должны были запускаться ракеты, то есть это оружие возмездия, да? Чтобы если по США нанесли удар, то ракеты бы точно все-таки успели взлететь.

Мы соответственно (я это очень хорошо показывала, что мы собирались наносить теоретически именно первый удар), мы пытались защитить не ракеты, которые есть оружие возмездия, а мы пытались защитить от ответного удара Москву. Ну это было чисто теоретически, а практически это все превратилось в то, что вокруг Москвы были отчуждены огромные земли под нужды Минобороны и была логика бюрократии эти земли освоить».

Трудно комментировать разновидность бреда. По словам девушки, сложнейшие системы ПРО А-35 и А-35М (в дальнейшем А-135) как средство стратегического сдерживания создавались только для того, чтобы манипулировать подмосковными землями. Шизофрения да и только. К слову говоря, ОПРЦ (отдельный противоракетный центр) занимает очень незначительный участок территории. И их всего-то, этих центров, раз, два, три, четыре и расчет окончен.

А девушка излагает дальше: «Собственно, у нас сама идея армии была массовая армия Первой мировой войны, которая на бумаге есть, а вот в реальности ее или нет, или она функционирует не так. Вот все это надо было реформировать, надо было продавать, закрывать. Не надо было нам 110 академий, 107 училищ да еще в лучших особняках Москвы. Все это было продано и реформировано.

У нас был и остается безумный ВПК, и Сердюков был единственный министр обороны, который попытался как-то привести этот ВПК в чувство – покупать иностранные «Мистрали». Помните его заявление, что они купят иностранные танки, потому что то, что предлагает им Уралвагонзавод, во-первых, стоит дороже, а во-вторых, хлам и старье? Теперь, заметим, всю эту историю отыграли обратно. Ну «Мистрали» – они сами уплыли из-за Украины. Что касается тех же самых танков, то вот у нас теперь грандиозный проект «Армата», который неизвестно сколько миллионов будет стоить. Но главное, что эти деньги будут освоены».

И опять-таки: что ни слово – то с печки бряк. Ну, осторожнее надо девушке обращаться с цифрами. Академий даже в лучшие советские времена было всего 17. Училищ – да, действительно больше сотни. Но не стоит на основе исключительно этих чисел сравнивать нашу систему военного образования с американской (где всего три военных вуза). А именно этот принцип лежал в основе реформирования системы военного

образования, рулевым в которой была тоже девушка, из налоговой инспекции. Когда армия была резко сокращена, потребности в подобном количестве выпускников военных вузов не стало, значительная часть академий и училищ пошла под нож.

Теперь присмотримся к фразе «да еще в лучших особняках Москвы». Это, что называется, оговорка по Фрейду. Именно это-то и было главным при реформировании системы военного образования при Сердюкове. *«Все это было продано и реформировано»*, – утверждает девушка. Вот продано – это железно. Причем своим людям. А реформировать то, что продали, наверное, уже поздно.

Насчет ВПК, «Мистралей», иностранных танков – это тоже, к сожалению, разновидность бреда со стороны девушки. Заказ подобного вооружения и военной техники за рубежом – это хуже, чем преступление, это – ошибка. Чужими танками войну не выиграешь.

И в заключение. Занятно все-таки, когда продвинутые девушки на уровне бреда и шизофрении пытаются судить о сложнейших военных проблемах. Мне очень хочется сказать авторам подобных попыток: *«Ах, оставьте, вам это совершенно не идет»*.

Разложение единоначалия

Политические органы в Советской армии объективно препятствовали консолидации военной элиты государства.

В 1991 году достаточно незаметно в истории военной организации государства закончился один из самых противоречивых периодов ее развития. В Вооруженных силах и других силовых структурах завершилась деятельность политических органов. Однако это событие произошло столь буднично и неприметно, что весьма скоро забылось. Итоги далеко не однозначной деятельности политических органов в армии и на флоте остались по большому счету так и не подведены. Разумеется, предлагаемый материал вовсе не претендует даже на достаточно краткий анализ деятельности политотделов и управлений за несколько десятилетий их существования. Скорее всего, это попытка набросать повестку дня для первоначального разбора итогов работы военных комиссаров. Тем более что, несмотря на огромное количество партийной литературы, выпущенной в советские времена, серьезных работ после 1991 года по анализу деятельности политических структур в армии и на флоте так пока и нет.

Как известно, в годы Гражданской войны в связи с широким привлечением офицеров русской императорской армии на службу в создаваемую Красную Армию для политического контроля за командирами был введен институт военных комиссаров. На практике это означало фактическое двоевластие в Вооруженных силах – приказ командира без подписи комиссара признавался недействительным. Естественно, такое положение не могло считаться нормальным даже по условиям того переломного во всех отношениях времени, и 28 июля 1924 года было принято решение о переходе к единоначалию.

Однако тогда оно, естественно, не могло быть полным. Если командир был коммунистом, то у него были одни права, а если беспартийным, то он выполнял лишь оперативно-тактические и административно-хозяйственные функции, а комиссар руководил политической и партийной работой и отвечал за морально-политическое состояние части. Любопытно, что за советский период еще дважды принималось решение о введении института военных комиссаров. Это происходило в периоды с мая 1937 по август 1940 года и с июля 1941 по 9 октября 1942 года.

Однако если в период массовых репрессий 1937–1938 гг. эту меру еще хоть как-нибудь можно объяснить, то введение очередного двоевластия в

Вооруженных силах в июле 1941 года никаким внятыми доказательствами подпереть не удастся. Скажем, если у руководства государства в тот период под влиянием тяжелейших поражений на фронтах возникли вполне справедливые сомнения в компетенции и профессиональной состоятельности командного состава Красной Армии, это все же не могло служить поводом для приставления к командирам и командующим совершенно неграмотных в оперативном отношении политических надсмотрщиков. Эта мера отнюдь не способствовала улучшению состояния дел на фронте, и самое ее яркое проявление – «мехлисовщина».

Лучше всего об этом явлении говорят строки из одного частного письма, адресованного Константину Симонову: *«...Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армий на самую передовую и т. д. Три армии стояли на фронте 16 километров, дивизия занимала по фронту 600–700 метров. Нигде и никогда я не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец...»*

Вмешательство комиссаров в оперативные и тактические вопросы именно так и заканчивалось, причем, как правило, без исключений и вариантов. Лев Мехлис печально знаменит своим самодурством в войсках лишь потому, что масштабы кровавых последствий его вмешательства в военное искусство попросту не знали равных и скрыть их даже в те времена было попросту невозможно. А сколько разного рода мехлисов состояло при командующих армиями, командирах корпусов, дивизий и полков? Сколько солдатской крови стоило их вмешательство в ход боевых действий?

Постоянно действующий

Как свидетельствует военная история, полководец при необходимости мог собрать военный совет, на котором, начиная с самых младших офицеров, выслушивал мнение подчиненных о принятых им решениях. Однако военный совет мог быть продуктивен только в одном случае – если командующий или полководец приходил на него уже с готовым решением. Мнение военного вождя зачастую могло и не совпадать с мнением большинства офицеров и генералов, приглашенных на совет, поскольку правил в стратегии не существует и наставления по оперативному

искусству и тактике, как известно, пишутся вовсе не для гениев. В частности, на знаменитом военном совете в Филях в 1812 году единственно верное с точки зрения стратегии решение Михаила Кутузова оставить Москву было принято им единолично и при значительном сопротивлении ближайших сподвижников (кстати, император Александр I о принятом решении узнал значительно позже).

Однако, если у полководца собственное мнение по оперативным вопросам отсутствует, то его ни при каких обстоятельствах не может заменить никакой коллективный разум в виде военного совета. Роковое заблуждение, что управление войсками можно осуществлять с помощью коллегиальных органов, до сих пор имеет самое широкое хождение среди руководящего состава армии и флота. Считается, что даже Верховному главнокомандующему в России вовсе не обязательно обладать определенным запасом знаний по стратегии и оперативному искусству, а все решения в готовом виде главноверху будет предлагать некий мощный коллективный разум в виде его ближайшего и умудренного опытом окружения. Без советников в таком деле, конечно, не обойтись, но в самых тяжелых и кризисных ситуациях самые надежные и преданные сподвижники будут предлагать несколько вариантов возможного решения, причем, заметим, прямо противоположных.

Опровержением этой очевидной и опасной стратегической ереси – коллективного разума в деле руководства вооруженной борьбой – является вся военная история: если полководец или политическое руководство страны никак не могут решиться, наступать или отступать, начинаются многочисленные, длительные и совершенно бесплодные заседания военных советов, являющиеся, по существу, всего лишь прологом к сокрушительному поражению.

Таким образом, наиболее целесообразное предназначение военного совета – доведение (и то при наличии явной на то необходимости) готового решения командующего до подчиненных в форме неформального общения. Однако в Вооруженных силах СССР военные советы были созданы и функционировали на постоянной основе. В годы Великой Отечественной войны, согласно положению, они являлись далеко не совещательным органом, обладали весьма обширными полномочиями и существовали до объединений (то есть армий) включительно.

Характерно, что словосочетание «член военного совета» (ЧВС), несмотря на то, что по положению ими могли быть различные должностные лица полевого управления фронта, в обиходе относилось только в генералам-политработникам. Что же касается их основной, однако

относительно не озвученной роли в Вооруженных силах, то главное предназначение военных советов по-прежнему заключалось в ослаблении единоначалия и партийном контроле над командирами и командующими. Член военного совета лично информировал политическое руководство страны о своем командующем и в случае даже мнимых разногласий имел полное право обратиться до Верховного главнокомандующего включительно. Наверное, нет необходимости разъяснять, какую нездоровую обстановку создавало это в полевых управлениях фронтов и армиях.

Любопытно, но военные советы сохранились в Российской армии и поныне, хотя, разумеется, без ЧВС это уже далеко не те советы, которые были в годы существования политических органов в армии и на флоте. От бывшего величия не осталось и следа. Следует сказать, что во все времена существования СССР политработники весьма специфически понимали сущность единоначалия. По их мнению, оно заключалось в следующем: «...командир-единоначальник проводит в жизнь политику Коммунистической партии, выполняет решения партии и правительства, неуклонно соблюдает во всей своей деятельности ленинские принципы руководства, прочно опирается на партийную организацию». Даже при большом воображении в этой формуле трудно отыскать следы единственно возможной в Вооруженных силах властной вертикали. Далее политруками лукаво утверждалось, что укрепление единоначалия постоянно и неразрывно связано с повышением роли политорганов, партийных и комсомольских организаций в жизни и деятельности СА и ВМФ. Бред, да и только.

Кадры

О значительном размахе в подготовке кадров политического состава для РККА свидетельствуют следующие факты. В частности, в соответствии со схемой мобилизационного развертывания Красной Армии образца 1941 года для подготовки и пополнения командного состава предполагалось иметь 43 пехотных училища, 16 артиллерийских училищ, 7 танковых и 26 военно-политических. Сразу заметна очевидная несоразмерность последней цифры. Количество поставляемых в армию политруков превышало половину выпускаемых в войска командиров стрелковых взводов.

Надо отметить, что подготовка даже политического состава тоже требует определенных ресурсов. Во вполне конкретных условиях предвоенного времени, когда на счету была каждая копейка, материальные

и финансовые средства на учебу комиссаров приходилось отрывать от подготовки специалистов видов Вооруженных сил и родов войск. В том, что командир взвода РККА перед войной был откровенно слаб, немалая вина и того, что значительные ресурсы отвлекались на подготовку сопоставимого количества комиссаров.

Однако все это было бы оправданно в том случае, если политработа в армии и на флоте по своей эффективности соответствовала бы немалым затратам на ее организацию. Однако это не совсем так. В частности, несмотря на то, что РККА была насыщена политработниками сверху донизу, а перед самой войной комиссары имели практически такие же права, как и командиры (а с июля 1941 года опять-таки введено двоевластие), в первых же боях Великой Отечественной войны всего несколько дивизий оказались на высоте предъявляемых им требований. А, скажем, в Белоруссии каждый третий плененный советский военнослужащий сложил оружие добровольно. В целом же количество пленных красноармейцев за первые полгода войны говорит о том, что во многих случаях дивизии и полки РККА, несмотря на значительное численное превосходство над вермахтом, не оказывали серьезного сопротивления захватчикам. А это косвенно свидетельствует о том, что совершенно немыслимый перед войной размах партполитработы и огромное количество политработников в армии еще совершенно не гарантируют успех на полях сражений. В этой связи совершенно правомерно возникает вопрос – а эффективна ли партполитработа подобного рода в боевой обстановке в принципе?

Эффективность

Для начала отметим, что военачальники всех времен и народов к укреплению морального духа армии относились более чем внимательно. Забота о подчиненных у них стояла всегда на первом месте. Император Франции Наполеон, например, очень любезно и внимательно относился ко всем солдатам, которые бывали с ним в боях. Он очень торжественно производил награждение отличившихся в сражениях и обставлял это мероприятие в целом с необычайной пышностью. В трудные минуты боя император появлялся в опасных местах и личным примером увлекал бойцов в атаку. Великий русский полководец Александр Суворов был очень близок к солдатам и всегда беседовал с ними при каждом удобном случае. Краткий анализ его распоряжений только на организацию маршей показывает, что на первое место генералиссимус ставил заботу о пище и отдыхе солдат. Войска в этом отношении очень чутки и обычно без труда

видят разницу между подлинной любовью полководцев к солдатским массам и мнимой.

Однако только в РККА и в Советской армии произошло мнимое и даже противоестественное разделение на тех, кто руководит воинскими коллективами в бою, и на тех, кто воодушевляет войска перед сражением. На войне, как известно, все решает один человек. Такого еще никогда не было в военной истории – военачальник отдал боевой приказ, а политработник (название по большому счету не имеет значения) начал поднимать моральный дух. Как известно, самый действенный способ воздействия на подчиненных во всех армиях мира – личный пример военачальника. А двух командиров равной степени подготовки в одном подразделении, части, соединении быть не может.

Отметим, что, например, во время Второй мировой войны в германских вооруженных силах не было политзанятий, политбойцов, политруков, комиссаров, военных советов и их членов, практически никто не занимался политработой в ее советском понимании, однако боевой дух, дисциплинированность, уважение к начальникам, товарищеские отношения между младшими и старшими, стремление во что бы то ни стало выполнить поставленные боевые задачи присутствовали в вермахте до самого последнего дня войны.

Аналогичным образом обстояло дело и в вооруженных силах антигитлеровской коалиции, где, насколько известно, никто не писал перед боем заявлений типа «хочу идти в бой консерватором» или же «в боевой поход намерен пойти лейбористом», а воевали умело, храбро, с достоинством защищая свои монархии и демократии. Не было никаких обращений военных советов, митингов в привычной нам форме, клятв и многого другого, столь характерного для жизни нашей армии и флота. Тем более в армиях антигитлеровской коалиции не могло и в принципе появиться столь любимого нашими политработниками призыва в бою: «Коммунисты, вперед!»

Ранее внушалось, что это одно из достаточно эффективных средств воздействия на создающуюся в сражении обстановку. Однако если вдуматься в этот клич без былых предубеждений, то на практике получается несколько обратное: значит, замысел боя и принятые командирами решения оказались неверными, усилия родов войск и сил несогласованными, огневое поражение непродуманным и остается только одно – исправить допущенные в бою просчеты и недостатки личной храбростью членов партии. На деле же такие призывы чаще всего кончались только одним – гибелью рядовых коммунистов и невыполнением

боевой задачи. Фанатизм в бою, как известно, почти никогда не дает долговременных результатов.

Таким образом, эффективность боевых действий от отсутствия партполитработы у наших союзников и противников в годы Второй мировой войны никоим образом не страдала и потери ни в какое сравнение не шли с огромными потерями на фронтах Красной Армии. Это поневоле наводит на мысль, что действенность политработы во многом является элементарным вымыслом самих же комиссаров. И помощь боевых листовок и стенгазет в выполнении оперативных задач примерно равна нулю. Пожалуй, это отчетливо понимали и в те годы. Ценность тех или иных начальников и их структур рассматривали на войне в основном по их вкладу в конечный успех боевых действий и операций. Если присмотреться даже к воинским званиям членов военных советов фронтов на заключительном этапе Великой Отечественной войны, то, как правило, «главный комиссар» фронта был в звании не выше генерал-лейтенанта, в то время как командующий инженерными войсками или, скажем, артиллерией был генерал-полковником. В целом это не вызывает сомнений: талантливо разработанный и мастерски воплощенный в жизнь план инженерного обеспечения фронтовой наступательной операции гораздо важнее плана партийно-политической работы. Правда, говорить в те времена вслух об этом было не принято.

Положение сильно изменилось вскоре после Великой Отечественной войны, когда во главе армии и государства один за другим становились бывшие политработники. Свистопляска с партийно-политической работой в армии достигла в этот период наивысшей степени безумия. Вес того же начальника инженерных войск округа в сравнении с членом военного совета понизился практически до нуля, и он скатился, равно как и другие должностные лица управления округа, до уровня заурядного военспеца.

Главный из достигнутых результатов

Сегодня уже смело можно констатировать, что в Вооруженных силах СССР никогда не существовало монолитного офицерского корпуса. Во многом его консолидации и цементированию объективно препятствовали политработники, хотя это никогда и нигде не было широко продекларированной целью существования политических структур в армии и на флоте.

Однако на деле в Вооруженных силах СССР всегда существовали два офицерских отряда – командиры и политработники, причем последние ни в чем не зависели от своих командиров-единоначальников, ибо располагали

даже своими кадровыми органами. Выдвижение комиссаров на вышестоящие должности зависело только от воли вышестоящего политоргана, а никак не от мнения единоначальника и состояния дел в подведомственной части (соединении). У политсостава в Вооруженных силах была своя система жизненных ценностей и приоритетов в службе, которая практически не имела ничего общего с ориентирами командиров и начальников армии и флота.

Необходимо отметить, что сильнейшим оружием политработников в повседневной жизни была и партийная комиссия при политотделе частей и соединений, которая всецело использовалась наследниками комиссаров в своих целях. Наказав неугодного командира-коммуниста (других практически не было) в партийном порядке (объявив ему выговор с занесением в учетную карточку), во многом на успешной карьере этого офицера можно было ставить крест. По существующему положению командир уже не мог рассматриваться на вышестоящую должность или же быть направленным на учебу. Надо отметить, политработники, именно себя и считая единственными представителями Коммунистической партии в Вооруженных силах, весьма успешно пользовались дубиной партийной комиссии. Найти управу на своего же политработника ни один командир-единоначальник практически не мог. Этому мешала умело созданная инженерами человеческих душ система сдержек и противовесов, отлично защищающая политработников от даже во всех отношениях справедливого командирского гнева и неудовольствия. Единоначальник мог, разумеется, при необходимости пойти до конца и «на принцип», но в этом случае он мог считать и свою собственную карьеру вполне завершенной.

Есть все основания полагать, что более всего политические работники опасались появления в Вооруженных силах СССР некоей офицерской корпорации, касты, иными словами, возникновения и упрочения среди служивого сословия страны корпоративного духа, позволяющего любому офицеру ощущать себя частичкой единого армейского организма. Пожалуй, в неявно заданном виде перед комиссарами постоянно ставилась эта нигде публично не озвученная задача – не допустить сплачивания командного состава армии и флота и его консолидации на основе правильно понятых национальных интересов. Яркой демонстрацией результативности выполнения политорганами этой функции явился август 1991 года.

Несмотря на существовавшую тогда в стране революционную ситуацию, военная элита ничем и никак себя в августовских событиях не проявила. Никакой самостоятельной роли офицерский корпус ни в ту пору, ни в последующих моментах переломного в истории страны десятилетия

так и не сыграл, явившийся, по сути дела, только молчаливым свидетелем распада и гибели могучих Вооруженных сил СССР.

Военная элита страны так и осталась рыхлой, аморфной, пронизанной взаимными подозрениями, раздираемой противоречиями «на партийной основе». К этому следует приплюсовать, что головы военных к 1991 году настойчивыми заботами политических структур были основательно забиты псевдоэкономическими и философскими знаниями, на основании которых сформулировать правильное видение современного мира и возможные пути дальнейшего развития собственной страны было абсолютно невозможно.

В умах даже высших офицеров царил такая социально-экономическая и политическая каша, которая в конечном итоге и не позволила выработать ни одного приемлемого по условиям обстановки варианта поведения. Таким образом, острое главного направления деятельности политструктур было направлено на разобщение собственного офицерского состава. Это явилось одной из основных причин распада Советского Союза и гибели его Вооруженных сил и в итоге ликвидации самих политорганов. В конечном счете судьба сыграла злую шутку с комиссарами. Ложно понятые цели привели к политическому самоубийству как самих исполнителей, так и руководителей процесса партполитработы.

Однако если сознание офицеров было замутнено «правильным и единственно верным учением», то сегодня в головах командиров царит полный идеологический хаос или вакуум, являющийся прекрасной основой для нигилистических воззрений, наличие которых у офицерского корпуса страны в целом в высшей степени опасно. Политическую элиту России сегодня этот вопрос, похоже, не интересует.

Заключение

Казалось бы, все это давным-давно перевернутая страница истории, которую не стоит и ворошить. Отнюдь. Недавняя директива Генерального штаба о введении должностей «заместитель командующего армией по воспитательной работе» и аналогичной штатно-должностной категории в корпусе свидетельствует о том, что полностью скомпрометировавшая себя всем ходом истории система начинает возвращаться. Невольно складывается впечатление, что до реанимации «партийного контроля» и вторичного пришествия политорганов в их уже основательно подзабытом виде остается уже совсем немного. Наконец, кто знает, не захочет ли сегодня какое-либо политическое движение или партия в стране воскресить былые формы идеологического воздействия на Вооруженные силы и подмять под себя возрождающиеся в армии и на флоте политические

структуры (которые пока имеют вид воспитательных органов)? Нет сомнения, политический контроль государства над Вооруженными силами необходим и совершенно естественен в любой из демократических стран, однако он, безусловно, не должен принимать столь уродливых, неэффективных и даже опасных по своей сути форм, которые существовали в нашем недалеком прошлом.

Против американского лома нет сирийского приема

Текст написан в 2013 году. Тогда, казалось, удар США по Башару Асаду будет через несколько часов. Тем не менее, ни одного слова сегодня править необходимости нет. Все так и будет. И этот материал касается только Сирии. По тем же правилам вооруженная борьба Соединенными Штатами будет вестись с любым противником Вашингтона.

Воздушная операция против режима Башара Асада будет больше похожа на безнаказанное избиение, чем на военную кампанию.

Сейчас в отечественных и мировых СМИ просто вал публикаций по поводу предстоящей военной кампании Соединенных Штатов Америки против Сирии. Подсчитываются количество и типы самолетов, озвучиваются ТТХ крылатых ракет морского и воздушного базирования, перечисляются разнообразные средства авиационного поражения, даются прогнозы начала и развития военного конфликта (по большей части весьма далекие от жизни). Экспертами перечисляются многочисленные силы и средства ПВО, имеющиеся в распоряжении Башара Асада, исправные самолеты ВВС вооруженных сил Сирии, и порой делается вывод: сирийский режим способен дать мощный отпор потенциальному агрессору. На самом деле ничего этого не произойдет. Почему – об этом несколько ниже. Но сразу скажу, что по ходу текста постараюсь не употреблять названий самолетов, типов бомб и ракет, ТТХ прицельно-навигационных комплексов. Буду объяснять все на пальцах. Иными словами, вниманию читателей еженедельника «ВПК» представляется разновидность занимательной оперативно-стратегической и тактической физики.

Начнем с конца. В том, что Сирия будет в достаточно короткий срок просто раздавлена мощной американской военной машиной, сомнений и сейчас у настоящих экспертов практически нет. И когда это произойдет окончательно, наверняка пойдет следующий вал публикаций. На этот раз станут анализироваться причины, почему Дамаск был разгромлен так быстро и с такими минимальными потерями со стороны атлантической коалиции. Среди них, несомненно, будут и следующие – Советский Союз/Российская Федерация поставили Сирии негодные средства ПВО. Они абсолютно неэффективны против воздушной мощи объединенного Запада. Так же ни гроша не стоят и принципы, лежащие в основе построения противовоздушной обороны Сирии.

Репутации отечественного вооружения и военного искусства (да и чего скрывать – страны в целом) в очередной раз будет нанесен чувствительный удар. От него придется достаточно долго приходить в себя.

Однако так ли все это на практике? На самом деле и ТТХ сирийских средств ПВО не так плохи (за исключением уж совсем устаревших), и принципы построения противовоздушной обороны отнюдь не порочны. Суть тут в другом.

Для начала следует отметить, что военный и экономический потенциал Сирии и Соединенных Штатов решительно несопоставим. Это противники абсолютно разной весовой категории. Уже только после этого не стоило бы прогнозировать ход и исход военных действий. Он предрешен еще до начала конфликта. Тем не менее остановимся на том, почему возможный военный ответ Сирии будет минимальным.

Соединенные Штаты обладают огромным преимуществом в современных средствах ведения разведки. Начиная с оптоэлектронной космической и заканчивая агентурной. Эти возможности даже сведущими военными экспертами сегодня недооцениваются. Американцы всегда будут на два-три хода впереди Башара Асада. Им о сирийском лидере и его армии и сейчас известно практически все, а он о противостоящем противнике не знает ничего. И вести сколько-нибудь результативные боевые действия в подобных условиях, когда противник еще на стадии замысла полностью осведомлен о характере предстоящих ответных шагов Асада, просто невозможно.

Теперь, наверное, о самом главном – Соединенные Штаты обладают подавляющим превосходством в средствах ведения радиоэлектронной борьбы. И технологически (тут отрыв ну просто гигантский), и в любых возможных количественных характеристиках. Об этом у нас обычно забывают, сбиваясь при анализе боевых и оперативных возможностей ПВО на подсчет типов ЗРК/ЗРС, целевых каналов, пусковых установок и артиллерийских стволов. Если в этих расчетах упускать из виду РЭБ, остальное уже можно и не подсчитывать. Нет смысла.

То есть все радиолокационные и радиотехнические средства Башара Асада с момента начала конфликта будут просто ослеплены. Помехи будут поставлены такой мощности, такой интенсивности и такого удивительного разнообразия (это надо подчеркнуть особо), что с первой же секунды конфликта станет абсолютно невозможным функционирование системы управления вооруженными силами Сирии. Командование ВВС лишится возможности наведения на цели истребительной авиации. Все имеющиеся силы и средства ПВО Башара Асада (заметим, на сегодня во многом

устаревшие) будут парализованы.

И наверняка в этой сфере ведения вооруженной борьбы у американцев для строптивного сирийского руководителя приготовлено что-нибудь особенное. От конфликта к конфликту Соединенные Штаты никогда не повторяются. Лекала у этого искусного военного портного каждый раз разные. У американцев всегда имеется какой-нибудь сюрприз. И мы об этом узнаем только с началом конфликта.

Рассмотрим для примера только несколько возможных боевых эпизодов.

Представим себе стартовую позицию зенитного ракетного дивизиона. Командир пытается вести разведку воздушного противника с помощью СРЦ – радиолокационной станции разведки и целеуказания. Однако сделать это невозможно. СРЦ полностью подавлена прицельными помехами подавляющей мощности. Средства отстройки не помогают, поскольку помехами перекрыт весь рабочий диапазон станции. Более того, через несколько секунд после выхода в эфир СРЦ получает в раскрыв антенны противорадиолокационную ракету (ПРР). Станция разбита, расчет РЛС выведен из строя. Точно такая обстановка и на СНР – станции наведения ракет зрдн (зенитный ракетный дивизион). Радиолокатор полностью подавлен. Наведение зенитных управляемых ракет на цель невозможно как по этой, так и по другой причине – по каналу телеуправления изделия также поставлены такие помехи, которые исключают процесс наведения ракет на цель. Нет радио– и радиорелейной связи с вышестоящим начальником и взаимодействующими подразделениями – подавлены и они. Проводные каналы связи выведены из строя еще до начала конфликта. Вести организованные боевые действия невозможно. На стартовую позицию зрдн сыплется град бомб и ракет. Хотя по большому счету достаточно и одной – 2000-фунтовой JDAM. И это, заметим, только классика процесса. Картина, основанная на опыте предыдущих конфликтов. На практике общественности наверняка будут явлены и многочисленные американские сюрпризы, суть которых пока неизвестна.

Стрельба зенитными ракетами в подобном конфликте будет невозможна. То есть огонь сирийские средства ПВО в самом лучшем случае смогут вести только из крупнокалиберных пулеметов и малокалиберной ствольной зенитной артиллерии. Если учесть, что все средства воздушного нападения США будут действовать в этот момент на безопасной высоте (то есть на больших и средних высотах, куда ни пулеметы, ни пушки не достают), результативность этого огня будет равна

нулю. Разве что все небо будет испещрено трассами осколочно-фугасных снарядов. Внешне красиво, но толку от этого никакого.

Примерно такие же условия будут созданы американцами и для истребительной авиации Башара Асада. Самолет-перехватчик – это очень важное, но все же только звено в системе истребительного авиационного прикрытия. К примеру, для наведения истребителя в окрестности цели необходимо так называемое поле управления. Оно строится на основе информации от РЛС РТВ. Без этих данных вывести самолет в точку перехвата невозможно. Команды с пунктов наведения или от АСУ иап (истребительного авиационного полка) подаются по радио. А теперь представим себе – поля управления нет (нет радиолокационной информации), пункты наведения выведены из строя, по радиолиниям поставлены такие помехи, что какое-либо наведение перехватчика на цель абсолютно невозможно. Что остается делать? Взлетать и производить поиск воздушного противника самостоятельно, визуально, как во времена Второй мировой войны? Эффективность подобных вылетов будет равна нулю. Да и большой вопрос – удастся ли взлететь в принципе, поскольку с первых секунд конфликта взлетно-посадочные полосы аэродромов Башара Асада будут выведены из строя, а самолеты поражены или на стоянках, или в арочных укрытиях.

То есть, не выиграв битвы за эфир, совершенно невозможно говорить о каком бы то ни было успешном ведении военных действий. А шансы выиграть эфирное сражение у Сирии – в силу абсолютно объективных причин – равны нулю.

Помимо всего прочего, противовоздушная оборона Сирии сегодня не представляет какой-нибудь целостной системы. И это вовсе не удивительно. В стране третий год идет гражданская война. Целые города снесены под ноль, превращены в разновидность строительного мусора. В подобных условиях говорить о ПВО Сирии как о системе не представляется возможным. Есть разве что какие-то фрагменты. И по большей части из вооружения и военной техники позавчерашнего дня.

Следующий весьма важный момент. США будут наносить удары с рубежей и районов, куда не могут дотянуться средства активного противодействия Сирии. То есть сначала с помощью РЭБ сирийской армии завяжут глаза, а затем американцы начнут ее совершенно безнаказанно избивать. То есть боксер-профессионал уровня Майка Тайсона начнет колотить, как грушу, субтильного студента-ботаника да еще с плотной повязкой на глазах. Случись подобный поединок на самом деле, хилый первокурсник был бы отправлен в глубочайший нокаут на третьей же

секунде боя. Но американцев такой исход военного конфликта совершенно не устраивает. Они будут избивать Асада и его войско не менее двух месяцев, гоняясь за каждым отдельно взятым сирийским танком, за каждой пушкой, за каждой боевой машиной, пока от бывшего сирийского могущества не останется гора горелого металлолома.

С ВВС и ВМС США моментально была бы сбита спесь, начини сирийцы наносить чувствительные удары по авианосцам, авиабазам, подводным лодкам, крейсерам и эсминцам, самолетам дальнего радиолокационного обнаружения и управления, постановщикам помех, стратегическим самолетам-разведчикам.

Но они этого не смогут сделать по двум причинам. Первое – такими средствами они не располагают. А те, которые имеются в их распоряжении, необходимой дальностью поражения не обладают. И они также не смогут в одиночку действовать в условиях сильнейшего радиоэлектронного противодействия.

Второе и самое главное – даже весьма эффективное средство ПВО в своем классе (скажем, тот же ЗПК «Панцирь») не проявит в полном объеме своих боевых качеств, окажись оно, образно говоря, не в единой боевой системе. Этот комплекс – отнюдь не сказочный меч-кладенец (равно как и другие зенитные ракетные системы). И совсем не потому, что он плох. Он важный, но всего лишь только кирпич в здании современной противовоздушной обороны.

К примеру, чтобы ЗРК ближнего действия в полном объеме показал свои ТТХ, он должен быть скомплексирован с ЗРК/ЗРС малой, средней и большой дальности (для каждого средства воздушного нападения – свой наиболее целесообразный ответ). В свою очередь ЗРК и ЗРС должны находиться в самом плотном взаимодействии с истребительной авиацией и ВВС в целом. Группировка сил ПВО должна быть снабжена высокоэффективными средствами ведения РЭБ и разведки, оснащена современным автоматизированным управлением, обеспечена радиолокационной информацией.

И самое главное – гипотетический противник должен круглосуточно находиться под постоянным огневым воздействием. Его командные пункты и узлы связи, аэродромы, авианосные и корабельные ударные группы необходимо непрерывно подвергать массированным ракетно-авиационным и бомбоштурмовым ударам. То есть другой стороне вооруженного конфликта надо иметь дальнобойные высокоточные средства поражения в обычном снаряжении, способные функционировать в условиях сильного радиопротиводействия.

Только в этом случае можно говорить о равноценном вооруженном противоборстве. Иначе любая военная кампания приобретает характер безнаказанного избиения со стороны такого противника, как США. В этом варианте американцы напоминают средневековых рыцарей, которые в ходе подавления крестьянских восстаний врывались на полном скаку в толпы пахарей и скотоводов, вооруженных косами, топорами и вилами, и в свое удовольствие рубили их налево и направо, не неся при этом никаких потерь. И в данном случае армия Асада – это толпа крестьян, оснащенных пиками из переделанных кос.

Теперь несколько слов о моральном состоянии войск, находящихся под постоянным огневым воздействием современных авиационных средств поражения. Представим себе мотопехотный батальон, который занял оборону (подготовил так называемый батальонный район обороны). Над ним пролетел истребитель-бомбардировщик и сбросил несколько бомб JDAM. В прежние времена в случае применения бомб свободного падения по теории вероятности шансы уцелеть для личного состава и техники были бы весьма высоки. Сейчас совершенно другая картина. Промач боеприпасов типа JDAM всего лишь несколько метров. И даже если противник сбросил несколько бомб, то каждая из них попадет в чувствительные элементы боевого порядка – в командно-наблюдательный пункт батальона, позицию минометной батареи батальона, склад боеприпасов, землянку командира, укрытые в окопах боевые машины пехоты. Случайностей не будет. Будет такая картина: один боеприпас – один пораженный объект. А теперь представьте моральное состояние войск, которые находятся под ударами подобного типа неделю. А месяц? А больше?

И в качестве главного вывода. А многим ли отличается современная Российская армия от сегодняшней сирийской (при ведении боевых действий только обычными средствами поражения)? Надо дать откровенный ответ на этот вопрос – очень немногим. В лучшем случае только числом. Наши Вооруженные Силы не представляют собой, если можно так выразиться, хорошо организованной единой боевой системы, в которой органически были бы сопряжены оборонительные и наступательные вооружения.

В частности, боевой и численный состав войск ПВО после многочисленных реформ не отвечает даже самым минимальным требованиям по поддержанию необходимого баланса сил и средств на стратегических направлениях. А после оргштатных преобразований последних лет ПВО/ВКО и вовсе не является единым боевым организмом.

Мы и поныне не имеем дальнобойных высокоточных средств поражения и их носителей (за исключением разве что нескольких опытных). Что касается РЭБ, то следует, наверное, привести всего лишь один пример. На любом из американских авианосцев есть несколько специализированных самолетов РЭБ. У нас во всех Вооруженных Силах нет ни одного. Подчеркну еще раз – ни одного.

Что у нас остается на достаточно высоком уровне? Только стратегические ядерные силы. Но на высоком ли? Это тоже сегодня вопрос. Во всяком случае, многочисленные неудачные запуски «Булавы» заставляют нас усомниться и в этом.

Раньше думай о Родине

В Сирийском конфликте Россия может быть только проигравшей стороной.

Текст написан накануне операции ВКС России в Сирии в начале октября 2013 года.

По имеющимся данным, Россия намерена быстрыми темпами наращивать военное присутствие в Сирии. Очевидно, Москва в скором времени планирует выступить на стороне Башара Асада в вооруженном конфликте в этой стране. Именно в этих целях в Тартус и Латакию перебрасываются вооружение и военная техника ВС РФ, специалисты, бойцы и командиры. Попробуем оценить предпринимаемые Москвой меры с оперативно-стратегических и военно-технических позиций.

Сформулируем все это в виде кратких тезисов. Далеко не все оценки могут показаться приятными на вкус и цвет. Возможно, ряд из них покажется чрезмерно острым. Но если предельно смягчить формулировки, суть происходящего от этого изменится мало.

1. Внешняя политика России как отражение чаяний самых широких народных масс

Наверное, начиная с 1894 года внешняя политика России перестала быть каким бы то ни было выражением глубинных геополитических и национальных интересов русского народа. Император Александр III, похоже, стал последним русским правителем, заявившим: «Все Балканы не стоят жизни одного русского солдата». До известной степени и в отдельные периоды своего царствования этому правилу – соответствия внешней политики национальным интересам народа – следовал И. В. Сталин. Но после его смерти разрыв между интересами народа и проводимой внешней политикой достиг просто невероятной глубины. На жителях Костромской, Саратовской, Архангельской и многих других областей радиение, к примеру, Никиты Хрущева за интересы мирового коммунистического и рабочего движения, пролетарский интернационализм и мир во всем мире практически не сказывалось, а если и сказывалось, то только в одну сторону – дальнейшего ухудшения уровня жизни. Внешняя политика СССР при позднем историческом материализме окончательно стала проявлением личных амбиций вождей, их лихости и крутости (и даже откровенной

продажности – для периода 1985–1991 годов), движением против элементарного здравого смысла и течения. Наконец, проявлением заурядного авантюризма. В этом плане достаточно перечислить только ужимки, прыжки и словесные эскапады Никиты Хрущева. Одна индонезийская история чего стоит. А Карибский кризис? А борьба за освобождение Африки?

И до настоящего времени связь между внешней политикой страны и глубинными интересами народа в полном объеме еще не восстановлена. И современная сирийская история – весьма недвусмысленное тому подтверждение.

2. Предыдущий ближневосточный опыт СССР

По большому счету его можно расценивать как сугубо отрицательный. Тут можно применять только такие выражения: афронт, неудача, провал, поражение, катастрофа. Самая характерная и яркая страница – в 1972 году президент АРЕ Анвар Садат в 24 часа приказал советским военным специалистам покинуть Египет. До сих пор никто не может ясно и понятно, причем медленно и по пунктам, изложить – что мы в те годы на Ближнем Востоке делали? Зачем? В каких целях? Каковы были наши возможные дивиденды от проводимой политики? Кроме сбивчивой и путаной скороговорки от псевдоэкспертов ближневосточной ориентации, содержащей фразы исключительно общего характера, ничего понятного, конкретного и ясного в ответ услышать и поныне нельзя.

3. Возможные союзники

Пока не прослеживаются. Во всяком случае это будут не страны НАТО. Они с интересом (и временами даже с сочувствием) будут наблюдать за развитием ситуации со стороны. Рассматривать в качестве союзников государства-участники ОДКБ было бы по меньшей мере чересчур оптимистично. И дело даже отнюдь не в мизерных военных и экономических потенциалах этих стран. Слишком разнотипны государственные интересы внутри ОДКБ. И очень мало общего в ментальности. Этот блок годится, возможно, только для одного – показательных военных выступлений, по форме и духу напоминающих военно-спортивную игру «Зарница», и ни к чему не обязывающих разговоров общегеополитической направленности возле камина. Если переименовать ОДКБ в ППР – пришли, поговорили, разошлись, то это бы, возможно, более полно соответствовало сути псевдвоенного и ни на что практически не годного союза.

4. Предыдущий современный отечественный стратегический опыт

Пока отрицательный. К таковому следует, наверное, отнести с треском

провалившийся проект «Новороссия». С большой долей вероятности можно предположить, что на волне после крымской эйфории некоторые шептуны негромко внушали первым лицам Российского государства: «Ваше высокопревосходительство, да Вы только слово скажите, и вся Левобережная Украина до Приднестровья включительно от этого злокозненного Киева отложится. А то и сам Киев смиренно падет к Вашим ногам». Не отложилась. И не пал. И с Новороссией как-то уж совсем не заладилось. И слово это уже не в ходу. И оценки военно-политической обстановки у официальных лиц со временем стали довольно существенно меняться. И уже поспешно провозглашенные народные республики – неотъемлемая и законная часть территории Украины.

Теперь те же самые шептуны формулируют прогнозы развития обстановки в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. Их еще не посадили на кол за предыдущие оценки и предсказания, а они уже без усталости строчат новые.

Этот тезис можно рассматривать и под следующим углом – а насколько успешны прогнозы оловластных стратегов и футурологов? Ответ пока тоже сугубо отрицательный. Если есть сомнения, то легко можно составить следующую таблицу – должность, фамилия, имя, что и когда предсказывал, результат. По времени подобный документ составляется на счет раз-два, а злорадного смеха и последующих поводов для уныния будет как минимум на год.

5. Стратегия неоконченных дел

Москва еще толком не навела порядок на Северном Кавказе. Происходящее там можно при определенных подходах рассматривать даже как вооруженное перемирие с выплатой дани. Не закончив одно важное дело, Кремль суетливо стремится с головой окунуться в водоворот следующего.

6. Отечественные стратеги

Стратегия несведущим людям кажется казарменной сказкой. Все стратегические решения представляются порой настолько очевидными, что принимать их, уверены во властных верхах, вполне способен человек с заочным социологическим образованием. Но на самом деле все это на два порядка сложнее, чем специальные главы высшей математики. В стратегии, как и в политике, курица часто высиживает утят – последствия оказываются вовсе не похожими на породившие их причины (Александр Свечин). И надо спрогнозировать не первое действие (это проще всего), а как будет выглядеть последний акт пьесы. А это дар от Бога.

В общем, смотри тезис номер четыре.

7. Имеющиеся силы и средства

В 1968 году во время планирования операции «Дунай» (ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию) министр обороны СССР маршал Андрей Гречко заявил на Политбюро ЦК КПСС: «Если будет меньше 25 дивизий, я за дело не берусь». То есть фронтовик знал, что надо наваливаться большими силами и сразу, а не цедить их в год по чайной ложке. Так, к сожалению, произошло в Афганистане, когда СССР силами четырех дивизий пытался усмирить большую горную страну. Такую же ошибку совершили американцы во Вьетнаме, понемногу и постепенно наращивая боевой и численный состав своих вооруженных сил в Юго-Восточной Азии. Сначала 50 тысяч бойцов. Мало. Потом 100 тысяч. Опять мало. Потом 200. И вновь не хватает. Наконец, 500, а война уже вдребезг проиграна. Вариант «500 и сразу» американцами по недоразумению тогда не рассматривался.

Сегодня в Сирии, по данным иностранных разведок, четыре Су-3[°]СМ, 12 Су-25, четыре вертолета и артдивизион. Надо заметить, подобный наряд сил и средств – лучший повод для розжига конфликта. Это все равно как стоять рядом с ближневосточным костром и подливать в него кружкой бензин.

А теоретически для разгрома ИГИЛ и террористического интернационала собственно в Сирии (по самым минимальным оценкам, исходя из элементарного соотношения сил и средств) потребуется не менее десяти общевойсковых дивизий, ВВС, по боевому составу примерно соответствующие воздушной армии советского периода, не менее 15–20 арtpолков, соответствующие части остальных родов войск. Боевая деятельность подобного контингента потребует просто колоссального расхода материальных средств – боеприпасов, горючего, продовольствия.

Как известно, там, где заканчивается железная дорога, заканчивается и война. Железнодорожного сообщения между Россией и Сирией нет. По воздуху можно перебросить очень и очень немного. Остается длинный морской путь (несколько дней туда и столько же обратно). Десантно-высадочные средства Черноморского флота представлены лишь одной бригадой, на ходу в которой всего несколько обветшавших от времени БДК проектов 775 и 1171, самому молодому из которых не менее четверти века. В подобном случае придется прибегнуть к мобилизации судов бывшего Минморфлота. Для погрузки войск и материальных средств на Черном море в настоящее время есть только один пригодный порт – донельзя перегруженный Новороссийск. Легко представить себе, насколько будет парализована вся остальная деятельность этого порта при погрузке всего

лишь одной дивизии.

Вот пример из сферы материального обеспечения боевой деятельности войск. В свое время в Афганистане, пока не протянули трубопровод Термез – Хайратон – Кабул, не могли обеспечить требуемое боевое напряжение ВВС 40-й армии. Причем только по одной причине – из-за нехватки авиационного керосина.

8. Кто будет воевать со стороны России

Посылать в Сирию призывную молодежь вряд ли станет возможным. Это вызовет массовые протесты среди самых широких слоев российского населения (см. пункт 1). Значит, придется комплектовать сирийский контингент военнослужащими-контрактниками. Таковых, по самым минимальным оценкам, потребуется не меньше 100 тысяч человек. Иными словами, придется отправлять в далекую и жаркую страну почти всю контрактную Российскую армию. При этом во весь рост встанут вопросы достойной оплаты ратного труда этого контингента в свободно конвертируемой валюте. Иначе не миновать массовых отказов от выполнения интернационального долга. Очень сложны будут вопросы восполнения возможных потерь. И, наконец, военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, будет больше думать о том, как ему вернуться с деньгами домой, нежели проявлять отвагу и воинский героизм при исполнении интернационального долга. То есть проблемы мотивированности при выполнении боевых и оперативных задач будут более чем осязаемы.

9. Тактический нюанс

Основная единица при ведении боевых действий с иррегулярными формированиями полупартизанского типа – мотострелковый батальон, усиленный ротой танков, батареей (дивизионом) самоходной артиллерии, батареей РСЗО, минометами, огнеметами, авианаводчиками для взаимодействия с ВВС. То есть командир батальона должен быть подготовлен для эффективного управления этим сложным хозяйством. Интересно, и много у нас сегодня таких комбатов?

10. Территория

Есть весьма легковесное мнение, что Сирия – это не Афганистан, там пустынная и полупустынная местность. И разогнать мятежников и террористов ИГИЛ на подобной территории будет очень легко. А на самом деле местность там такая же, как примерно в Алжире, где Франция в течение почти десяти лет не на жизнь, а на смерть вела борьбу с партизанским движением. Причем по жестокости действий французские войска мало чем отличались от печально знаменитых зондеркоманд. В

конечном счете Париж бесславно ушел из Алжира, забрав с собой почти два миллиона белых граждан.

11. Американская выгода

Вполне возможно, что в Белом доме царит просто необузданный оптимизм по поводу предстоящего вооруженного вмешательства России в гражданскую войну в Сирии. «Что до этого в отношении Кремля ни пробоваали, ничего не срабатывало, а сегодня лучшего способа сломать шею Москве и не придумаешь», – радостно потирают руки политики и стратеги в Вашингтоне. «Падающего толкни!» – злорадно приговаривают на Потомаке. Этим и объясняется такая уступчивая с последнего времени позиция Вашингтона по сирийскому вопросу. Там уже никак не могут дожидаться начала боевых действий.

Похоже, афганский капкан со звоном захлопнется еще раз. Все пока складывается примерно один к одному (факты в таблице).

Но есть и существенное отличие. Бабрак Кармаль хотя бы контролировал положение в Кабуле. И столица Афганистана не напоминала Сталинград в октябре 1942 года. Башар Асад сегодня не контролирует в полном объеме даже свою столицу – Дамаск. Кроме того, ИГИЛ в Афганистане в декабре 1979-го как государства (пусть и квазигосударства) не было. А на Ближнем Востоке оно есть. В рядах вооруженных формирований ИГИЛ почти 200 тысяч вооруженных и хорошо организованных фанатиков.

12. Кто будет оплачивать банкет?

Несомненно, что Башар Асад в полном объеме не сможет оплатить в свободно конвертируемой валюте предполагаемое участие Вооруженных Сил России в гражданской войне в Сирии. И это вооруженное противоборство непомерным бременем ляжет на стремительно истощающийся и покрывающийся разного рода пробоинами бюджет России. А денег борьба с ИГИЛ потребует просто немерено.

13. Предполагаемая российская выгода

Вполне возможно, что борьбой с ИГИЛ Москва рассчитывает вернуть себе политические и экономические позиции, утраченные после присоединения Крыма и войны в Донбассе.

Но вот это сильно вряд ли, позвольте заметить. Кроме словесного подбадривания (и это в самом лучшем случае), от Запада и США Россия не получит ничего. И то – во вторник будут подбадривать, а в среду – уже осуждать и учреждать международные трибуналы по расследованию злодеяний российских войск в Сирии. А когда дело обернется полной и окончательной прорухой, так еще и откровенно смеяться.

Бессмысленная трата материальных ресурсов и человеческого капитала – вот таков будет итог участия нашей страны в намечающейся ближневосточной авантюре. А санкции отменят в лучшем случае лет этак через 30–40. Если еще и отменят.

14. Выводы. Что делать

России абсолютно незачем ввязываться в очередную ближневосточную авантюру. И Башар Асад вовсе нам не брат и не союзник. Как сказано в одном из культовых отечественных фильмов: «Не брат ты мне...» Ну сами знаете, что там дальше.

Глубинные национальные интересы страны и втягивание в очередную войну с непоправимо гибельными для государства последствиями не имеют ни одной, даже малейшей точки соприкосновения.

Важнейшие проблемы нашей страны – внутренние. И на данном этапе все международная деятельность должна быть сведена к крайне необходимому минимуму. Не будет большим преувеличением сказать, что в ходе обсуждения очень далеких от подлинных интересов государства вопросов самолеты отечественного МИДа керосина сожгут больше, чем требует отопительный сезон для многих и многих регионов страны.

В намечающейся сирийской авантюре жирную точку надо поставить как можно быстрее.

Глава 2

Противоракетная оборона

Европейская ПРО и отечественная «хлестаковщина»

Дискуссия, развернувшаяся в российских СМИ вслед за окончанием лиссабонского саммита о перспективах создания в Старом Свете противоракетной обороны, вновь поневоле заставляет задаться одним вопросом. А именно: не пора ли уже говорить, что у нас в стране есть не подлинное, а лишь так называемое военное экспертное сообщество?

В который уже раз, как чертики из табакерки, повыпрыгивали «специалисты широкого профиля», готовые высказать мнение по любому вопросу – от вопросов применения Вооруженных Сил до комплектования армии и флота, от разработки боевой техники до ее экспорта-импорта, от борьбы с преступностью в казармах до операций спецслужб. Кстати, кочуя по теле- и радиостудиям, давая интервью то одному, то другому информагентству, выступая в различных печатных изданиях, эти господа ничуть не смущаются, когда слышат или читают, что они-де «видные военные эксперты».

Не приходится удивляться, что Россия – родина хлестаковщины. Причем данное явление – во всяком случае в сфере военной аналитики – на протяжении последних лет, не встречая никаких элементарных преград, процветает пышным цветом. Между тем в любой цивилизованной стране, прежде чем давать слово в эфире, рассчитанном на миллионы зрителей и слушателей, на страницах авторитетных газет и журналов, принято интересоваться образованием, предыдущей работой или службой человека. Но главное – обоснованностью и верностью его предшествующих суждений по той проблеме, которую он намерен комментировать. Однако в нашем медийном пространстве – собственные законы и правила. А потому непрерывно звучат голоса доморощенных оракулов, высказанные ранее предсказания коих можно смело уподобить прямым попаданиям указательного перста в небо над головой.

Впрочем, иного результата многие «господа-товарищи эксперты» добиться неспособны. И не только из-за того, что не обладают соответствующей подготовкой и опытом. Дело в том, что они стремятся не столько прийти к объективным выводам, сколько изложить точку зрения, основанную на личных политических пристрастиях, фобиях и идеологических предпочтениях.

Что же касается противоракетной обороны, то ни один (подчеркиваю –

ни один) из выступивших российских «военных экспертов» не является офицером-ракетчиком, не тянул лямку в частях и соединениях ПРО, никогда не занимался вопросами планирования боевого применения систем, которыми эти части и соединения оснащены. И даже отродясь не бывал на полигоне, где оружие ПРО испытывается и проверяется. Тем не менее берутся толковать о предмете, требующем весьма большого объема специальных знаний.

Особое внимание отечественные «знатоки» уделили возможной позиции России в вопросе о создании европейской противоракетной обороны. Так, один из них недавно с маху врезал: «Споры по поводу контроля за «кнопкой» и порядка принятия решений в совместной системе ПРО абсолютно беспочвенны: когда в тебя летят ракеты, обсуждать что-либо уже поздно, команда об их уничтожении должна приниматься автоматически».

Еще большевики говорили, что коренной вопрос любой революции (в том числе и в сфере ПРО. – М. Х.) – вопрос о власти. А тут с разбегу утверждается: какая, мол, разница, кто командир и кому принадлежит система. В общем, это из серии – хоть стой, хоть падай.

Попутно небольшое замечание по поводу пресловутой «кнопки».

В режиме «Боевая работа» в любой системе ПРО определение момента пуска и выдачу команды на пуск противоракеты производит цифровой вычислительный комплекс.

Вот еще одно интересное высказывание: *«...что касается вопроса технологической и организационной совместимости систем ПРО России и США, то положительный ответ дан на него давно и нашими военными, и гражданскими специалистами...»*

Фамилии этих специалистов, к сожалению, не приводятся. А хорошо бы их знать, что называется, в лицо. Ну да ладно. Лучше процитирую кое-что из тактико-технических характеристик системы противоракетной обороны Москвы и Центрального промышленного района А-35М, снятой с вооружения еще в 1990 году. Речь идет о системах синхронизации и передачи данных (не все «эксперты» знают, что без них никакая ПРО не заработает): *«...центральный синхронизатор... представляет собой высокостабильный эталонный генератор, проверяемый по атомному и молекулярному стандартам частоты и предназначен для согласования во времени всех средств системы А-35М»; «...система АПД-35 должна обеспечивать не более одной ошибки при передаче 108 импульсов по любому из каналов связи (стволу)».*

Всего несколько строк свидетельствуют об абсолютной уникальности

наших разработок даже многолетней давности. Зарубежный «чемодан» поставить тут абсолютно негде. Проще с нуля приступить к конструированию новой системы.

России, разумеется, надо принимать участие в создании европейской противоракетной обороны. Но только на принципах, изложенных президентом РФ Дмитрием Медведевым на саммите в Лиссабоне. Однако при этом необходимо вкладываться в собственные разработки. Был бы слышен голос Москвы в ноябре 2010-го в португальской столице, если бы она не обладала единственной в мире боедежурящей системой ПРО А-135 и не располагала большим объемом наработок по перспективным системам ПРО? Ответ на этот вопрос очевиден.

Составляющие противоракетной ереси

Хочу начать с одного эпизода из относительно недавнего прошлого. Как-то раз генерал армии Иван Третьяк, к тому моменту уже не первый день стоявший во главе Войск ПВО, в довольно узком кругу офицеров и генералов главкомата произнес весьма примечательную фразу: «Только теперь, после трех лет моего пребывания в должности главнокомандующего Войсками ПВО я приближаюсь к пониманию глубинной сути сложнейших вопросов организации противовоздушной обороны страны и Вооруженных Сил».

Замечу, что это сказал военачальник, имевший за плечами опыт фронтовика Великой Отечественной, получивший первоклассное военное образование в Академии имени Фрунзе и Академии Генерального штаба, умудренный многими годами командования подразделениями и соединениями, оперативными и стратегическими объединениями. Зато ныне – в современной России – всяк, кому не лень, берется давать оценки и советы в важнейшей сфере защиты государства от нападения потенциального противника.

Коснусь двух подобных выступлений. Первое прозвучало со страниц очень уважаемой еженедельной газеты, второе увидело свет на сайте оппозиционного интернет-издания.

Не по должности полет

Например, генерал-майор запаса, заместитель начальника войсковой ПВО ВС РФ (2005–2009) Александр Тазехулахов в своей статье взял да и выдал, прямо-таки как из гранита отлил следующий пассаж:

«Учитывая, что создание системы воздушно-космической обороны (ВКО) или войск ВКО может оказаться самым заметным, дорогим и в то же время самым бессмысленным и бесполезным проектом, необходимо в очередной раз рассмотреть существующие проблемы и варианты решения этой сложной задачи».

Слог-то какой – «самым заметным, дорогим и в то же время самым бессмысленным и бесполезным проектом». Вот срезал, так срезал! Что подвигло генерал-майора запаса на столь хлесткие выражения – непонятно.

Правда, смущает одно обстоятельство: вопросами военного строительства в масштабе страны и Вооруженных Сил (а все аспекты будущего ВКО находятся именно на этом уровне – никак не ниже) Александр Александрович, занимая достаточно скромный пост в Минобороны, не ведал никогда. Равно как и не планировал применения войск (сил) на уровне стратегических операций.

Для тех, кто не знает: зенитная ракетная бригада – самое крупное соединение в войсковой ПВО. И кругозор большинства ее командиров – бригадный. Оперативно-тактический, оперативный и оперативно-стратегический уровень в организации противовоздушной обороны и боевого применения сил и средств для представителей войсковой ПВО во многом понятия объективно непостижимые.

Поэтому думается, от столь всеохватывающих обобщений и выводов товарищу Тазехулахову следовало бы воздержаться. Тут налицо, что называется, полет не по должности. Или генералу надо было хотя бы подкорректировать тон статьи, существенно смягчив категоричность оценок.

Впрочем, нельзя не обратить внимания и на это высказывание:

«Военным и невоенным экспертам понятно: без четкого представления масштаба и характера войн новых поколений, без собственной (а не натовской) стратегии их ведения невозможно придавать Вооруженным Силам соответствующий новый облик».

Как говорится, приехали. Даже не подозревал, сколь мудры и прозорливы наши аналитики, равно военные и невоенные. Значит, речь

идет и о тех людях, кому по роду деятельности в прошлом и настоящем сам бог велел разбираться в вопросах оснащения, комплектования, подготовки армии и флота сегодня, завтра, в отдаленной перспективе, в функционировании и развитии военной организации государства. И о тех, кто знает, как и чем живут воинские коллективы, в основном с чужих слов (как правило, информация черпается из Всемирной паутины, электронных и печатных СМИ). Причем круг интересов последних нередко безгранично широк и чего ни коснись – везде они доки.

Кстати, неплохо было бы генералу Тазехулахову сообщить, когда мы руководствовались «натовской стратегией ведения» войны. Имеются ли подобные прецеденты вообще?

Вместе с тем, пользуясь случаем, приведу для примера выдержку из Оборонной стратегии США образца 90-х годов (формулировки, на мой взгляд, отнюдь не устарели и теперь, а в некоторых местах так не сразу и поймешь – то ли про нас это, то ли про них):

«...трудность, которую не могут обойти специалисты, занимающиеся планированием в оборонной области, заключается в том, что сегодня мы должны начинать создание вооруженных сил для противодействия настолько удаленным в будущее угрозам, что они не могут быть надежно спрогнозированы. События последних лет ясно продемонстрировали, насколько быстро и непредсказуемо могут измениться политические тенденции. Решения по вооруженным силам не могут основываться на базе краткосрочного планирования. Военный потенциал, который мы имеем сегодня и будем иметь в течение ближайших нескольких лет, во многом является результатом решений, принятых десять и более лет назад. Большинство из возможностей, от которых мы сейчас отказываемся, не могут быть быстро восстановлены, ожидаемые сокращения нанесут долговременный урон даже тому потенциалу, который мы сохраним...»

А нашим генералам подавай «четкое представление масштаба и характера войн новых поколений», а также «конкретные боевые задачи» (об этом Александр Тазехулахов говорит чуть ниже).

Существенные частности

Хотел бы отдельно остановиться на словах генерал-майора запаса из приведенной выше цитаты: «...без четкого представления масштаба и характера войн новых поколений, без собственной (а не натовской) стратегии их ведения...» Почему? Уж очень бросаются в глаза и режут слух подобные выражения. Генштабист так бы никогда не высказался – особенно в части «стратегии ведения войны».

Напомню классическое определение военной стратегии. Это система научных знаний о характере вооруженной борьбы в современных войнах, путях их предотвращения военно-техническими средствами, разработке требований к подготовке страны и ВС к отражению возможной агрессии, о способах и формах ведения войны в целом и военных действий стратегического масштаба, а также область практической деятельности политического руководства и высшего военного командования по предотвращению возможной войны, подготовке страны и ВС к войне и руководству ими при ведении военных действий с целью отражения нападения и разгрома агрессора.

То есть речь можно вести не о «стратегии ведения войны» (по генералу Тазехулахову), а «о способах и формах ведения войны в целом и военных действий стратегического масштаба».

А вооруженные силы государства должны быть способны вести военные действия любого характера и в любом масштабе – и это есть важнейшее доктринальное положение. Что же касается характера войны, так это, как известно, совокупность наиболее существенных характерных черт и показателей, раскрывающих ее социально-политическое и военно-техническое (стратегическое) содержание. И одному Богу известно, каким в следующей войне будет этот самый характер.

Не могу не прокомментировать и эту фразу из статьи Александра Тазехулахова: *«...приоритеты необходимо отдавать развитию и совершенствованию не отдельных видов и родов войск Вооруженных Сил, а стратегических и оперативно-стратегических разведывательно-боевых (наступательных и оборонительных) систем, создаваемых на основе группировок войск (сил) на стратегических направлениях под конкретные боевые задачи».*

Интересно, как генерал сам представляет себе этот процесс? Хорошо привести хотя бы один практический пример, популярно объяснить

читателям, что это такое. Что автор вообще имеет в виду? Как, скажем, на основе группировки войск можно создать систему, тем более разведывательно-боевую? И о случае подобной метаморфозы поведать (если таковая, конечно, где-то происходила).

Не следует, полагаю, обойти молчанием и это высказывание: «Нельзя рассчитывать на то, что боевой потенциал системы ВКО будет когда-либо сравним с боевым потенциалом стратегических ядерных сил».

Прочел и лишь руками развел. Мыслимое ли дело – сравнивать ежа и ужа? Ведь это, как объясняют в Одессе, две большие разницы. И задача отразить массированный ракетно-ядерный удар перед системой ПВО (ВКО) никогда не ставилась – даже в самых смелых планах. Между прочим, вопрос в подобной плоскости (до генерала Тазехулахова) никто просто не формулировал.

Однако пойдем дальше и разберемся еще с некоторыми пассажами статьи. Александр Тазехулахов утверждает: «Ни у одной страны мира сегодня нет и не предвидится в среднесрочной перспективе такой системы ПРО, которая была бы способна отразить не только массированный (разоружающий) ракетно-ядерный удар, но даже удар в составе нескольких МБР».

Это не совсем так. Система противоракетной обороны, способная отразить удар нескольких МБР, у нас есть. Это подмосковная А-135 (только обычно ее боевые возможности измеряются количеством поражаемых боевых блоков). Подобная система была и ранее – А-35М (последняя вообще могла сбивать низкоорбитальные ИСЗ). Особо подчеркну: задание разработать и развернуть систему ПРО, которая позволила бы парировать массированный ракетно-ядерный удар, наш оборонно-промышленный комплекс не получал в принципе.

Генерал-майор запаса пишет: «Вторая задача (...) – это создание горизонтальных компонентов системы ВКО: единых систем разведки и предупреждения, огневого и функционального поражения (подавления), управления и обеспечения. Эту задачу пытались и пытаются решить многие государственные деятели, военачальники, представители военной науки и промышленности в течение последних 30 лет, но до сих пор не решились».

Товарищ Тазехулахов не прав: такая задача была практически решена в рамках Войск ПВО как вида Вооруженных Сил примерно в середине 80-х годов. Проблемы, естественно, существовали. Они в основном находились на стыке разных ведомств. В частности, представители той же войсковой ПВО (или ПВО Сухопутных войск в те времена) по вопросам углубления

взаимодействия, как правило, занимали откровенно деструктивную позицию. Лучше бы генерал рассказал про те случаи, когда все попытки разумного объединения усилий уходили в песок из-за упрямства и злой воли некоторых (хорошо, впрочем, известных) персоналий.

Стоит ли детально рассматривать варианты создания ВКО, предлагаемые Александром Тазехулаховым (одних передать туда, других – сюда, третьих оставить на месте)? Уверен, что нет. Кардинальные решения (сформировать-расформировать-переподчинить-передислоцировать) в сфере воздушно-космической обороны, надо полагать, уже приняты. Поэтому пытаться поднимать очередную организационно-штатную бурю (тем более откровенно игрушечного масштаба), наверное, незачем.

А с формулировками генерал-майору запаса следует быть все же поосторожнее. Слово, как известно, не воробей.

«Сам-то понимаешь, что сказал?»

Однако статья Александра Тазехулахова – это еще верх логики и стройности в изложении по сравнению с материалом на ту же противоракетную тему Александра Гольца, известного широкой публике в качестве и независимого военного эксперта, и политолога-западника, и публициста-оппозиционера. Пройдусь и по его опусу.

Впечатляет уже начало сочинения:

«Вряд ли вы, дорогие читатели, помните, что три года назад мною был открыт один из важнейших законов существования отечественной бюрократии. Принцип Гольца гласит: чем абсурднее идея, тем больше вероятность, что она будет одобрена российскими чиновниками. Ведь невозможность реализации позволяет доить госбюджет бесконечно долго. Минувшие годы принесли немало подтверждений этому принципу. Вспомнить хотя бы о ГЛОНАСС или о тяжелой жидкотопливной ракете».

Безапелляционность потрясающая. Развертывание национальной глобальной системы позиционирования по Гольцу – это абсурд. Получается, Соединенным Штатам такая система жизненно необходима, объединенной Европе без нее никак, Китаю и Индии она также требуется, как воздух, а нам отечественный аналог GPS просто ни к чему. И тяжелая ракета на жидком топливе – это по Гольцу тоже абсурд (без квалифицированного объяснения причин).

Читаем этого видного «военного эксперта» дальше:

«Тогда, в 2008-м, я доказывал свою теорию на примере идеи о единой

воздушно-космической обороне. Военные бюрократы утверждали, что на воздушно-космическое нападение потенциального агрессора (то есть США, единственной страны, способной проводить подобные операции) можно ответить, лишь создав единую воздушно-космическую оборону. Мелочи вроде тех, что физические тела в космосе и воздушном пространстве перемещаются по разным законам (в одном, подчиняясь законам баллистики, в другом – аэродинамики), никого не интересовали. Как никого не интересовал вопрос, а зачем, собственно, объединять радиолокационные станции с совершенно разными диапазонами и средства перехвата, работающие на разных принципах. Главное – намечалась гигантская административная пертурбация, на которой можно неплохо погреть руки».

А на деле все немного не так (точнее, все совсем не так). Единую систему ПВО страны и Вооруженных Сил, создававшуюся на протяжении десятилетий трудом миллионов людей, в 1998 году мы, к сожалению, разрушили собственными руками. От былых боевых и оперативных возможностей в этой сфере у нас сегодня не осталось и бледной тени. В настоящее время уцелевшие силы и средства растащены по разным ведомствам. Вопрос создания/воссоздания единой системы ПВО/ВКО стоит достаточно остро, поскольку он, без особого преувеличения, является одним из первостепеннейших для национальной безопасности России. Признаться в том, что 13 лет назад была совершена крупная ошибка, нынешнему военно-политическому руководству РФ явно не хочется. Тем не менее из сложившейся ситуации каким-то образом выходить надо.

Правда, господин Гольц уверен – не надо. России подобная система (повторим – единая система ПВО/ВКО страны и Вооруженных Сил) не требуется. И тут Александр Матвеевич обрушил на голову читателя повествование о разных средах и объединении радиолокационных станций с совершенно разными диапазонами и средствами перехвата, работающими на разных принципах. Так и хочется спросить автора: «Сам-то понимаешь, что сказал?». Вряд ли. В армии он не служил, военного (или хотя бы инженерного) образования не имеет, практического опыта работы в этих сферах – никакого. И хотелось бы уточнить у Гольца: кто они такие, эти злобные военные бюрократы? Где они засели? Списочек, будьте любезны.

Затем господина Гольца окончательно понесло:

«Как видим, законы физики – ничто по сравнению с желанием бюрократов поставить что-нибудь под свой контроль. За прошедшие четыре года бессмысленная идея прижилась в мозгах начальства и засверкала новыми гранями. Во-первых, появилось чудо-оружие: система

С-500, способная, как утверждают, осуществлять перехват как в воздушном пространстве, так и в ближнем космосе».

Система, способная совершать перехват головных частей межконтинентальных баллистических ракет в «воздушном пространстве и ближнем космосе» (это по Гольцу), у нас была создана еще в середине 60-х годов. Это, повторю вновь, система ПРО А-35 (35М). Она успешно поражала означенные цели на высоте и 50 километров, и более 350 километров. И как-то ее боевые возможности при этом законам классической механики Ньютона не противоречили. Нет сомнения, что разрабатываемая уже в XXI веке зенитная ракетная система С-500 (разумеется, на новой основе и новых принципах) многократно превзойдет по эффективности систему А-35М.

Или (по Гольцу) нам следует отказаться от самой возможности поразить гипотетического противника на гиперзвуковых скоростях и в ближнем космосе? Или все же как? Извольте объясниться, пожалуйста. К слову сказать, Израиль буквально на прошлой неделе провел испытания новой системы ПРО, способной перехватывать баллистические ракеты (стало быть, этому государству система ВКО нужна).

Впрочем, пока продолжим чтение:

«С-500 начнет поступать на вооружение в 2015 году... Я бы не был столь оптимистичен. Предшественница С-500 система ПВО С-400 была принята на вооружение в 2007-м. За четыре года удалось произвести ракетных установок аж на два полка, то есть 32 установки».

Александр Матвеевичу надо для начала хотя бы выучить состав зенитной ракетной системы С-400 «Триумф». Это ведь не только пусковые установки (по Гольцу – установки). Это командные пункты и средства локации, многофункциональные радиолокаторы зенитных ракетных дивизионов, пусковые установки, всевысотные обнаружители (обычно придаваемые), дизельные электростанции, связь и многое другое (поставки из промышленности подобных систем производятся полковыми комплектами, а не установками). А если автор приводит какие-либо конкретные цифры (32 установки), то им должно быть дано квалифицированное объяснение (почему именно так, а не иначе). В противном случае это всего лишь манипуляция и жонглирование цифрами. А насчет оптимизма или пессимизма – доживем до 2015 года, там и посмотрим...

Истинный патриот

Когда знакомишься со статьями господина Гольца, посвященными

вооруженным силам, российским и иностранным, поневоле закрадывается подозрение: неужели перед нами действительно плохо замаскированный агент влияния (в чем Александра Матвеевича обвиняют иные оппоненты)? Но уж больно малограмотный в военно-техническом отношении этот агент, больше вредящий себе самому собственными устными и письменными выступлениями, наносящими ощутимый удар по репутации автора.

Разумеется, господин Гольц никакой на самом деле не агент, а просто излишне темпераментный журналист, слишком легко возгорающийся от соприкосновения с военной и военно-технической проблематикой. Однако если проанализировать его последние сочинения по данным вопросам, то на выходе в целом получается: система ГЛОНАСС – абсурд, тяжелый носитель на жидком топливе – глупости, ВКО – ересь, С-500 – вздор, «Булава» – ахинея, призывная система – галиматья, подготовка мобилизационных ресурсов – бред, НАТО – друг, а США – уж точно не враг (в последнее очень хотелось бы верить, только «дружеские» бомбардировки последних десятилетий мешают).

В общем, по высказываниям Александра Гольца о нем можно судить как об истинном патриоте Отечества нашего, неустанно пекущемся о его глубинных национальных интересах.

И в заключение. Если на кого-то нападет острая охота в очередной раз словесно поупражняться на темы противовоздушной и воздушно-космической обороны, то перед каждым своим предложением, положенным на бумагу, ему следует вспоминать слова Ивана Моисеевича Третьяка, генерала армии, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, главнокомандующего Войсками противовоздушной обороны (1987–1991).

Не ЕвроПРО, а евробайда

В начале июля 2011 года в Сочи состоялось выездное заседание Совета Россия – НАТО. Одним из центральных вопросов повестки дня этой встречи стало возможное сотрудничество Российской Федерации и Североатлантического альянса в ходе создания европейской противоракетной обороны. Однако ни одну спорную проблему в этой сфере так и не удалось разрешить. Почему?

Ошибки – кадровые и фундаментальные

Чтобы обосновать свою версию, отчего дискуссия в будущей столице зимней Олимпиады-2014 завершилась именно так, начну издалека.

В конце 90-х решался вопрос о будущем Договора об ограничении систем ПРО 1972 года. В ту пору автор этих строк проходил службу в 1-м направлении 1-го управления Главного оперативного управления Генерального штаба, и поскольку по своему первому образованию являлся инженером-ракетчиком, его в качестве эксперта откомандировали на Смоленско-Сенную площадь, 32, для участия в заседании одной из рабочих групп.

Оказавшись в указанном кабинете Министерства иностранных дел, мне довелось неслыханно удивиться тому, кого сочли должным включить в состав этой рабочей группы. Все присутствующие – выпускники МГИМО – карьерные дипломаты. Послушав минут 15 их выступления – очень далекие по содержанию от собственно противоракетной обороны, я по-солдатски брякнул: «Ребята, да среди вас нет же ни одного специалиста, который хоть немного бы соображал в тонкостях этого вопроса».

Черт дернул меня за язык! Уж лучше бы промолчал. Старший группы встал и заявил, что в случае повторения подобных выходов он сегодня же сообщит о моем поведении начальнику Генерального штаба. Поняв, что дело пахнет керосином, ваш покорный слуга посчитал за лучшее в дальнейшее обсуждение не вмешиваться.

Между тем возникшую паузу прервал один из работников МИДа, молодой, в общем-то, парень. С обидой в голосе он произнес: «Да я семнадцать раундов переговоров по ПРО выдержал в Женеве!».

Слов нет, аргумент был убийственный. Возражать вслух не следовало. Лишь про себя подумал: «В Женеве я бы и двадцать выдержал. Попробовал бы ты, сынок, хотя бы один раунд выдержать зимой на площадке № 6/52 на

полигоне Сары-Шаган».

И уже тогда, в тот же вечер мне стало предельно ясно, какова будет дальнейшая судьба подписанного в мае 1972 года документа. С самого начала переговоров российская сторона заняла на редкость неконструктивную и непродуктивную позицию. Суть ее можно выразить одной фразой: «Договор по ПРО – краеугольный камень глобальной безопасности и иных точек зрения быть не может, поскольку не может быть никогда». Причем озвучивали данный тезис, что называется, по поводу и без него.

Вдобавок никаких компромиссов не предлагалось. Почувствовав это сразу, буквально по ходу обсуждения, американцы тут же поняли, что единственным разрешением проблемы ПРО для них будет односторонний выход из соглашения 1972 года. Что потом и произошло.

Кроме того, полагаю, что руководство Российской Федерации допустило еще одну очень крупную, даже можно сказать, фундаментальную ошибку. Дело в том, что равноправные договоры заключаются лишь при наличии военно-политического и военно-стратегического паритета (он же обеспечивает неукоснительное их выполнение). Это одно из главнейших условий любого переговорного процесса. Разговор на равных ведут только равные по силам и возможностям игроки.

А Россия на рубеже XX–XXI веков представляла собой лишь бледную тень распавшейся сверхдержавы – Советского Союза. Упрямство Москвы в сложившейся ситуации выглядело более чем неуместным. В качестве пролонгации Договора по ПРО самой разумной мерой для нас стал бы некий компромисс, более соответствующий новым реалиям. На практике же упрямство российских политиков привело лишь к досрочным похоронам заключенного в 1972 году соглашения и отсутствию в настоящее время каких бы то ни было документов международного характера по противоракетной обороне.

Сейчас, когда развернулись споры о будущей евроПРО, наблюдается некое повторение ситуации десятилетней давности. Голос специалистов вновь не слышен. Все, что звучит сегодня относительно этого вопроса, говорится людьми, очень далекими от сложных противоракетных проблем. Подается совершенно невообразимый «коктейль» военно-технической ереси, который абсолютно неприемлем в качестве платформы для каких-либо серьезных соглашений в сфере ПРО в дальнейшем.

Что полезно усвоить

Основные «ингредиенты» этой смеси – недопонимание плюс незнание сложностей построения систем противоракетной обороны. А в результате зачастую оглашаются просто военно-технические глупости.

1. Существует мнение (среди дилетантов, разумеется), что создать некую совместную с Европой (Соединенными Штатами) ПРО – задача вполне выполнимая. Это не более чем иллюзия (пожалуй, даже вредная).

Прежде всего, надо отметить: интеграция существующих и стоящих на вооружении систем технически невозможна, настолько они разные по своим схемным и инженерно-техническим решениям. Это очевидно любому специалисту. В одном из номеров «ВПК» я уже приводил в пример особенности функционирования только двух компонентов ПРО – синхронизации и передачи данных. Придется напомнить еще раз.

В частности, центральный синхронизатор уже снятой с вооружения в 1990 году системы ПРО А-35М представлял собой высокостабильный эталонный генератор, проверяемый по атомному и молекулярному стандартам частоты. Он предназначался для согласования во времени всех средств противоракетной обороны (без этого система попросту работать не сможет, и даже доли микросекунды – для ПРО это уже очень много). Аппаратура передачи данных АПД-35 должна была обеспечивать не более одной ошибки при передаче 108 импульсов по любому из каналов связи (стволу). И это, заметьте, технологический уровень 60-х годов.

То есть только засинхронизировать и создать аппаратуру передачи данных для двух систем ПРО разной национальной разработки не удастся по вполне объективным причинам. И непонятно, зачем это делать в принципе.

Если говорить о разработке совместной ПРО с нуля, то в данном случае речь следует вести о высочайшей степени научно-технической интеграции между участниками процесса создания подобной системы. В частности, необходимы (как минимум) общие генеральный конструктор, опытно-конструкторское бюро, научная и производственная база, научно-исследовательский полигон, серийные заводы, организации по строительству и вводу в строй объектов. Затем совместная эксплуатация. Это, заметьте, в самом общем виде.

На деле же система ПРО представляет собой гигантский технический комплекс. По степени сложности элементов и по масштабам их взаимодействия, по степени насыщенности самыми современными достижениями в большом числе научных проблемных направлений (радиолокация, физика, теория автоматического управления, теория передачи информации, ракетостроение и др.). Тут нужно потрудиться

сотням тысяч ученых, инженеров, техников, рабочих. Придется задействовать сотни предприятий.

Представить себе подобное взаимодействие и такую степень интеграции между Россией и Западом на практике... Извините, никак не поддается воображению, даже самому буйному.

Наконец, национальная ПРО, как правило, – сгусток самых передовых технологий и очень больших военных секретов. Никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не станет делиться этим даже с вернейшими союзниками. Здесь также уместно кое о чем напомнить: мы уже имеем опыт технологического сотрудничества с Западом. И он пока свидетельствует только об одном – Запад желает нас обнять и удушить в своих объятиях. Сильная Россия ему объективно вовсе ни к чему.

2. Совершенно неприемлемое условие, на мой взгляд, с российской стороны – требование от Запада юридически обязывающего документа, гарантирующего взаимную ненаправленность элементов ПРО. По логике вроде все правильно, но подобных соглашений никто с нами заключать не станет. Ибо даже при самых дружественных взаимоотношениях международная обстановка развивается непредсказуемо и неизвестно, что будет даже к концу 2011 года. Нежелание Брюсселя и Вашингтона подписывать с Москвой некий пакт о ненападении – очевидно, и возмущаться по этому поводу – напрасная трата сил и нервов.

3. Теперь о технических сторонах вопроса.

Начну с того, что систему противоракетной обороны на практике нельзя никуда направить. Сформулировать подобный тезис могли только люди, весьма далекие от основ построения ПРО (специалист и в бреду неспособен выдать ничего похожего). Можно, в частности, говорить о том, что некая система ПРО обладает определенной областью поражения баллистических целей (или сложных баллистических целей), которая является совокупностью зон поражения противоракет стрельбовых комплексов. Сама по себе система ПРО предназначена для прикрытия какого-либо важного объекта (критически важного участка территории). Ну попросту нельзя ее куда-то технически направить.

На практике режим работы системы ПРО – непрерывное боевое дежурство с переходом в боевую работу по сигналу «Тревога» от станций дальнего обнаружения (или по данным от собственного стрельбового радиолокатора). А когда начинается боевой цикл, выдается команда внешнего управления (может называться в различных системах по-разному), которая блокирует все тумблеры и переключатели на пультах управления боевого расчета. Это делается для того, чтобы расчеты

противоракетных комплексов не вмешивались в процесс боевой работы. Почему? Да просто процесс стрельбы чрезвычайно скоротечен, баланс располагаемого времени крайне мал, поэтому система ПРО в рамках боевого цикла функционирует исключительно в автоматическом режиме. И даже команды на старт противоракет выдает центральный вычислительный комплекс. Так что рассуждения о некоей «кнопке» – не более чем дебаты дилетантов.

Технически грамотно было бы говорить представителям НАТО (США): «Вы уж там, господа, как-нибудь решите проблему радиолокационной селекции баллистических целей, чтобы отличать наши боеголовки от иранских или северокорейских». И уж уверяю вас, шутники от евроПРО обязательно скажут в ответ: «Да запросто, только вы оснастите свои боеголовки совместимыми с нами радиолокационными системами запроса и ответа «свой-чужой». Мы и распознаем их без труда, и даже выдадим команду на запрет пуска своим системам ПРО, если они будут для нас классифицироваться как «пролетающая цель».

4. Остановимся на российской инициативе о создании вместе с НАТО так называемой секторальной системы ПРО, суть которой сводится к тому, чтобы «прикрывать» друг друга в рамках ответственности своего сектора. Один наш высокопоставленный дипломат (заметьте, опять дипломат) заявил: «Москва готова сбить любую болванку, которая полетит в направлении Европы через нашу территорию или наш сектор ответственности. То есть буквально защищать страны, расположенные западнее России. В равной степени НАТО должно взять на себя аналогичные обязательства по своему сектору или секторам, которые будут прикрывать входящие в альянс страны: если кто-то вздумает ударить по нам через Европу, все, что полетит, должно быть сбито американцами или натовцами».

С точки зрения научно-технических сказок все безупречно. А на практике – чушь. Что дало основания представителю МИДа утверждать, что «Москва готова сбить любую болванку, которая полетит в направлении Европы», непонятно. Чиновник со Смоленской-Сенной на деле демонстрирует полное незнание возможностей отечественной системы ПРО А-135. Другой у нас пока нет (напомню, кстати, что это единственная боедежурящая система в мире). А она располагает только противоракетами атмосферного (или ближнего) перехвата типа ПРС-1. Подобная ракета уверенно поражает баллистические цели в диапазоне высот 5—45 километров и дальностей 10–50 километров. Да и то – угол входа баллистической цели в зону поражения ПРК А-135 должен быть

достаточно острый. Поскольку противоракетные комплексы А-135 находятся в непосредственной близости от МКАД, эта система предназначена только для прикрытия столицы нашей Родины. До пролетающей баллистической цели (или как там выразился вышеупомянутый дипломат – «болванки») система А-135 без ракеты заатмосферного перехвата попросту не достанет. Да и не по «болванке» придется стрелять современным ПРК, а по сложной баллистической цели. После разведения это целая «колбаса», состоящая из собственно боевых блоков, ложных целей, дипольных отражателей, передатчиков помех, майларовых шаров и пр. Задача селекции тут наиважнейшая.

Любопытно, кто все-таки вложил в уста высокопоставленного дипломата идею «секторальной ПРО»? Во всяком случае не специалист. Да надо сказать, тут даже и бывшие военные не отстают (но опять-таки заметим – не специалисты в сфере ПРО). В частности, один высказался следующим образом: «Секторальный характер подразумевает, что система разведки и информирования будет общая, а зона ответственности у каждого своя. И решение о применении своих ударных систем каждый сектор принимает самостоятельно. Для России таким сектором может быть пространство СНГ, где общая система ПВО может переродиться в систему ПРО».

К большому прискорбию приходится и тут лишь развести руками. Помимо «секторальности» достаточно произнести фразу – «система разведки и информирования будет общая», и сразу ясно: вы, батенька, весьма далеки от понимания сущности построения систем ПРО. И лично для меня глубочайшая военно-техническая загадка – как общая система ПВО СНГ может переродиться в систему ПРО. Метаморфоза что ли какая произойдет?

В качестве выводов

Следующая встреча лидеров государств – членов Североатлантического альянса и России состоится в Америке. «Я надеюсь, что все мы встретимся менее чем через год на саммите НАТО в Чикаго и сможем договориться по решению в области ПРО», – заявил генсек альянса Андерс Фог Расмуссен. Ну а что он еще мог сказать из вежливости? К тому времени Москве надо занять как минимум реалистичную позицию, выработанную с учетом мнения специалистов в сфере противоракетной обороны, а не представителей всего лишь одного ведомства, давным-давно и прочно оседлавших эту тему.

Надо решительно отказаться от генерации военно-политической и

военно-технической ереси. Следует с предельной четкостью уяснить, что никакого присоединения России к программе единой системы ПРО Североатлантического альянса нашими партнерами не предусматривается. НАТО по-прежнему настаивает на сосуществовании двух отдельных систем. Не следует забывать, что вне зависимости от того, как идут консультации по противоракетной обороне, американцы времени зря не теряют и действуют уже по собственному, давно утвержденному плану.

Нужно всегда помнить: в межгосударственных отношениях кто дерзок и вооружен, тот и прав. И необходимо вкладываться и вкладываться в собственные разработки противоракетной обороны. А на предложения поучаствовать в какой-нибудь очередной евробайде следует, наверное, отвечать голосом Евгения Евстигнеева из кинофильма «Берегись автомобиля»: «Ах, оставьте, перерыв».

Противоракетная оборона для чайников

Когда-нибудь этому периоду в истории развития страны (1990–2000 гг.) дадут наименование «Эпоха махрового непрофессионализма». Это было время, когда гинекологи руководили внешней политикой, кардиологи – сельским хозяйством, а важнейшими вопросами военного строительства занимались женщины из налоговой службы во главе с Главленмебельторгом.

Последствия для любой из сфер, куда вторгались «эффективные менеджеры», как правило, были самыми губительными. Иногда просто ужасающими и катастрофичными. Не обошло это моровое поветрие и противоракетную оборону.

В этой связи я расскажу небольшую историю.

В конце 1990-х гг. я был командирован от Главного оперативного управления Генерального штаба на заседание рабочей группы по вопросам ПРО, которое проходило в здании МИДа на Смоленско-Сенной, 32. Состав рабочей группы откровенно удивил меня. Это были, что называется, карьерные дипломаты. Кроме меня, никто никогда и ни при каких обстоятельствах из присутствующих не имел отношения к вопросам планирования, боевого применения и эксплуатации систем ПРО.

Вопрос, который стоял в повестке заседания рабочей группы – пролонгация Договора по ПРО 1972 года.

Исключительно по неосторожности и глупости на первых минутах заседания рабочей группы я ляпнул: «А типа что вы тут будете разрабатывать, если из вас, простите, никто и ни хрена в вопросах ПРО?».

Что тут началось! Старший группы сказал, что если я не заткнусь, то о моем дерзком поведении будет немедленно доложено начальнику Генерального штаба.

Я сразу затих.

Один из дипломатов обиженно сказал мне: *«Да я одиннадцать раундов переговоров по ПРО в Женеве выдержал!»*.

Про себя я подумал: «Попробовал бы ты, сынок, выдержать хотя бы один «раунд» переговоров по ПРО зимой в Сарышагане. На пятом году существования полигона без центрального отопления. В Женеве-то любой дурак и 110 раундов высидит».

Но озвучивать эту убийственную для себя мысль, естественно, не стал. И до конца заседания рабочей группы рта уже не открывал. Подумал –

целее буду.

И все равно дипломаты меня не слышат.

Однако уже тогда, именно в те минуты заседания рабочей группы мне стало пронзительно ясно, чем закончатся с США переговоры по Договору по ПРО 1972 года. Отечественные дипломаты уперлись лбами всего лишь только в одну формулировку – «Договор по ПРО 1972 г. – краеугольный камень мировой стабильности и глобальной безопасности».

Однако, как известно, договоры подписываются и соблюдаются при равенстве (паритете) возможностей сторон. С политическими и военными труппами никто никаких договоров никогда не подписывает. И тем более их не соблюдает.

А возможность для компромисса по ПРО в начале 2000-х гг., по единодушным оценкам настоящих экспертов, была. Не надо было только рогом упираться в одну-единственную формулировку.

Но присмотритесь в любому симпозиуму, конференции, заседанию, переговорам по вопросам ПРО. Кто там главные специалисты? Правильно, дипломаты, политологи, экономисты, юристы и пр.

Упорно складывается впечатление, что в МГИМО открылся противоракетный факультет и там созданы кафедры радиолокации, теории электромагнитного поля и техники сверхвысоких частот, радиоприемных и радиопередающих устройств, теории автоматического управления и регулирования, антенных устройств и распространения радиоволн.

Наверное, в стенах МГИМО уже образовалось «Общество любителей уравнений Максвелла», «Клуб ротор ротора вектора Ze » (там, надо полагать, уединяются только истинные поклонники теории электромагнитного поля), усиленно и плодотворно заседает «Секция двойного волноводного тройника».

Вот, к примеру, недавно на федеральном телеканале представили одного из руководителей военного ведомства как крупнейшего специалиста в сфере ПРО. А он выпускник МГИМО. Надо полагать, он и закончил этот противоракетный факультет и факультативно занимался в «Обществе любителей уравнений Максвелла».

Есть мнение, что людям, ведущим переговоры по ПРО, теорию и практику, относящуюся к вопросам ПРО, знать вовсе ни к чему. Они – типа эффективные «переговорщики» – и этим все сказано. Какой, бляхен-мухен, дурак, интересно, придумал это слово – «переговорщик».

Однако обратимся к примерам.

Вот, в частности, не так давно усиленно и интенсивно, на всех уровнях обсуждалась тема совместной эксплуатации Габалинской РЛС. Открытым

текстом говорю (у Вассермана позаимствовал формулировку) – эта идея не могла родиться в голове специалиста. Она могла возникнуть только в мозгах дипломатов-юристов-политологов. И объясню почему.

Предположим, стороны договорились о совместной эксплуатации Габалинской РЛС. Сразу возникает вопрос – как, в какой форме и куда передавать данные с Габалинской РЛС другой стороне. Ведь не заберешишься же на КИЦ (командно-измерительный центр) и не начнешь махать флажками в сторону НАТО, СЕНТО и СЕАТО (и даже обато). Типа – примите информацию, передаю голосом. С Габалы надо будет тянуть кабель длиной несколько тысяч километров. Или строить широкополосную радиорелейную линию с ретрансляторами через каждые несколько десятков километров (в силу кривизны земной поверхности).

Предположим, построили, вбухав при этом явно не меньше средств, чем в сооружение самой станции.

Теперь надо решать следующий вопрос. Ведь информация от Габалы будет передаваться в принятых в России стандартах. С НАТО, СЕНТО и СЕАТО (и даже обато) это никак не сопрягается. Это значит, надо будет создавать какой-то комплекс сопряжения. Он будет нашу информацию преобразовывать, адаптируя к стандартам, принятым на Западе.

Предположим, решили и эту техническую задачу (весьма сложную, заметим). Но никто же до этого даже не поинтересовался – а нужна ли эта информация американцам (и европейцам) в принципе? А ведь и не нужна на самом деле. Ни по большому счету, ни по маленькому. У американцев есть своя СПРЯУ – система предупреждения о ракетно-ядерном ударе. Она имеет глобальный характер, несколько эшелонов и успешно решает свои задачи в любом уголке Земли.

Так зачем же возле вопроса о совместной эксплуатации была поднята такая буча? И сломано столько копий, если вопрос заведомо не имел положительного решения? И как мы сами легко отказались от этой Габалы, когда Азербайджан заломил непомерно высокую цену за аренду станции.

А в эту трясину ведь затащили даже первых лиц государства.

Я думаю, это произошло только от незнания элементарных принципов построения системы ПРН и СККП. Ведь политологи и юристы, видимо, не подозревают, в частности, что Габала – это всего лишь щупалец осьминога. А голова, глаза, головной мозг этого осьминога находятся в Солнечногорске. Что самостоятельным элементом любой системы ПРО, ПРН, СККП является система передачи данных (СПД). И технические требования к ней весьма высоки.

Для справки, всего одна микросекунда в радиолокации – 150 метров

по дальности. Для ПРО это уже – весьма существенная цифра.

А если бы знали все это (или хотя бы малую часть) – то не мололи бы чепухи о совместной эксплуатации Габалинской РЛС. Но ведь трындели же, и долгими месяцами. Поэтому предметом надо владеть – и никаких других мнений.

Или сидят уважаемые господа и обсуждают вопрос эксплуатации совместной с Западом системы ПРО. Хотя с самого начала и не специалисту ясно, что никакой совместной системы ПРО быть не может просто по определению. И всего лишь по одной простой причине. ПРО – это сгусток передовых технологий. Самый что ни на есть передний край развития науки и техники, говоря банально-пафосными словами. Никто, никогда и ни при каких обстоятельствах этими самыми технологиями делиться с «партнерами» не будет. Ибо это есть предательство национальных интересов.

А политологи заумно обсуждают вопрос, кому будет принадлежать «кнопка». Да нет, ребята, никакой кнопки «пуск» в системах ПРО. ПРО – это полностью автоматическая система. В боевом режиме функционирует без участия человека-оператора (а по-другому и нельзя, когда скорости сближения противоракеты и цели более семи километров в секунду). В системе А-35М была даже команда, которая блокировала все тумблеры, кнопки и переключатели системы во время боевого цикла, чтобы исключить любое вмешательство человека в боевом режиме. А команду на пуск противоракеты дает цифровой вычислительный комплекс.

А сколько копий сломано вокруг так называемой «ненаправленности»? А между тем система ПРО – это не пушка и не винтовка. Она никуда не направлена, а работает «вкруговую». И предназначена для обороны участка местности, на котором размещены важные объекты (к примеру, пункты высших звеньев управления, административно-политические центры и т. п.).

А сколько дипломатов-юристов-экономистов разбило себе лбы с требованиями добиться от США «гарантии неприменения системы ПРО» против России.

Теперь давайте упростим ситуацию. И попытаемся понять, какие тут могут быть гарантии. Хотя для начала надо сразу сказать – США никому и никогда не дадут в этой сфере каких-либо гарантий. И было бы очень наивным ожидать подобного результата.

Но все же представим себе.

Над территорией Европы развернулось противоракетное сражение. Вооруженная борьба началась между НАТО и государствами Ближнего/

Среднего/Дальнего Востока, обладающими ракетными технологиями и соответствующими вооружениями.

Россия – не участник конфликта. Стало быть, и гарантий никаких не надо.

Ведь не может же быть такой фантазмагорической ситуации, когда в этом гипотетическом конфликте Восток-Запад над европейским континентом откуда-то возникла стая российских ракет куда-то пролетающих по своим делам. И их американским/европейским системам ПРО сбивать нельзя в силу ранее данных обязательств.

Следующая ситуация.

Россия – участник конфликта. Тогда какие могут быть гарантии? Непонятно.

Вот как при таких исходных данных можно добиться какого-то позитивного результата в переговорах по ПРО? Да никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах. Можно добиться только одного – полной потери военно-политического лица. Что с завидной регулярностью и происходит. Весь этот договорный процесс в сфере контроля и сокращения вооружений ни разу еще не дал нашей стране хоть какого-то позитивного результата. Абсолютно ничего, кроме утрат и позора.

Перечислим хотя бы некоторые вехи процесса.

ДОВСЕ образца 1990 года. Когда подписали, сами ужаснулись – как такую хрень вообще можно было подписывать. Почему же так вышло? В ходе работы над документом в Париж посылали не специалистов, а в качестве поощрения нужных людей. Это же были советские времена, когда зарубежная командировка приравнивалась к ордену. Поэтому и ездили не эксперты, а разного рода жулики и придурки – до политработников включительно. А когда подписали – самым смешно стало.

Договор РСМД. Глупость пополам с предательством национальных интересов. Хотя слово «глупость» здесь, наверное, слишком мягкое. Военно-политический идиотизм – это будет точнее.

Договоры СНВ. Ничего, кроме вреда.

Мораторий на испытания ядерного оружия? Опять же военно-политическая глупость. И долговременный вред.

Возникает вопрос – что делать?

А вот что.

1. Прекратить все переговоры по тематике ПРО. Завершить этот процесс, нулевой результат которого виден уже сейчас. И развивать национальные системы.

2. Прекратить все консультации и переговоры по СНВ. Завершить этот

процесс раз и навсегда. Или на исторически обозримый срок. Не менее 50–75 лет.

3. Выйти из договора по РСМД. В одностороннем порядке. И возобновить производство этих систем, крайне нужных для обеспечения национальной безопасности России.

4. Выйти из моратория на испытания ядерного оружия.

Вот так. А как иначе-то?

Глава 3

Оборонно-промышленный комплекс

Столпы нашего моторостроения

интервью телеканалу «Красная линия»

Таковыми по-прежнему являются разработки советского периода – авиадвигатели АЛ-31Ф и ТВЗ-117

В мире не так много предприятий, производящих современные авиационные двигатели для истребителей и гражданские двигатели в классе тяги от 10 тонн. Ведущие игроки здесь «Пратт энд Уитни», «Роллс-Ройс», «Дженерал электрик», «Снекма». Сюда также можно отнести «Евроджет», занимающийся производством двигателей для «Еврофайтера». В России созданием и производством авиадвигателей монопольно занимается ОДК – Объединенная двигателестроительная корпорация. О проблемах отечественного двигателестроения и пойдет речь в предлагаемом вниманию читателей материале.

В отличие от ОАК Объединенная двигателестроительная корпорация интегрировала всю отрасль практически без остатка. Никаких серьезных двигателей за пределами ОДК нет. Иными словами, никакие значимые отраслевые программы без участия ОДК сегодня невозможны в принципе.

ОДК проникла даже в сферу космических двигателей. В частности, она поглотила ОАО «Кузнецов» (Самара), которое входит в число предприятий не только авиационного, но и космического двигателестроения. «Кузнецов» – это ракетные двигатели НК-33, РД-107А, РД-108А и авиационные двигатели НК-12МП, НК-25, НК-32. То есть без всякого преувеличения ОДК и в Самаре полноценная хозяйка, что показала недавняя кадровая чехарда на «кузнецовской» фирме, трудно объяснимая с точки зрения логики и здравого смысла.

В российском двигателестроении в настоящее время сломана прежняя структура, позволившая сохранить отрасль в труднейшие 90-е годы. Эти институты несли в себе колоссальный опыт выживания. Их реформирование, с одной стороны, назрело. Но с другой – очень легко потерять уникальный опыт. И это существенный фактор риска при нынешнем реформировании. Сегодня ОДК базируется на бюджетном финансировании. Да и само создание корпорации без государственного участия было бы невозможно. Сегодня оно остро необходимо, и это, наверное, хорошо. Но сумеет ли ОДК выжить, если государственное

финансирование будет не наращиваться, а даже уменьшаться? Вопрос, что называется, открытый.

В настоящее время создается новая структура отрасли. Говорить о жизнестойкости, пока идут многочисленные структурно-кадровые перестройки, сложно. Нужно время, чтобы определить работоспособность новых органов и предприятий.

Сегодня в ОДК формируется классическая иерархическая структура с большим количеством разного рода управленческих надстроек. В частности, Ростех (куда входит ОДК) является в данном случае холдинговой структурой 1-го уровня, «Оборонпром» – холдинговая структура 2-го уровня, собственно ОДК – холдинговая структура 3-го уровня.

Не будет большим преувеличением сказать, что во всех трех структурах отрабатываются только схемы движения денег. Именно там расположены многочисленные «трубопроводы», по которым перемещается денежная масса, а также бессчетные вентили и задвижки, служащие для направления средств в ту или иную сторону. При этом начальники вентилей, задвижек и клапанов (на два, три и более положений) в полном шоколаде, а для холдинговых структур в целом характерны самые дорогие шале на выставках вооружения и военной техники, автомобили представительского класса, в которых восседают ладные хлопцы в костюмах от ведущих домов моды, а также прочие осязаемые атрибуты благополучия.

Ниже ОДК – непосредственно предприятия. Во всяком случае так планировалось изначально. Но в ходе многочисленных структурных перестроек и подвижек, характеризующихся по меньшей мере организационным восторгом, в рамках собственно ОДК вводится еще одна управленческая структура – дивизионы. Вполне возможно, что, помимо финансовых потоков, там будут присутствовать и какие-либо производственные функции. В частности, созданы дивизион авиадвигателей гражданского назначения и дивизион военных двигателей, причем экспертам сразу заметна некоторая условность этого разделения.

Поскольку современные российские холдинговые структуры часто представляют собой некое собрание людей с неизвестными компетенциями, подобранных по принципам личной преданности и кровного родства, то нетрудно спрогнозировать, что и на новом управленческом уровне – дивизионов ОДК – будут примерно такие же кадры.

Если присмотреться ко всем трем этажам управленческой иерархии, то

нетрудно заметить, что ни один из них не является на деле создателем двигателей. Их моральное право заниматься этим ни на чем не базируется. По сути дела и в настоящее время продолжается формирование некоего управленческого аппарата. Насколько продуктивен будет этот процесс в деле создания современных двигателей – вопрос тоже пока открытый.

Когда мы говорим об авиационном двигателестроении в России, то подразумеваем двигателестроение в России и на Украине. По большому счету по отдельности они не существуют. Это, кто бы и что ни говорил, единый комплекс. Имеющаяся программа импортозамещения дает некий шанс на создание самостоятельного двигателестроительного комплекса в России, но этим шансом надо еще суметь воспользоваться. С точки зрения национальной безопасности двигателестроительная автаркия, видимо, оправданна. Но с точки зрения экономики и технологий это движение в противоположном направлении с учетом мировых тенденций. «Большая тройка» – «Пратт энд Уитни», «Роллс-Ройс», «Дженерал электрик» – на самом деле на мировом рынке в некоторых проектах представлена в виде различных альянсов, что повышает конкурентоспособность продукции в условиях очень жесткого соперничества.

Хватит ли у России ресурсов – финансовых, технологических, кадровых, чтобы решить задачу создания необходимой линейки двигателей, покрывающих все потребности самолето– и вертолетостроения, – вопрос весьма сложный. Попробуем упрощенно (в виде таблицы) изобразить состояние российского авиационного двигателестроения на современном этапе его развития.

Самолеты и двигатели

Стратегические бомбардировщики

Сегодня – двигатель НК-32.

Сегодня – ранее прекращенное производство возобновлено.
Совершенствование конструкции.

Завтра – совершенствование двигателя для ПАК ДА.

Тяжелые истребители

Сегодня – двигатели АЛ-31, 117С.

Завтра – изделие 30.

Легкие истребители

Сегодня – РД-33МК.

Завтра – нет двигателя.

Магистральные пассажирские самолеты. Средний/тяжелый самолет ВТА

Сегодня – ПС-90А. Двигатель бесперспективный.

Завтра – ПД-14.

Легкий самолет ВТА. Легкий пассажирский

Сегодня – нет двигателя.

Завтра – ТВ7-117. Устарел до рождения.

Региональный реактивный

Сегодня – Д-436 (Запорожье, Украина), SaM146 (Франция).

Завтра – нет двигателя.

Самолет в классе «9-20 мест»

Сегодня – серийного конкурентноспособного двигателя нет.

Завтра – двигателя нет.

Тяжелые вертолеты

Сегодня – Д-136 (Украина, Запорожье).

Завтра – двигателя нет, создание в короткие сроки нереально.

Средние вертолеты

Сегодня – ТВ3177 (с модификациями, Украина, Запорожье).
Завтра – ВК-2500 (Россия).

Средние вертолеты класса Ми-38
Сегодня – ТВ7-117. Устарел до рождения.
Завтра – ТВ7-117. Устарел до рождения.

Легкий вертолет
Сегодня – серийного конкурентноспособного двигателя нет.
Завтра – двигателя нет.

То есть вызовы просто огромны. Всю эту таблицу заполнить самим, собственными силами вряд ли удастся. И это обстоятельство невольно поднимает тему кооперации. Возникает вопрос: с кем? Китай сегодня еще не вышел на тот уровень, при котором он может быть источником технологий. А как источник ресурсов Пекин тоже не хочет работать, поскольку у него есть возможности тем или иным способом добывать технологии двигателестроения на Западе. Кое-какие варианты, наверное, возможны. Но не без издержек.

На сегодня в российском авиационном двигателестроении есть всего две курицы, несущие золотые яйца. Во-первых, это семейство авиадвигателей АЛ-31, которыми комплектуется линейка самолетов Су-27 – Су-30. Во-вторых, двигатель для вертолетов ТВ3-117 и его многочисленные вариации. Все остальное несравнимо по оборотам и неприбыльно. Для начала остановимся на авиадвигателях.

АЛ-31 и другие

Напомним, АЛ-31 – это серия авиационных высокотемпературных турбореактивных двухконтурных двигателей с форсажными камерами, разработанная под руководством А. М. Люльки в НПО «Сатурн». С 1981 года двигатели АЛ-31 производятся на УМПО (Уфа) и ММПП «Салют» (Москва). С 2013-го двигатель собирается в рамках дивизиона ОДК «Двигатели для боевой авиации», за горячую часть отвечает «Салют», за холодную и сборку – УМПО, ОМО. Как бизнес-структура УМПО лучше «Салюта».

ОАО «Уфимское моторостроительное производственное объединение» – инновационное предприятие, осуществляющее разработку, производство и послепродажное обслуживание газотурбинных двигателей для военной авиации. Почему УМПО весьма хорошо развивается?

Объяснить это можно во многом тем, что УМПО долгое время было частным предприятием. И для него во многом характерен дух почина, новаторства. ОАО «УМПО» серийно выпускает турбореактивные двигатели для самолетов семейства Су-35С (изделие 117С), Су-27 (АЛ-31Ф), семейства Су-30 (АЛ-31Ф и АЛ-31ФП), семейства Су-25 (Р-95Ш), технические узлы на вертолеты Ка и Ми. Объединение является головным предприятием дивизиона «Двигатели для боевой авиации».

Есть и некие объективные причины для лидерства УМПО. В частности, в Москве развивать двигателестроение, извините, просто смешно. Ибо рабочих в Первопрестольную надо завозить каким-либо способом организованного набора.

Перспективы в этом сегменте двигателестроения есть. Во многом они связаны с растущим ГОЗ. Действительно, он увеличивается с каждым годом. Но уже не генерирует такую прибыль, как экспорт в прежние времена.

Есть еще двигатель 117С – турбореактивный двухконтурный форсажный с управляемым вектором тяги (является глубокой тягово-ресурсной модернизацией двигателя АЛ-31ФП). Двигатель 117С создан НПО «Сатурн» (НТЦ им. Архипа Люльки) для многофункционального истребителя Су-35 разработки АХК «Сухой». По своим геометрическим параметрам и местам крепления на самолете двигатель 117С соответствует своим предшественникам – АЛ-31Ф и АЛ-31ФП. Это дает возможность при незначительной доработке мотогондолы и оборудования использовать двигатель 117С для модернизации парка ранее изготовленных самолетов типа Су-27/Су-30 в интересах ВВС РФ и иностранных государств. Специалистами двигатель 117С расценивается как промежуточный, в перспективе – 5-го поколения.

Будет неправильным не сказать несколько слов о двигателе РД-33. Он устанавливается на всех модификациях всемирно известного, проверенного в боевых условиях истребителя МиГ-29 (в настоящее время эксплуатируется в 29 странах мира). Двигатель имеет высокое отношение тяги к массе, низкий удельный расход топлива, высокую газодинамическую устойчивость во всем диапазоне режимов работы, высот и скоростей полета, в том числе при применении ракетного и пушечного вооружения. В результате совершенствования конструкции в ходе длительной эксплуатации нескольких тысяч двигателей надежность последних модификаций соответствует мировым стандартам. В настоящее время выпускаются двигатели РД-33 трех модификаций: серии 2, серии 3, а также обновленный РД-33МК для истребителей МиГ-29К/КУБ и его

производных.

Те двигатели, которые производятся для фирмы «МиГ» на Московском машиностроительном предприятии имени В. В. Чернышева, будут выпускаться частично на УМПО, частично в Омском моторостроительном объединении имени Баранова (входит в НПЦ газотурбостроения «Салют»).

Развитие этого семейства двигателей (с тягой до 10 тонн) под большим вопросом. Для них попросту нет самолетов. РД-33 появился как двигатель для легкого истребителя 4-го поколения. Будет ли в России самолет в этой нише – большой вопрос. И если даже будет, то вовсе не факт, что для него разработают новый десятитонник. Таким образом, эта ниша отечественного двигателестроения сегодня еще способна приносить доходы, но в принципе ведет в тупик.

Основная нынешняя проблема для этого дивизиона – растущая зависимость от ГОЗ и относительно низкая в сравнении с предыдущими годами прибыльность. Имеющийся задел, отчетливая рыночная ниша, но относительно узкая и недиверсифицированная, на сегодня – фактор риска для этого двигателя.

В мире промышленного производства двигателей моторов только для военной авиации нет, это вопрос технологий. Но в ноябре 2012 года ОАО «ОДК» принято решение о создании дивизиона гражданских авиационных двигателей, в рамках которого ОАО «НПО «Сатурн» переданы полномочия на управление ОАО «Авиадвигатель» и ОАО «ПМЗ».

ОАО «Авиадвигатель» – разработчик авиадвигателей для современных самолетов Ил-96, Ту-204, Ту-214, Ил-76МФ и др., газотурбинных установок для энергетики и газоперекачки, поставщик газотурбинных электростанций.

ОАО «Пермский моторный завод» сориентировано на серийное производство авиадвигателей для гражданской и военной авиации, промышленных газотурбинных установок для электростанций и транспортировки газа.

Поскольку в рамках ОДК сформированы два дивизиона, то возникает необходимость трансфера технологий уже внутри ОДК. Это даже некий вызов для ОДК – сможет ли она на него ответить без излишних внутренних потрясений и кадрово-структурных напряжений.

ТВЗ-117 и другие

Вторая курица, несущая в отрасли золотые яйца, – вертолетные двигатели ряда ТВЗ-117. Напомним, ТВЗ-117 – это семейство авиационных турбовальных двигателей, разработанных в 1965–1972 годах в ОКБ имени

В. Я. Климова под руководством С. П. Изотова и С. В. Люневича. Двигатель выпускается серийно с 1972 года на ЗПОМ «Моторостроитель» (ныне ПАО «Мотор Сич», Запорожье, Украина). С момента создания было выпущено более 25 000 ТВЗ-117 различных модификаций. Особо подчеркнем, что это один из самых надежных авиационных двигателей в мире. Ниша, надо прямо сказать, огромна. Это бизнес мирового класса, который на среднесрочную перспективу полностью обеспечен заказами. Это и рынок двигателей, и рынок их ремонта.

Проблема здесь следующая. Эта ниша до недавнего времени была полностью захвачена АО «Мотор Сич», которое является одним из ведущих предприятий в мире по выпуску авиационных двигателей для самолетов и вертолетов, а также промышленных газотурбинных установок. «Мотор Сич» – динамичное частное предприятие, фактически принадлежащее генеральному директору Вячеславу Богуслаеву.

Исходный двигатель разработан в Ленинграде на Климовской фирме. Структура интеллектуальной собственности по этому двигателю крайне запутана. В настоящее время ОАО «Климов» – ведущий российский разработчик газотурбинных двигателей. К вертолетным двигателям этого предприятия относятся ВК-2500 и ВК-2500П.

Турбовальный двигатель ВК-2500 предназначен для модернизации средних вертолетов Ми-8МТ/Ми-17, Ми-24, Ми-14, Ка-32, Ка-50, Ми-28 и др. Он является дальнейшим развитием двигателей семейства ТВЗ-117 и отличается от базового ТВЗ-117ВМА повышенными на 15–20 процентов характеристиками по мощности, введением новой цифровой системы автоматического регулирования и контроля типа FADEC, а также увеличенным ресурсом. В 2000–2001 годах двигатель завершил сертификационные и государственные стендовые испытания.

Турбовальный двигатель ВК-2500П (ПС) предназначен для модернизации средних вертолетов Ми-28Н, Ка-52, Ми-24/35, Ми-8МТ/Ми-17 и их модификаций. ВК-2500П (ПС) являются дальнейшими модификациями семейства в классе мощности 2000–2500 лошадиных сил. Разработка ВК-2500П (ПС) началась в 2011 году. После завершения госиспытаний и получения сертификата типа двигатель будет запущен в серийное производство.

Однако самые современные модификации ТВЗ-117 производятся в Запорожье. И первенство «Мотор Сич» очевидно. ВК-2500 менее совершенен. Пока он создавался, хитрые запорожцы не спали и выкатили более продвинутой версии. К таковой, несомненно, относится двигатель ТВЗ-117ВМА-СБМ1В. Он прошел полный цикл государственных

испытаний и получил международный сертификат типа СТ267-АМД, который председатель Межгосударственного авиационного комитета Татьяна Анодина лично вручила председателю совета директоров «Мотор Сич» Вячеславу Богуслаеву. Украинский двигатель отвечает самым жестким международным требованиям, безотказен в условиях высокогорья, а значит, разреженности воздуха и перепадов высоких-низких температур.

ОАО «Климов» делает 50 двигателей в год, а чтобы стать ведущим игроком на своем рынке, надо выдавать по меньшей мере 400–500. Здесь Россия упирается в очень большие технологические и кадровые риски. Чтобы нарастить производство в десять раз, требуются инвестиции просто гигантского масштаба, инженерно-технический состав, база сбыта. А между тем Вячеслав Богуслаев прочно окопался по всему миру. У него все давно сложилось и схвачено. Но непредсказуемая политическая ситуация на Украине может сыграть и на руку ОАО «Климов».

А «Мотор Сич» пока крепко держит пальцы на горле российского самолето– и вертолетостроения. Достаточно только перечислить линейку производимых запорожцами двигателей. В частности, это:

двигатель Д-136/Д-136 серии 1 – предназначен для самых грузоподъемных в мире транспортных вертолетов Ми-26 и Ми-26Т;

двигатель Д-436-148 – предназначен для установки на самолетах семейства Ан-148 региональных и магистральных авиалиний протяженностью до 7000 километров. Является очередной модификацией двигателей Д-436Т1, устанавливаемых на пассажирские самолеты Ту-334;

Д-436ТП – предназначен для многоцелевого самолета-амфибии Бе-200;

Д-18Т – применяется на транспортных самолетах Ан-124, Ан-124-100 «Руслан»;

Д-36 серий 1, 2А, 3А. Двигатели Д-36 серии 1 устанавливаются на пассажирские лайнеры Як-42, а Д-36 серий 2А и 3А – на транспортные Ан-72 и Ан-74;

Д-36 серии 4А предназначен для самолета Ан-74ТК-300.

Проблемы гражданского дивизиона

Остановимся на некоторых проблемах гражданских двигателей, хотя всякое разделение на двигатель гражданский и военный, как уже сказано выше, очень условно. Для начала несколько слов о программе ПС-90А (Пермь). Сегодня она не генерирует прибыль в той мере, в которой от нее этого ожидали. Двигатель слабо конкурентоспособен. Тем не менее надо заметить, что эта программа сама по себе не умрет в ближайшее время. Самолеты летают, двигатели требуются. Но большого будущего у ПС-90А, похоже, нет.

Сегодня единственная перспективная программа внутри гражданского дивизиона – двигатель ПД-14, который пойдет на МС-21 и на какие-то новые конструкции. Но она еще долго не будет приносить прибыли и требует значительных финансовых и материальных вложений.

Отдельно следует сказать про совместный российско-французский перспективный двигатель SaM-146 с тягой 7–8 тонн. В наше турбулентное время он может легко попасть под различного рода санкции. Причем самое сложное в этом двигателе делает французская SnecmaMoteurs, а Рыбинск по сути дела жарит при этом котлеты. Как выходить из этой ситуации, не очень понятно.

Гражданский дивизион формируется на базе рыбинского «Сатурна». А так сложилось исторически, что основные силы – интеллектуальные и производственные – были сконцентрированы в Перми. Причем пермяков-двигателистов сегодня заставляют работать фактически за еду, а сбыт продукции отнесен к компетенции Рыбинска, что само по себе служит поводом для внутриведомственных напряжений и разборок. А Рыбинск ведь на протяжении долгих десятилетий всегда был на подхвате у Перми. Эту проблему пытались решить разными способами – и силовыми, и компромиссами. Но Рыбинск побеждает, причем по причинам, очень далеким от успехов в создании современных двигателей.

Какие на сегодня самые проблемные точки в гражданском дивизионе? К таковым следует отнести создание двигателя в 3–3,5 тысячи лошадиных сил для военно-транспортного самолета Ил-112. Надо как-то избавляться от украинской зависимости, связанной с двигателем Д-436, которым комплектуется российский Бе-200 (и Ан-148 тоже). Есть многочисленные проблемы по вертолетным двигателям – и малой мощности, и очень большой (Д-136 для Ми-26 – опять же украинская разработка). Проблема

тут заключается в том, что требуются очень большие инвестиции при абсолютно негарантированном рынке сбыта.

Учитывая сложность изделия, рынок должен быть не менее тысячи штук в год, чтобы хоть как-то отбить вложенные деньги. Чисто российские ниши этого не обеспечат при самом большом воображении. Скажем, Минобороны закажет 100 самолетов Ил-112. Это 200–300 двигателей. А что дальше делать с двигателем этого типа?

За рубежом серийность – тысячи двигателей. Логика при этом весьма простая: потратить на разработку двигателя один миллиард долларов, а потом продавать его, скажем, тысячами за один миллион штука. И таким образом окупать затраты. А вот при маленькой серийности стоимость НИОКР будет огромна. При крупной серийности и на НИОКР можно выделять большие деньги при меньших рисках. Поэтому КБ и предприятия с небольшой серийностью всегда будут в аутсайдерах в сфере создания современных авиадвигателей.

Проблема носит глобальный характер. Даже США не могут позволить себе производить весь требуемый ряд двигателей для своей авиации. Поэтому проблема импортозамещения тут очень болезненна. Надо прямо сказать, что Россия – слишком маленькая страна для двигателей. И без выхода на мировой рынок здесь ничего кардинально не решить.

При этом существует ряд системных вызовов. В частности, на создание современного двигателя требуется не менее 10 лет при абсолютно негарантированном успехе замысла. Технологически двигатель куда сложнее самолета. Как шутят разработчики, самолет – весьма примитивное приспособление для полета двигателя. Скажем иначе: если ты играешь в лотерею с двигателем, шансов на успех практически нет. Если с самолетом это еще как-то может пройти, то с двигателем – ни при каких обстоятельствах. Словом, проблемы, стоящие перед отечественным двигателестроением, и объемны, и сложны. Как и в каком направлении они будут решаться, покажет ближайшее будущее.

Гибель технического обеспечения

Это фатальное для Вооруженных Сил явление осталось практически незамеченным широкой общественностью.

Среди современных военных экспертов (в основном гуманитариев) мало кто знает о существовании технического обеспечения. Еще меньше смогут правильно поставить ударение в слове «обеспечение». И уж совсем немногие перечислят составные части технического обеспечения. Между тем в ходе псевдореформ предпоследнего министра обороны ТО было практически умножено на ноль.

Для начала уточним, что собой представляет техническое обеспечение. Это комплекс мероприятий, осуществляемых в целях поддержания боевой готовности и боеспособности войск по наличию готовых к использованию (боевому применению) вооружения, военной техники и по обеспечению ракетами, боеприпасами, военно-техническим имуществом. Это вид обеспечения войск (сил) в мирное и военное время. К видам ТО относятся ракетно-техническое, инженерно-ракетное, инженерно-радиолокационное, артиллерийско-техническое, танко-техническое, автотехническое, инженерно-авиационное, инженерно-техническое, техническое обеспечение РХБ защиты, техническое обеспечение средств связи и АСУ, техническое обеспечение по службам тыла, метрологическое обеспечение. Рассмотрим проблемы ТО на примере одного из видов Вооруженных Сил – Войск ПВО до 1998 года, затем ВВС (благо, в остальных видах ВС РФ состояние ТО примерно аналогичное).

Немного истории

Для начала обратимся к Войскам ПВО. Можно рассмотреть три основных временных рубежа, когда происходили существенные изменения в структуре сил и средств технического обеспечения – до 1993-го, до 1998-го и в настоящее время.

До 1993 года в Войсках ПВО были службы (инженерно-ракетные, инженерно-радиолокационные), которые организационно входили в состав родов войск вида Вооруженных Сил. Подобные службы имели зенитные ракетные войска, радиотехнические войска, войска РКО. То есть все органы, которые занимались эксплуатацией, находились в родах войск и через командующего (начальника) рода войск подчинялись главнокомандующему Войсками ПВО. Параллельно существовали

структуры заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по вооружению и заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по эксплуатации, которые подчинялись главнокомандующему Войсками ПВО, но не были напрямую связаны с родами войск.

Все вопросы решались через главнокомандующего видом Вооруженных Сил. То есть все, что касалось разработок, поставок, снабжения, эксплуатации, ремонта и т. д., шло через главкома. Кроме него, в этом вопросе не было другого начальника, который сам бы определял, что в первую очередь надо сделать.

Соответственно в родах войск каждый командующий (начальник) получал задачу по конкретному виду вооружения: когда, к какому сроку и что из нового (модернизированного, отремонтированного) должен иметь род войск. Задачу ставил лично главнокомандующий. Однако в дальнейшем, что надо потратить на разработки, на серию, на снабжение и ремонт, приходилось согласовывать с другими руководителями. При этом важно отметить, что по формальному признаку согласование объемов работ между родами войск и аппаратами заместителей главнокомандующего Войсками ПВО по эксплуатации и вооружению было организовано, но конечное решение, где, чего и сколько, оставалось за последними.

Подобная система обладала рядом как достоинств, так и недостатков.

Достоинства: командующие (начальники) родами войск знали реальное техническое состояние ВВТ и через соответствующие службы (ИРС, ИРЛС) участвовали в восстановлении вышедшего из строя вооружения, начальники родов войск отвечали за виды боевого обеспечения (ИРО, РТО, ИРЛО и пр.), наконец, они наиболее реально подходили к распределению финансовых средств на разработку, заказ ВВТ и поддержание в исправности существующего парка вооружения.

Недостатки: при подобной схеме отсутствовало оперативное воздействие на восстановление вышедшего из строя вооружения (особенно по сложным отказам), поскольку возникала необходимость обращения и согласования проблем с аппаратами начальника Главного управления вооружения, заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по эксплуатации; начальники родов войск были лишены возможности использовать имущество, сосредоточенное на базах хранения центрального подчинения; отсутствовало рациональное распределение выделяемых финансовых средств с учетом реальных потребностей в разработке нового, поставке (производстве) ВВТ и проведении всех видов ремонта (налицо были противоречия интересов ведомств).

В рассматриваемый период в аппаратах заместителя

главнокомандующего Войсками ПВО по эксплуатации руководили генерал-полковник Н. Д. Гребенников, генерал-лейтенант В. Ф. Сибирцев, а по вооружению – генерал-полковник Л. М. Леонов, генерал-полковник С. С. Сапегин, генерал-лейтенант А. М. Московский.

В вопросах технического обеспечения не было единого руководителя, который бы учитывал и соизмерял все потребности ВПВО от разработки до списания и утилизации образцов вооружения. Рода войск выступали в качестве просителей по принципу «сделайте нам что-нибудь».

Чтобы устранить такие недостатки, в 1994 году в Войсках ПВО была введена должность заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по вооружению. В данную структуру включаются все инженерные службы родов войск, объединенные в Управление технической эксплуатации ВВТ ПВО. На него же напрямую замыкаются Управление заказов и поставок ВВТ ПВО и Управление капитально-восстановительного ремонта ВВТ ПВО.

Одновременно в аппарат заместителя главнокомандующего Войсками ПВО по вооружению передают учет и подчиняют ему все профильные научно-исследовательские институты (13-й НИИ, 2-й НИИ, 30-й НИИ и т. д.), которые в полном объеме работают над анализом текущего состояния вооружения, готовят предложения по его развитию и совершенствованию, а также по вопросам перспективного планирования поддержания техники в исправном состоянии.

После этих преобразований руководитель имел в своих руках полную картину по вопросам состояния вооружения и военной техники (то есть сколько у него новой техники, сколько той, которая требует ремонта и списания). Заместителю главнокомандующего по вооружению подавались различного рода справочные и информационные документы. Он был в курсе состояния ВВТ за вид Вооруженных Сил и видел общую картину. В зависимости от этого принимались решения по финансированию, по объемам разработки, производства капитального и восстановительного ремонта. Одновременно принимались меры, чтобы вся эта цепь была научно обоснована. Существенно, что все руководители управлений подчинялись только ему и докладывали только то, что вызывалось служебной необходимостью.

В 1993 году было мнение: это правильное решение, потому что были объединены силы, отвечающие за вопросы ТО, и средства, обеспечивающие реализацию требуемых объемов ТО. Это, во-первых, позволило с меньшей погрешностью определять степень проблем на каком-либо из участков работы, во-вторых, существенно возросла оперативность

принятый решений. Если раньше надо было готовить обращения в различные службы и управления и подолгу ждать нужного решения, то в этом случае вопрос решался мгновенно. Это делалось в течение минут или часов, тогда как раньше на решение подобных проблем уходили недели или месяцы.

То есть до 1993 года в сфере ТО был некоторый феодализм, а принятое решение по совершенствованию организационной структуры следует расценивать как положительное. Естественно, оно не было поддержано начальниками родов войск из-за утраты определенных властных полномочий. Для них остались только задачи совершенствования боевых порядков и боевой подготовки войск. От родов войск шло сопротивление, которое можно охарактеризовать как «спрашивают за боевую готовность, а все виды технического обеспечения – инженерно-ракетное, ракетно-техническое, инженерно-радиолокационное и другие – вошли во вновь созданное управление, мы остались ни с чем».

Но с точки зрения оперативности принятия решений в вопросах ТО и направления финансовых средств по нужным векторам это было наиболее правильно. И такая система сохранялась до 1998 года. У одного начальника был контроль над всеми тремя направлениями. Прежде всего, над заказами (какой объем ОКР, НИР выполняется, как и в каком количестве организовано производство основных средств, в каком состоянии запасы материальных средств). Эксплуатация ВВТ была под непрерывным контролем. Каждое утро начиналось с планерки, где выяснялось, какие средства вышли из строя, почему вышли, и оперативно принимались решения по их восстановлению. Начальник управления владел обстановкой, была возможность воспользоваться ЗИП, находившимися в том числе и на базах хранения ВВТ центрального подчинения. Немедленно принималось решение и отправлялось соответствующее оборудование для восстановления боевой готовности. Это положительно сказывалось на исправном состоянии вооружения в войсках.

Управление капитально-восстановительного ремонта наиболее полно (в объемах выделяемых финансовых средств) учитывало и распределяло объемы требуемого капитального ремонта вооружения по ремонтным предприятиям, активно участвовало в разработке перспективных планов ремонта исходя из данных общего состояния ВВТ.

В 1998 году в связи с ликвидацией Войск ПВО как вида Вооруженных Сил и объединением частей, соединений и объединений под эгидой ВВС в это управление добавляется авиация. И происходят изменения, которые ограничивают возможности ПВО-составляющей в вопросах ТО. Львиная

доля средств стала поступать на ТО авиационной техники.

Если раньше для ПВО поступающих средств хватало и на заказ вооружения, и на ремонт, то теперь из 100 выделенных рублей 87 шло на заказ и развитие ВВС, на перспективную авиационную технику. Остальное – на ПВО. В сфере ремонта 89 рублей шли на авиационную компоненту и только 11 рублей – на всю технику ПВО.

Такие подходы не могли удовлетворять представителей бывшего вида ВС РФ – Войск ПВО. Ведь задачи поддержания ВВТ ПВО в исправном состоянии не отменялись. А с подобным распределением имеющихся ресурсов решать их становилось еще более затруднительно. Такое положение дел привело к тому, что заступление на боевое дежурство подразделений ЗРВ (РТВ) сопровождалось передачей ЗИП или разукomплектованием однотипных образцов вооружения из других подразделений.

Количество техники, которая требовала ремонта, росло, а средства на него не выделялись. Ее объемы увеличились настолько, что пришлось менять подходы к определению технического состояния, условий содержания и дальнейших перспектив.

Принимаются новые решения.

Первое. Вводится понятие «ремонт по техническому состоянию». Это больше, чем просто сезонное обслуживание с какими-то проверками и заменой полностью вышедших из строя элементов.

Второе. Начинают проводиться дополнительные работы по оценке технического состояния с выработкой рекомендаций по продлению сроков службы вооружения, систем и т. д., а также уточняются их межремонтные сроки службы. При этом материально и финансово данные направления фактически не поддерживаются, а работы проводятся формально или не проводятся вообще.

В связи с тем, что выделяемых средств опять-таки не хватало, объемы ВВТ, требующих капитального ремонта, росли. Командиры частей вынуждены были своими решениями назначать комиссии по освидетельствованию и готовить заключение о продлении срока эксплуатации имеющегося в их распоряжении вооружения на год. Формально делалось заключение о том, что техника исправна (работоспособна) и на ней можно служить и выполнять боевые задачи. При этом вся ответственность ложилась на плечи тех людей, которые несли службу на ней. Однако техника в любой момент могла отказать по своему состоянию.

В этот момент, а точнее – уже с 1993 года, начинает во весь рост

вставить проблема с плановым анализом, уточнениями и поставками ЗИП всех видов. С 1994-го войска получают технику без групповых и ремонтных комплектов ЗИП. Оперативно восстановить ее можно было только с помощью промышленных (или ремонтных) предприятий.

Подаваемые объединениями заявки на восполнение израсходованных ЗИП удовлетворяются не в полном объеме. При этом запасы материальных средств и ЗИП в объединениях ПВО быстро убывают (уменьшаются), что в конечном счете сказывается на оперативном восстановлении технической исправности вооружения. Наблюдается устойчивая тенденция: расход ЗИП есть, а восстановления нет. Финансово заказ и поставка ЗИП подкреплены не были.

С учетом реальных объемов финансирования оставалось одно – переходить к заказу только тех позиций, которые определяли боеготовность и нужны были весьма срочно. При этом становится понятным, что оперативность приведения вооружения в исправное состояние зависела от сроков изготовления и поставки того или иного элемента. А это уже были не минуты и часы, как ранее, а мягко говоря, несколько иные интервалы времени.

Погром

Худшее, как оказалось, ждало впереди. С 2008 года начинается резкое сокращение органов технического обеспечения. Одно следует за другим. В конечном счете в 2011-м аппарат заместителя главнокомандующего по вооружению вида ВС «приказал долго жить». Остались два человека: первый заместитель главкома по МТО и один помощник. Теперь обеспечивать перевооружение на новую военную технику, ремонт старой и боевую готовность предстояло этими силами и средствами. Такая картина не только в центральном аппарате вида Вооруженных Сил, но и в остальных объединениях и соединениях. Было разрушено все. Остались некие гражданские департаменты, которые не завязаны на виды Вооруженных Сил, живут своей жизнью.

Допустим, отдали концерну «Алмаз-Антей» (ныне Концерн ВКО) всю тематику ПВО. И там вроде занимаются ею, но отнюдь не в ущерб себе. Берут то, что интересно концерну, – для ремонта, для производства. Что можно продать куда-нибудь в близлежащие или дальние страны. И немного беспокоятся о внутреннем потребителе – Министерстве обороны. Проблема боевой готовности, боевого дежурства и исправности техники повисла в воздухе. Один человек (первый заместитель главкома по МТО) не может справляться с такими задачами.

В 1998 году, когда службы объединили, в аппарате заместителя главнокомандующего по вооружению насчитывалось более 350 человек. Сейчас – два. Помимо всего прочего, этот аппарат занимался планированием, подготовкой всех организационных документов, наставлений и положений. Без этого никак нельзя. А сейчас этим заниматься практически некому.

Одновременно с органами управления техническим обеспечением резкому сокращению подверглись структуры (базы снабжения и хранения вооружения армейского и центрального подчинения, ремонтные предприятия, передвижные ремонтные базы объединений), отвечающие за накопление, хранение и обеспечение войск необходимым имуществом для поддержания техники в исправном состоянии.

При непосредственном участии псевдореформаторов сокращаются до минимума части технического обеспечения в объединениях (осталось по одной) и центрального подчинения (осталось две). Как при таких силах и средствах обеспечивать на требуемом уровне боеготовность и исправность вооружения и военной техники – непонятно.

Пока новая, только что полученная с предприятий промышленности техника работает нормально, а дальше что? Ответа не может дать никто. Потому что той системы ТО, которая была раньше, нет. Она и нарушена, и разрушена. И между оставшимися структурными подразделениями нет никакой ни положительной, ни отрицательной обратной связи. Войска пытаются попросту выживать. Но на войне это будет катастрофа.

Иными словами, единой структуры ТО нет, ремонтно-восстановительные органы разрушены, базовые ЗИП не заказываются. А ведь на войне начнется массовый выход вооружения из строя. К тому же и ремонтных бригад никаких нет.

Если сделать вывод, то можно сказать: если до 2006 года все как-то еще худо-бедно существовало, то с приходом Анатолия Сердюкова начался настоящий погром системы технического обеспечения, органов, самой структуры. Сердюков был главным идеологом по сокращениям в сфере ТО. Он нанес мощный удар по объединениям и соединениям. Это при нем генерировались бредовые идеи, которые нельзя ничем оправдать (типа Дальний Восток перенести на Урал, Московский округ ПВО объединить с 6-й отдельной армией и т. д.). В это время чувствительный удар наносится и по кадровой составляющей: сокращаются военно-учебные заведения – основа подготовки инженерно-технического состава первичного звена, а также наборы курсантов до 10–15 человек в год.

Анатолий Сердюков не понимал, для чего нужны запасы ВВТ, для чего

требуется техника на особый период, для чего закладывать туда материальные средства. Он не видел никаких перспектив вкладывать в эти направления. Сердюков не понимал, что когда снижаются заказы, то предприятия промышленности не будут держать большой штат работников. Если вместо пяти полковых комплектов делать один, нет смысла в таком количестве людей. Здания и сооружения при этом передавались в частные руки. Сердюков думал, что при необходимости все можно восстановить за несколько месяцев. Но если заказывать один комплекс в два года, то за ночь объемы производства никакой политической волей не нарастишь.

И в настоящее время каких-либо программ восстановления разрушенного не просматривается. На уровне деклараций вроде как прослеживается желание приступить к восстановительным процессам, но нет пока осязаемых результатов. Не созданы специальные структуры, которые осмысленно занимались бы данной проблематикой. Это характерно не только для Войск ПВО (ВВС), но и для всех остальных.

Нет сегодня тех запасов материальных средств, которые раньше были научно обоснованы. Они создавались, накапливались, специальным образом хранились и использовались. Сегодня наука работает уже не так эффективно. Разрабатываемые и предлагаемые решения по совершенствованию системы ТО, предложения по уточнению номенклатуры и объемов поставляемых ЗИП, порядку и срокам проведения всех видов ремонта не подкрепляются требуемым финансированием. Вся информация, поступающая по данным вопросам от объединений в институты, анализируется, просчитывается, но результаты данной работы не могут быть реализованы в полном объеме силами и средствами ТО, сохранившимися в настоящее время.

Иными словами, впереди очень большой объем работы. И в долгий ящик решение этих проблем откладывать никак нельзя. Это вопросы национальной безопасности.

Россия – родина ковбоев

Упорно складывается впечатление, что названия для образцов вооружения, военной и специальной техники и даже для обмундирования у нас в стране придумывают какие-то странные люди.

Это либо достаточно безумные персоналии (судя исключительно по тем названиям, которые они присваивают образцам ВВТ), или же (в ряде случаев) изрядные юмористы. В частности, не так давно танковые подразделения Южного военного округа получили первые комплекты новой экипировки «Ковбой», призванной защитить бойцов от огня и осколков.

В состав экипировки «Ковбой» входят противоосколочный бронежилет первого класса защиты, огнезащитный костюм и противоосколочная накладка на танковый шлемофон. Согласно требованиям ГОСТ Р 50744-95 бронедежда первого класса должна защищать от выстрела из пистолета Макарова пулей калибра 9 миллиметров со стальным сердечником или из револьвера типа «Наган» пулей калибра 7,62 миллиметра со свинцовым сердечником. Кто б сомневался, что в наше время «Наган» – самый распространенный револьвер в мире. Но сейчас не об этом.

Наверное, никому бы в Соединенных Штатах в голову не пришло (даже в самом горячем бреду или с жесточайшего будунца) присваивать американским образцам ВВСТ имена, позаимствованные из истории России. А вот у нас – здравствуйте, пожалуйста – «Ковбой». С какого, простите, хрена? Что подвигло авторов на это название? Что общего между русскими танкистами и американскими пастухами? Одному Богу известно.

Или вот еще один пример – БМД «Бахча». Ну, очень грозно. На противника, надо предполагать, производит неизгладимое впечатление. Неприятель от таких названий впадает в панику, от ужаса у него появляются императивные позывы на понос, и безоговорочная капитуляция в этом случае – вопрос только самого ближайшего времени.

Или КШМ «Кушетка». О чем думали люди, присваивающие подобное название командно-штабной машине? Ясен перец, только о том, чем занимаются с девушками-связистками на кушетках.

Подобных примеров не счесть.

Впрочем, об этом я уже как-то писал. Этот текст («Чечевика с викою»)

был написан мной в 1999 году. И с того времени мало что изменилось. А если честно – да практически ничего не изменилось. По-прежнему названия образцов ВВСТ у нас в стране берется с трех «П» – пол, палец, потолок. Вот он, этот текст.

Чечевика с Викою, или Самые нелепые наименования систем вооружений

Вряд ли кто-либо в мире, кроме нас, столь легкомысленно относится к именам собственным, связанным с вооружением и военной техникой. Нелепых примеров более чем достаточно...

Военно-морской флот

Имя корабля – это почти его судьба, ибо корабли, как люди: рождаются, стареют и умирают. Во времена Советского Союза имена кораблей были до предела идеологизированы и менялись с удивительной быстротой. Вот характерные примеры революционного безумия. Был такой эсминец в российском императорском флоте – «Лейтенант Ильин», названный так в честь героя Чесменского морского боя. Вступил в строй в 1916-м. После октябрьских событий 1917-го замелькали, как в калейдоскопе, названия эсминца.

Уже 3 июля 1919-го корабль получает новое имя – «Гарибальди». По всей видимости, этот далекий итальянец гораздо роднее нам храбрейшего лейтенанта Ильина.

Однако на этом его злоключения не прекращаются – с 1922 года он получает новое имя – «Троцкий» – разрушителя российского императорского флота. Уже с февраля 1928-го новое имя – «Войков».

Перейдем к временам гораздо более поздним... «Комсомолец Таджикистана», «Тюменский комсомолец», «Комсомолец Азербайджана», «Имени XXVI съезда КПСС», «60 лет шефства ВЛКСМ». Что можно сказать о таких названиях?

Обратимся к названиям первых послевоенных эсминцев проекта 30 и 30-бис. Этих эсминцев было построено достаточно много, более пяти десятков. Среди подавляющего большинства имен кораблей, не вызывающих никаких сомнений (типа «Бдительный», «Беспощадный», «Безжалостный», «Разъяренный», «Сокрушительный» и т. п.), встречаются все-таки отдельные любопытные.

Сразу отметим общее достоинство этой серии имен – отсутствие идеологического звучания: «Отчаянный» – он и в Африке «Отчаянный».

А вот любопытные названия – «Солидный» (сомнительное, надо

прямо сказать, название для эсминца), «Осторожный» (тоже в самый раз), «Отрывистый» (от чего и что отрывать?), «Опасный» (хорошо бы уточнить – для противника или для собственного экипажа?), «Отчетливый» (что хотели этим сказать, интересно?), «Вразумительный» (?), «Бесшумный» (?) и т. п.

Серия достаточно современных кораблей – это большие противолодочные корабли проекта 1155 (типа «Удалой»). Вот тут имена гораздо интереснее. Всего было введено в строй четырнадцать таких кораблей. Безупречное имя, пожалуй, только у одного – головного корабля – он же «Удалой», вступившего в строй в далеком 1980-м. Далее следует целая плеяда адмиралов – «Адмирал Захаров», «Адмирал Спиридонов», «Адмирал Пантелеев», «Адмирал Чабаненко», «Адмирал Кучеренко»... К сожалению, эти имена почти никому ничего не говорят, за исключением, пожалуй, сравнительно узкого круга военно-морской элиты.

Обратим внимание на большие противолодочные корабли проекта 1134. Заложены, построены, введены в строй 10 единиц. Головной корабль вступил в строй в 1969 году и назывался «Кронштадт».

Потом началась чехарда: «Маршал Тимошенко» (это, по всей видимости, один из наших лучших моряков), «Маршал Ворошилов» (это ведь про него сказал сам Сталин: «Что понимает товарищ Ворошилов в вопросах флота? Он понимает только одно: корабли идут полным ходом, и песок летит из-под винтов!»). Ну, а дальше, как обычно: «Адмирал Юмашев», «Адмирал Исаков», «Адмирал Исаченков»...

Нельзя не сказать еще раз о непрерывной смене названий кораблей. Об этом уже отчасти говорилось, однако этот процесс не имеет себе равных в мировой истории. Печальный рекордсмен, тут, безусловно, тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов».

Корабль был заложен 1 сентября 1982 года и до ноября, до смерти Леонида Ильича Брежнева, назывался «Рига». Затем до августа 1987-го он носит новое имя «Леонид Брежнев». С 1987-го – «Тбилиси». И только с 1 января 1991-го корабль получил название «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». Только вот окончательное ли?.. Не за горами тот день, когда придется объяснять, что такое Советский Союз.

И, наконец, главное. Имя корабля должно быть общенациональным символом, а не отражать идеологические установки. Например, у американцев современный авианосец, как правило, носит имя президента США, атомная ракетная подводная лодка – название штата, многоцелевая лодка – города, эсминец или фрегат – как правило, имя адмирала.

Военно-воздушные силы

Следует сказать о необходимости, во-первых, четкой классификации летательных аппаратов, во-вторых, о присвоении самолетам достойных, звучных имен, в-третьих, об увековечении имени генерального конструктора в названии самолета (летательного аппарата).

Обратимся вначале к зарубежному опыту. Там, как правило, в начале полного наименования воздушного корабля следует название фирмы. Затем – принятое в стране буквенное обозначение данного типа самолета, потом порядковый номер модели и, наконец, красочное название.

Вот хотя бы несколько примеров: Boeing (Model 299) B-17 Flying Fortress, Boeing (Model 345) B-29 Superfortress, Boeing (Model 464) B-52 Stratofortress, Convair (Model 4) B-58 Hustler, McDonnell F-4 Phantom II. Названия действительно звучные, красочные, носящие в том числе и откровенно рекламный характер – «Летающая крепость», «Сверхкрепость», «Стратосферная крепость», «Энергичный», «Призрак». Если название уже применялось ранее, добавляется римская цифра II.

Первые отечественные шаги в этом направлении, были, по всей видимости, верны. Вспомним, в 20 – 30-е гг. истребители именовались «И», бомбардировщики – СБ, ТБ (что означало скоростной, тяжелый), разведчики – Р. Логика в этом, безусловно, была. Но не было названий. Хотя единичные и встречались: например, «Крылья Советов», «Родина», «Правда», «Максим Горький».

Наряду с этим самолеты именовались по фамилиям конструкторов, хотя никакой строгой системы в этом вопросе не было – это могло быть и «АНТ» (Андрей Николаевич Туполев), а то и просто «К» (К-1, К-2, К-3, К-13), как, например, самолеты репрессированного в 1938 году талантливого конструктора Константина Алексеевича Калинина.

Затем в конце 30-х – начале 40-х гг. перешли в основном на двухбуквенную систему – по первым двум буквам фамилии конструктора – Як, Ту, Ла, Пе, Бе. Скорее всего, это было ошибкой. Творческая жизнь конструктора – это всего лишь миг в развитии авиации. В сложившейся обстановке было, возможно, два пути: или каждый раз давать самолетам новые имена и первые две буквы, или фиксировать существующий статус-кво. Остановились на втором.

А имена не присваивались вовсе: Ту-2, Пе-8, Ил-28, ЗМ, М-50.

К примеру, Су-24, Су-25, Су-26, Су-27 – самолеты самого противоположного назначения, сконструированные для весьма различных целей и все равно – отличаются только порядковым номером.

Какой-то сдвиг в этом плане наметился у вертолетчиков – вертолеты

Ка-50 и Ка-52 получили угрожающие названия «Черная акула» и «Аллигатор». Хотя не водится в России таких рыб. И не имеют отношения аллигаторы к славянской символике и тем более не выражают никаких исторических традиций российской армии и ее Военно-воздушных сил. Так что первый шаг, сделанный в верном направлении, нельзя признать абсолютно удачным.

Широкой общественности имя Михаил Симонов почти ничего не говорит, а самолет Су-27, к созданию которого он приложил руку, – предмет национальной гордости.

Мало что говорит тем же слоям имя Генриха Васильевича Новожилова – а ведь это генеральный конструктор самолетов Ил-76 и Ил-86. Или, к примеру, кто такой Сергей Михеев? Генеральный конструктор вертолетов Ка-50 и Ка-52. Есть в этом какая-то вопиющая несправедливость: фамилии – гордость страны и нации – находятся в тени прославленных предшественников.

Гораздо бы лучше звучало (в качестве одного из возможных вариантов): истребитель Михаила Симонова И-273 «Полярная сова»; тяжелый транспортный самолет Генриха Новожилова Т-762 «Илья Муромец» II; боевой вертолет Сергея Михеева БВ-2М1 «Единорог».

Ракетные войска и артиллерия

К большому сожалению, констатировать, что названия современных артиллерийских систем, минометов, боеприпасов, противотанковых ракетных комплексов, как правило, ничего, кроме недоумения и раздражения, вызвать не могут.

Например, в названиях современных артсистем весьма широко представлена цветочная гамма. Это, к примеру, 240-мм самоходный миномет «Тюльпан»; 122-мм самоходная гаубица «Гвоздика» (ладно бы это было от слова «гвоздить»); 152-мм самоходная гаубица «Акация»; 152-мм пушка «Гиацинт»; 203-мм самоходная пушка «Пион» (уж лучше бы «Питон»).

Какими-то единичными на фоне этой «клумбы» звучат названия 120-мм самоходного орудия «Нона» (женское имя?) или 152-мм самоходной гаубицы «Мста» (река?). Есть и ничего и никому не говорящие буквенно-цифровые обозначения: Д-30, Д-1, 2А65, 2А45М, 2А61 и пр. А вот, к примеру, очень «национальное» название – и здесь за версту веет духом великой русской равнины – это комплекс Сухопутных войск «Искандер». Присутствуют и совершенно абсурдные названия: 82-мм миномет «Поднос» и 120-мм «Сани». Может быть, не «Поднос», а «Под нос»? Было

бы, ей-Богу, лучше.

А вот целая серия названий противотанковых ракетных комплексов: «Метис», «Фагот», «Конкурс», «Корнет». Естественным в этой области можно признать только одно название – ПТРК «Штурм». А как вам название гранатомета «Муха»? Как далеко тут хотя бы до немецких «Панцерфауста», или «Панцершрека» («Панцершрек» – «Ужас для танков»).

«Краснополь», «Маринист», «Казатин», «Усадьба», «Сантиметр» и «Обломок» – названия некоторых артбоеприпасов. Тут что ни слово, то повод для шутки или анекдота.

Как-то более или менее соответствуют решаемым задачам названия реактивных систем залпового огня – РСЗО «Град», «Ураган», «Смерч». Но подкачала система управления огнем – «Капустник».

И вот что любопытно, фамилии конструкторов стрелкового и малокалиберного пушечного вооружения включить в название образцов вооружения считается естественным и необходимым, иногда справедливость восстанавливается спустя многие десятки лет (как это было в случае с винтовкой Мосина), а нельзя ли то же самое сделать в отношении уникальной и прославленной артсистемы (миномета). Мало кто, кроме специалистов, знает, кто это такие – В. Грабин, И. Иванов, Ф. Петров, Б. Шавырин, М. Крупчатников, Л. Люльев, Л. Локтев, В. Ильин, И. Теверовский. А это между тем люди, поднявшие отечественную артиллерию на небывалую до того высоту.

Наверное, неплохо бы звучало (в качестве примера): 152-мм пушка-гаубица Ф. Петрова ПГ-10М1 «Молния»; РСЗО А. Ганичева БМ-21М «Град».

То, что, к примеру, «Град» состоит на вооружении армий более чем пятидесяти стран, а кто такой А. Ганичев, не знает никто – не обидно ли это? И справедливо ли по отношению не только к Александру Ганичеву, но и к другим генеральным конструкторам?

Можно отметить и такой, казалось бы, парадоксальный факт: по существу, нет разницы – было присвоено имя какому-либо образцу вооружения или нет. Если образец вооружения не имеет официального названия, он все равно получает народное, фольклорное. Примеров тому масса.

Остановимся хотя бы на самых характерных. Вот, например, РСЗО БМ-13. За ней прочно закрепилось поистине народное название «Катюша». Кстати, если бы генеральный конструктор был указан в названии образца вооружения, вряд ли бы сейчас кипели споры, кому принадлежит

авторство. А так, пожалуйста, страсти не утихают до сих пор.

Или, например, самоходно-артиллерийская установка СУ-76. Официального названия не имела. А солдатское – «Прощай, Родина!» или «Голозадый Фердинанд», что весьма точно отражало ее боевую ценность. Поставляемый по ленд-лизу американский танк М3 «Генерал Грант» получил от наших танкистов название «Могила для семерых». Емко и точно. Самолет ЛаГГ-3 назывался не иначе, как «Лакированный гарантированный гроб». Ил-2 получил прозвище «Горбатый», Су-25 в Афганистане – «Грач». Истребитель И-16, также не имевший официального звучного имени, имел массу прозвищ: «Ястребок», «Ишак», «Ишачок», «Курносый». Таким образом, не присвоив своих имен, мы повторяем наименования НАТО (которые подчас становятся даже более популярными, чем наши официальные; это, между прочим, в полной мере относится к вооружению РВСН) или получаем имена народные.

Необходимость единой классификации и систематизации вооружения в масштабе Вооруженных сил, представляется, более чем назрела. Необходимость органа (отдела, экспертной группы), который бы всем этим занимался, присваивал наименования и следил за состоянием дел в этой области, очевидна.

Матиас Руст: вечно живой

Казалось бы, все факты по этому событию четвертьвековой давности известны самой широкой публике. Но не тут-то было. Каждая годовщина перелета Матиаса Руста вызывает всплеск новых, зачастую нелепых сочинений. Разберем хотя бы одно из них. В частности, не так давно совершенно случайно я наткнулся на текст следующего характера. Приведу его полностью. Блог Константина Добрынина.

Полковник, который чуть не сбил Руста

Ему было чуть за пятьдесят. Усы, скрывающие улыбку, и живые глаза дополняли стремительные движения и широкие шаги. Худым его нельзя было назвать уже лет пятнадцать. Внешне он напоминал доброго Винни-Пуха из нашего мультфильма. А еще он был ракетчик и советский полковник в отставке. И видел вживую легендарного нарушителя советской границы Руста. Сначала на радаре, потом в телевизоре.

Голос его звучал чуть нараспев. И он хорошо и много улыбался. Прошло достаточно времени, и я уже не помню, почему и кто первый произнес немецкую фамилию Руст.

– А дело было так, – интригуяще начал он и отставил в сторону банку с тушенкой, которую умело открывал.

– Когда немец этот границу пересек, его сразу отфиксировали. Практически на подлете. Истребитель к нему наш отправили, мол, добро пожаловать в СССР, дорогой товарищ. Истребитель посмотрел. Самолет летит и летит. Ну и пусть летит, передал дальше. Самолетик легкий, скорости с истребителем разные. И вот тут Руст вошел в зону ответственности 54-го корпуса ПВО, – он потер руки и сделал паузу.

– Эстонию пролетел, значит. Начинается передача цели РИЦ дивизии для РИЦ корпуса 54-го. Все думают, передавать или нет цель на сопровождение. Думали 14 минут! Много, – он налил по одной, положил тушенку на хлеб, мы чокнулись и выпили.

– Передали, значит, цель, – он откусил самодельный бутерброд с тушенкой, прожевал и продолжил, – под их ответственность, мол, ребята, принимайте. Те посмотрели и говорят: не обнаружена, – он поднял указательный палец вверх и сделал паузу.

– Понимаешь, с опозданием на 14 минут. Еще 54-й корпус ищет цель. Нет цели. Ну и все, все успокоились, мол, мало ли что там было, может,

сельхоз-цель или спортсмен, а сейчас нет никого. В общем, дальше не пошло, ни в Московский округ, никуда, – он налил еще по одной.

– А самолетик дальше летит. Московский округ ПВО никто в боеготовность не приводит, а потому что никто больше его не ищет. Так мое дежурство в тот день и закончилось.

Я в 7 часов вечера 28 мая прихожу домой и включаю телевизор. Не цветной еще. «Радуга», по-моему, старый такой. Там еще звук и картинка не совпадали, надо приставку было специальную покупать, но и без звука смотрю и вижу: финское телевидение показывает, на Красной площади садится самолет. Я жене говорю, во, бляха-муха, какой фильм сняли, – он налил еще по одной.

– Бам, звук. Загудела спецсвязь. Готовность. Генерал-майор Кромин вызывает. Всем на командный пункт прибыть немедленно. Приезжаю. Все бегает нервные, бледные, обделавшиеся, одним словом.

И команда: товарищи, все, что у вас на магнитофонах, ну вы поняли?

– Немедленно, – он помолчал чуть-чуть.

– Узнаем, на Красной площади сел Руст. Финита ля комедия!

Ну а на следующий день прокурорские орлы приземлились у нас в части. Вопросы задавать начали типа: а вы какие команды получали, вы что видели? Отвечаем: я видел то и то. Самолет в зону огня и в зону поражения не входил. Какие мои действия? В зону поражения же не входил, какие действия – никакие. Прокурорские побряхтели и дальше начинают, так, мол, а 7-й дивизион, вы почему огонь не открыли? И все так нервно это, на повышенных, – он по-прежнему улыбался, но глаза уже не смеялись.

– В соответствии с приказом о несении боевого дежурства открывать огонь должен по боевым судам – нарушителям государственной границы. Это было не боевое судно, – он потер затылок и откинулся назад, – короче, веселая жизнь была в тот месяц у нас. На всю оставшуюся запомнил, – он включил чайник и щедро насыпал в кружки заварки из банки.

– Потом, когда уже был анализ ситуации, все более или менее стало понятно. Понимаешь, нижняя кромка зоны обнаружения была такая-то. Он шел ниже. Этот гаденыш летел не просто грамотно, он знал, как обходить каждую конкретную роту. Ему четко объяснили, и вся информация у него была, мол, эта рота стоит на регламентах – надо лететь здесь. А у соседней роты нижняя зона кромки обнаружения значительно выше, она ничего не будет делать. Не увидит просто ничего. Маршрут ему классно отработали. Результат: министра обороны сняли, главкома Войск ПВО сняли, комдива полковника Скорохода сняли, командующего 6-й армией сняли. Всех непослушных и имеющих свое мнение в армии. Оставшихся сослали в 10-

ю армию. Вот так, Эдуардыч, это все происходило, – он улыбнулся и налил в кружки чай.

– А почему из армии ушли, Александр Анатольевич? – спросил я в лоб.

Он прекратил улыбаться, вздохнул и сказал:

– Знаешь, в армии есть три вида полковников: товарищ полковник, полковник и эй, полковник. Я служил в первой.

А теперь давайте разбирать написанный текст по предложениям и словам.

«Ему было чуть за пятьдесят».

Значит, в мае 1987-го этому полковнику было 24 года. Кем он тогда мог быть по должности? В каком находился звании? Где служил? Рассказчик об этом как-то скромно умолчал. Но даже из выступления этого «полковника» легко можно вычислить, что его звание в мае 1987 года – старший лейтенант. И служил он, похоже, на РИЦ КП 6-й ОА ПВО. Почему? Да просто потому, что он только одну эту аббревиатуру – РИЦ без ошибок, грамотно произносит. И пытается рассказывать о действиях всей армии (и даже Войск ПВО) в целом, несмотря на то, что в одном месте проскакивает какой-то мифический 7-й дивизион (какой бригады/полка, какой дивизии/корпуса – непонятно).

Что мог тогда старший лейтенант во всем происходящем понимать? И что он мог видеть? Это не в качестве, упаси бог, обид, но старший лейтенант на КП армии – это человек по фамилии НИКТО и звать его НИКАК. Вот повар еще из столовой на КП армии вылез бы и написал свои воспоминания: «Я, суп да каша и Матиас Руст». По ценности сочинений это было бы равнозначно.

Или такая строчка: *«А еще он был ракетчик и советский полковник в отставке. И видел вживую легендарного нарушителя советской границы Руста. Сначала на радаре, потом в телевизоре».*

Давайте уж разберемся до конца. Если служил на РИЦ 6-й ОА ПВО, то тогда уже не ракетчик, а выходец из РТВ – радиотехнических войск.

«И видел вживую легендарного нарушителя советской границы Руста. Сначала на радаре, потом в телевизоре».

Вживую – это вживую. Никак не на радаре и тем более не «в телевизоре». В последнем случае Руста вся страна «вживую» видела. И «на радаре» этот легендарный полковник видеть Руста не мог. Во-первых, само по себе выражение «на радаре» безграмотно. Но теоретически этот

полковник мог видеть отметку от самолета Матиаса Руста на экране индикатора РЛС кругового обзора. Но это только теоретически, поскольку на КП армии экранов с первичной радиолокационной информацией (есть и такая, между прочим) нет. Так что ничего-то он не видел.

В целом детально разбирать эту словесную пургу не имеет смысла. Остановлюсь только на одном моменте: «Этот гаденыш летел не просто грамотно, он знал, как обходить каждую конкретную роту. Ему четко объяснили, и вся информация у него была, мол, эта рота стоит на регламентах – надо лететь здесь».

Полная ерунда. Ничего Матиас Руст не «обходил» – летел по кратчайшему маршруту. О существовании радиолокационных рот не подозревал. Да и слов таких не знал.

Или такие слова – «нижняя кромка зоны обнаружения». Вот оно, классическое сочетание меда, пчел и песка. «Нижняя кромка» – это характеристика облачности. А у зоны обнаружения – нижняя граница. Мелочь, а даже и она показывает – персонаж-то выдуманный.

Ну и ко всей этой словесной белиберде соответствующий антураж.

Ясен перец, если «полковник», то тогда в качестве закуски только – тушенка (в настоящее время ее не едят даже бездомные псы по причине отсутствия в ней намеков на мясо), хлеб, заварка в кружках. Для псевдоубедительности все притянуто за уши – по самое не балуйся.

Надо было бы еще костерок разжечь, плащ-палатку расстелить, котелок закопченный выставить на передний план, автомат ПППШ на гвоздь на стену, гильзу-сталинградку в качестве освещения. Ну чтобы уж до конца вся окружающая обстановка соответствовала образу матерого полковника.

Смешно все эти рассказы читать. Их можно назвать только так: «Что-то где-то слышал, что-то краем глаза видел, но перепутал прямой угол с температурой кипения воды и решительно все перевернул с ног на голову».

И надо все-таки правильно рассказывать армейские прибаутки, которые этот легендарный полковник так и не освоил до сих пор.

Цитирую по тексту:

«А почему из армии ушли, Александр Анатольевич? – спросил я в лоб.

...Он прекратил улыбаться, вздохнул и сказал:

– Знаешь, в армии есть три вида полковников: товарищ полковник, полковник и эй, полковник. Я служил в первой».

И тут незачет, однако. Тема не раскрыта.

«Товарищ полковник» – это полковник со служебным автомобилем и кабинетом. Как правило, это командир части (полка или бригады). Или

начальник отдела (какого-нибудь крупного структурного подразделения, к примеру, начальник отдела Организационно-мобилизационного управления Главного штаба Войск ПВО – положены и служебный автомобиль, и кабинет).

«Полковник» – это полковник с кабинетом, но без служебного автомобиля.

«Эй, полковник» – это полковник и без кабинета, и без автомобиля.

В этих словах-то по сути ничего обидного нет.

В органах Центрального аппарата Вооруженных Сил действительно есть комнаты, где сидят по пять-шесть полковников. А вот «полковник»-сказочник, похоже, принадлежал все-таки к категории «эй, полковник». Если бы он был командиром полка или бригады, то обязательно об этом как-нибудь, да упомянул. И «уходить из армии» ему в этом случае не было необходимости (лично мне неизвестны случаи, когда командиры полков/бригад «уходили»). Да и хреновины бы такой про Руста «полковник»-сказочник никогда не порол. Уже и школьники знают, как все было на самом деле, а этот все какие-то дополнительные версии изобретает.

И чем он лично мог сбить Руста, будучи старшим лейтенантом на РИЦ КП армии? Фуражкой? Португеей? Пустой кобурой? Кальсонами, завязанными в узел? Уничтожить самолет-нарушитель могут или пилот истребителя-перехватчика, или командир зенитного ракетного дивизиона.

А вот как было на самом деле.

Информация к размышлению № 1

Этот документ был составлен почти сразу после нарушения государственной границы 28 мая 1987 года. Сухие строки краткого донесения могут иногда поведать больше, чем самый эмоциональный рассказ. Надо заметить, что к расчету КП 14-й дивизии ПВО (город Таллин) отношение в тексте более чем суровое. И вина этих людей не столь велика, по моему глубокому личному убеждению. Теперь непосредственно текст.

«В 14.29 28.5.87 г. дежурная РЛС П-15 922-й отдельной радиолокационной роты (Локса) 4-й радиотехнической бригады (Таллин) 14-й дивизии ПВО (Таллин) обнаружила воздушную цель на высоте 600 м в территориальных водах СССР, идущую курсом на береговую черту. Цель следовала по международной трассе в направлении коридора № 1, информация о цели была выдана на КП радиотехнического батальона (Тапа), 4-й ртбр и РИЦ (разведывательный информационный центр) 14-й дивизии ПВО. Фактически информация о цели была отображена на экранах

АРМ дежурного сокращенного боевого расчета КП 14-й д ПВО с 14.31.

Оперативный дежурный КП ртбр майор Криницкий Я. И. цель нарушителем государственной границы СССР не объявил и продолжал уточнение характеристик и принадлежность вплоть до выхода ее из зон видимости РЛС бригады.

Заместитель ОД КП 14-й дивизии ПВО по РИЦ майор Черных действовал безответственно. Имея реальную обстановку и зная, что цель идет со стороны Финского залива к береговой черте, он определил ее и присвоил ей номер только с 14.37.

Оперативный дежурный КП дивизии подполковник Карпец И. В. не потребовал четких докладов, уточнения типа и характера цели, нарушив тем самым требования о немедленной выдаче цели на оповещение, и докладе на вышестоящий КП, и принятии решения на подъем дежурных экипажей для опознавания цели.

На КП 6-й отдельной армии ПВО по его команде цель была выдана только в 14.45. Таким образом, по вине КП 14-й дивизии ПВО было потеряно 16 минут времени, а главное – исчезла острота восприятия воздушной обстановки КП армии, исходя из того, что цель шла со стороны Финского залива и вошла в границы СССР.

Более того, ОД КП 656-го истребительного авиационного полка (Тапа) лейтенант Филатов А. В., имея данные о цели с 14.31, в 14.33 привел в готовность № 1 дежурные истребители, неоднократно запрашивал разрешение на подъем истребителей, однако подполковник Карпец И. В. подъем их разрешил только в 14.47.

Такие ничем не объяснимые, кроме как полной безответственностью, граничащей с преступлением, действия оперативного дежурного КП дивизии привели к тому, что было потеряно время, цель фактически уже проходила зону сплошного дежурного радиолокационного поля на малых высотах и зоны поражения дежурных зрнд.

Прибывшему на КП в 14.53 командиру 14-й дивизии ПВО было доложено, что истребитель был поднят для уточнения типа цели в районе коридора № 1 трассы Хельсинки – Москва. О том, что цель была обнаружена над Финским заливом, вблизи госграницы, в 14.29, командиру дивизии доложено не было. ОД КП 6-й ОА ПВО полковник Воронков, получив информацию о цели, в 14.46 привел в готовность № 1 дежурные силы 54-го К ПВО и разрешил подъем истребителей 656-го иап в воздух.

В 14.51 на КП 6-й ОА ПВО прибыл командующий армией, который в дальнейшем руководил действиями дежурных сил. Поднятый в воздух дежурный экипаж МиГ-23 (старший лейтенант Пучнин) в 14.51 был

выведен в зону, в которой находился до 15.00, так как начальник смены РЦ ЕС УВД (региональный центр единой системы управления воздушным движением) Ленинградской зоны полковник Тимошин дал разрешение на вход истребителей в зону ответственности ВВС ЛенВО только в 15.00 на высоте 2100 м (разрешение с КП 14-й д ПВО было запрошено в 14.48 и только в 15.23 уже при управлении с ПН (пункта наведения) 54-го К ПВО (Керстово) летчик был подведен к цели для ее опознавания.

Наведение в район цели осуществлялось первоначально на высоте 2000 м, цель при этом следовала на высоте 600 м. Фактически истребитель шел в условиях 10-балльной облачности (нижняя кромка – 500–600 м, верхняя – 2500–2900 м). Не обнаружив цель при первом заходе, при повторном наведении в 15.28 на высоте 600 м летчик визуально ниже себя на 30–50 м обнаружил цель и передал на ПН (пункт наведения) ее характеристику: «Легкомоторный самолет белого цвета типа Як-12».

Никакой конкретной задачи, кроме опознавания, летчику не давалось, несмотря на наличие по маршруту полета достаточного количества аэродромов, пригодных для посадки истребителя, по остатку топлива он был возвращен на аэродром вылета Тапа.

Дальнейшие действия КП (командных пунктов) 6-й ОА ПВО и 54-го К ПВО были безграмотными. О типе цели было доложено на КП 6-й ОА ПВО, однако никакого решения КП по тому докладу принято не было. Было дано разрешение на увод истребителя от цели, хотя остаток топлива обеспечивал еще один заход для более полного опознавания цели, а самое главное – определения ее госпринадлежности. Сигнал «Ковер» объявлен не был.

В 15.31 был поднят второй истребитель с аэродрома Тапа. Повторился прежний порядок наведения. Только в 15.40 от центра ЕС УВД было получено разрешение на вход истребителя в зону ответственности ВВС ЛенВО. В 15.58 на высоте 1500 м летчик был выведен в район цели. Бортовой прицел не включался, визуально летчик цель не обнаружил.

Отсутствие четкого взаимодействия с центром ЕС УВД, безграмотные действия КП 6-й ОА ПВО по наведению истребителей, неумение четко и грамотно поставить задачу экипажам, а также центру ЕС УВД об освобождении воздушного пространства для выполнения боевой задачи истребителями привели к неоправданной потере времени и в конечном счете к невыполнению боевой задачи.

Радиотехнические войска армии не выполнили своей задачи по устойчивой проводке цели, хотя сил и средств было достаточно, а возможности их обеспечивали ее проводку.

Дальнейшие подъемы истребителей в 15.54 и 16.25 с аэродрома Лодейное Поле были осуществлены по ложной цели – метеообразованиям – и были бесполезны, так как цель в это время находилась в другом районе.

В 16.30 командующий 6-й ОА ПВО лично информировал ОД КП МО ПВО (оперативного дежурного командного пункта Московского округа противовоздушной обороны) об обстановке. По этой информации в 16.32 были включены РЛС 2266-го радиотехнического батальона (Старая Русса), переведены в готовность № 1 дежурные экипажи на аэродромах Андреаполь и Хотилово.

Подъем двух истребителей МО ПВО (Московского округа противовоздушной обороны) к обнаружению цели не привел, так как их вывод осуществлялся в район ложной цели, предположительно метеообразований.

В 16.16 самолет-нарушитель был обнаружен дежурной РЛС 1074-й отдельной радиолокационной роты (Ямник) 3-й радиотехнической бригады (Ржев) 2-го корпуса ПВО (Ржев) и данные по нему до 16.47 выдавались автоматизировано на КП радиотехнического батальона.

Непосредственно на КП 2-го К ПВО на аппаратуре «Протон-2» имелись данные проводки самолета-нарушителя с 16.18 до 16.28, однако из-за низкой подготовленности расчетов эта информация не использовалась.

В период с 17.36 до 17.45 находившийся на КП заместитель командующего МО ПВО генерал-лейтенант Бражников Ю. Т. поставил задачу на приведение в готовность № 1 дежурных сил ЗРВ 2-го К ПВО и на поиск цели РПЦ ЗРК С-200. Самолет-нарушитель обнаружен не был, так как к этому времени прошел границу ответственности 2-го К ПВО. Задачи 1-й А ПВО ОН (армия противовоздушной обороны особого назначения) не ставились».

Информация к размышлению № 2

Войска противовоздушной обороны СССР во второй половине 70-х развивались настолько стремительно, что в экспертном сообществе США и НАТО признавали их превосходство над подобными системами других стран мира. Даже отдельные неудачи частей и соединений противовоздушной обороны СССР в локальных конфликтах не могли поколебать очень высокую репутацию системы ПВО Советского Союза в целом.

Накануне перелета Руста

В эти годы завершалось переоснащение Войск ПВО на новейшие по тем временам вооружение и военную технику. В части и соединения поступали перспективные зенитные ракетные комплексы, системы управления войсками и оружием, радиолокационные устройства, авиационные комплексы перехвата и средства связи. Было сдано в разработку и проходило испытание очередное поколение вооружения и военной техники ПВО.

Система ПВО страны в этот период начала приобретать качественно новые черты. Кроме основных функций по уничтожению сил массированного ракетно-авиационного нападения, у противовоздушной обороны СССР появились новые. Ей предстояло стать элементом реального сдерживания потенциальных агрессоров от воздушных атак. По существу она представляла собой единый автоматизированный организационно-технический комплекс, который находился в постоянной боевой готовности и непрерывно совершенствовался. Главное внимание при этом уделялось приграничным подразделениям, частям и соединениям ПВО. Они традиционно находились в высшей степени напряжения, и спрос за упущения в боевой службе с них был особый.

Воздушные рубежи СССР в годы холодной войны постоянно подвергались проверкам на прочность. В середине 70-х настоящим бичом системы ПВО СССР в Северо-Западном регионе стали нарушения госграницы легкомоторными самолетами (типа Cessna, Beechcraft, Piper и др.) со стороны Финляндии. Как правило, причиной того была потеря ориентировки летчиками-любителями. Однако только легкими самолетами дело не обходилось. 20 апреля 1978 года в районе Кольского полуострова госграницу пересек пассажирский самолет Boeing-707 южнокорейской авиакомпании KAL. После безуспешных попыток принудить самолет к посадке командующий 10-й армией ПВО принял решение применить оружие. Истребитель ПВО Су-15 открыл огонь на поражение и повредил левую консоль крыла лайнера. Тот совершил вынужденную посадку на лед озера Колпийярви в районе города Кемь. От взрыва ракет и при посадке на лед погибли два пассажира и несколько человек получили ранения. Действия командования ПВО впоследствии были признаны правильными. Все участники перехвата представлены к государственным наградам.

В середине 70-х влиятельная группа высших руководителей Министерства обороны замыслила очередную реформу ПВО СССР. Планами реформаторов предусматривалась передача большей, лучшей и наиболее боеспособной части Войск ПВО в состав приграничных военных

округов. Подобные организационные мероприятия неизбежно вели к фактическому разрушению отработанной системы управления Войсками ПВО, уклада их жизни и деятельности, снижению боеспособности ПВО страны в целом.

Главкомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза Павел Федорович Батицкий самым решительным образом выступил против новаций. О своей позиции он неоднократно заявлял министру обороны СССР, докладывал на заседаниях коллегии Минобороны, подготовил служебную записку в ЦК КПСС. Однако его аргументы не были приняты во внимание высшими партийными и государственными руководителями того времени. Долго и настойчиво Батицкий искал возможность доложить свои соображения лично Леониду Ильичу Брежневу. Однако тяжело больной в то время генсек так и не удостоил маршала аудиенции.

В итоге летом 1978 года было принято решение о передаче значительной части Войск ПВО страны в состав ряда военных округов. По существу в административно-хозяйственные структуры, каковыми на практике были военные округа (да и являются в настоящее время), отдавались полнокровные корпуса и дивизии ПВО. Передача проходила в неоправданной суете. При этом расформировывались укомплектованные опытными кадрами штабы приграничных армий ПВО с их инфраструктурой. Подобные реформы быстро разрушили сложную систему управления, создававшуюся в течение десятилетий. Резко снизились профессиональный уровень руководства войсками и в целом боеспособность частей и соединений. Не имея реальных возможностей противостоять уже принятым решениям, маршал Батицкий подал рапорт об освобождении его от должности главнокомандующего Войсками ПВО страны. Эту просьбу поспешно удовлетворили 28 июля 1978 года.

В итоге единый отлаженный организационно-технический комплекс системы ПВО страны прекратил существование и оказался расчлененным на отдельные фрагменты и группировки. В ходе реформы 1978-го было уволено в запас значительное число генералов и старших офицеров оперативного звена. Это, естественно, отрицательно повлияло на качество и профессионализм управления войсками. Забегая вперед, надо отметить, что только через несколько лет было принято решение все вернуть в исходное состояние, но оказалось слишком поздно. Измерить ущерб, нанесенный необдуманными действиями военно-политического руководства страны того периода, просто невозможно.

А напряженность в сфере охраны госграницы не спадала. В частности,

в начале 80-х на Дальнем Востоке операторы Войск ПВО сопровождали на экранах РЛС вблизи границ более трех тысяч воздушных объектов ежегодно. Трагической кульминацией этого вызова стало проникновение 1 сентября 1983 года в воздушное пространство СССР южнокорейского авиалайнера Boeing-747, закончившееся гибелью множества людей. После этого Советский Союз был объявлен «империей зла».

На внеочередной сессии ИКАО было принято дополнение к третьей статье Чикагской конвенции 1944 года «О международной гражданской авиации», которое запрещало сбивать гражданские самолеты вне зависимости от того, над территорией какого государства они оказались.

Однако и после трагического инцидента 1 сентября 1983-го напряженность на границах СССР не спадала. Вторжение в воздушное пространство страны самолетов-нарушителей приняло чуть ли не массовый характер. В период 1984–1987 годов регистрировались десятки нарушений госграницы легкомоторными самолетами, планерами, воздушными шарами и прочими летательными аппаратами. И все это на фоне неумещающегося числа плановых разведывательных полетов вдоль наших границ.

После событий 1 сентября 1983 года руководителями государства принимается политическое решение об ограничении применения оружия Войсками ПВО. Приказом министра обороны было запрещено открывать огонь на поражение по пассажирским, транспортным и легкомоторным самолетам. В то же время предписывалось всеми силами и средствами принуждать их к посадке. Этот документ ситуацию не упростил, а скорее усложнил.

Командиры объединений и соединений ПВО стали заложниками принятых решений политического характера. Ведь процедура принуждения к посадке нарушителя госграницы однозначно не определена и до сегодняшнего дня. Если осуществлять разбор нарушения государственной границы 28 мая 1987 года без учета этих обстоятельств, то объективный анализ ситуации и действий дежурных сил ПВО СССР вряд ли станет возможным.

Руст пересекает госграницу

Утром 28 мая 1987 года в аэропорту «Мальме», близ Хельсинки, Матиас Руст подготовил к вылету свой моноплан Cessna-172R, на котором за сутки до этого он прилетел из Гамбурга. В полетных документах конечной точкой маршрута значился Стокгольм.

В 13.10, получив разрешение, Руст произвел взлет и направился по

запланированному маршруту. Через 20 минут полета доложил диспетчеру, что на борту у него порядок, и традиционно попрощался. После чего, выключив бортовую радиостанцию, круто развернул самолет в сторону Финского залива и начал снижение до высоты 80—100 метров. Этот запланированный маневр должен был обеспечить надежный выход самолета из зоны наблюдения диспетчерского радара и скрыть истинный маршрут полета. На этой высоте Матиас направился в расчетную точку Финского залива вблизи воздушной трассы Хельсинки – Москва. Развернув самолет в сторону первого наземного ориентира на побережье Советского Союза (сланцевый комбинат города Кохтла-Ярве с его дымами, которые видны за сто километров) и сверив показания радиокompаса с расчетными, Руст лег на «боевой курс». Погода на этом участке полета была благоприятной: облачность – слоисто-кучевая, 4–5 баллов, ветер – северо-западный, 5—10 метров в секунду, видимость – не менее 15–20 километров. Так начиналась первая фаза полета нарушителя госграницы.

В 14.10 над территориальными водами Советского Союза дежурной радиолокационной ротой (РЛС П-15) близ эстонского поселка Локса был обнаружен неопознанный легкомоторный самолет, который приближался к береговой черте. По инструкции воздушному объекту был присвоен очередной номер и признак «нарушитель режима полетов», поскольку на тот момент заявок на полеты малой авиации в этом районе не было. Курс самолета практически совпадал с направлением оживленной воздушной трассы Хельсинки – Москва, где в верхних эшелонах воздушного пространства находилось несколько самолетов.

Расчет командного пункта 14-й дивизии ПВО приступил к уточнению и анализу воздушной обстановки. Было принято решение: до полного выяснения ситуации информацию «наверх» не выдавать. Над территорией Эстонии в этот момент находилось не менее 10 легкомоторных самолетов самой различной ведомственной принадлежности. Ни один из них не был оборудован системой государственного опознавания. На командные пункты частей и дежурных подразделений 14-й дивизии были вызваны смены усиления.

Уже на этом этапе начали проявляться последствия расчленения единой системы управления Войсками ПВО страны. Раньше неременным условием функционирования системы ПВО было наличие прямых и надежных каналов связи с гражданскими диспетчерами системы управления воздушным движением. Информация по целям на вышестоящие командные пункты выдавалась практически с первой засечки. Теперь вместо прямых каналов связи существовала сеть

коммутаторов, которая буквально «съедала» драгоценное время. Был нарушен и «святой принцип границы» – немедленная выдача информации по цели до выяснения ситуации.

Это свидетельство того, что за пять лет пребывания 14-й дивизии ПВО (КП – город Таллин) в составе ПрибВО были утрачены необходимые знания и навыки работы расчетов в экстремальных условиях, которые отрабатывались годами постоянной учебы и тренировок. И в данный момент (28 мая 1987-го) уровень подготовки расчетов не соответствовал условиям складывающейся воздушной обстановки. Этот печальный факт породил в дальнейшем цепную реакцию серьезных ошибок на других уровнях управления.

В течение 19 минут расчет безуспешно пытался разобраться в складывающейся воздушной обстановке, а самолет Руста тем временем приближался к Чудскому озеру. В 14.27 командир 656-го истребительного авиационного полка (город Тапа), оценив обстановку, своим решением поднял в воздух дежурную пару истребителей МиГ-23 с задачей одному из них перекрыть границу, другому – визуально опознать нарушителя режима полетов. И здесь потребовалось время, чтобы согласовать с диспетчерами УВД допуск истребителя в район поиска, поскольку действия дежурных сил ПВО осуществлялись в зоне воздушной трассы.

В 14.28 окончательно выясняется, что гражданских самолетов малой авиации в этом районе нет. В 14.29 оперативный дежурный командного пункта 14-й дивизии ПВО принял решение о присвоении нарушителю «боевого номера» 8255, о выдаче информации «наверх» и объявлении готовности № 1.

Так на командном пункте 6-й армии ПВО появилась информация о цели 8255. Командующий 6-й ОА ПВО генерал Герман Кромин перевел в готовность № 1 все соединения и части 54-го к ПВО. Командиры трех зенитных ракетных дивизионов 204-й гв. збр (н. п. Керстово), находившихся на маршруте полета Руста, доложили, что цель наблюдают и готовы к пуску ракет.

Тем временем в связи с неожиданным исчезновением с экрана диспетчерского радар аэропорта «Мальме» отметки от самолета диспетчер попытался связаться с Матисом Рустом. После нескольких безуспешных попыток самолет был объявлен терпящим бедствие и в предполагаемый район падения направлены спасатели. Поиски продолжались несколько часов. Позже с Руста взыщут около 100 тысяч долларов за «оказанные услуги».

В 14.30 по маршруту полета Cessna-172R погода резко ухудшилась.

Усилился ветер, нижний край сплошной облачности опустился до 70—100 метров, видимость упала до 600–700 метров, местами начал моросить дождь. Руст принял решение уйти со снижением под нижнюю кромку облаков и изменить курс в район запасного ориентира: железнодорожного узла станции Дно. В этом направлении видимость была лучше.

В ходе этого маневра в 14.30 (всего через минуту после получения первых данных о цели) на командном пункте 6-й армии ПВО цель была потеряна. Однако трасса в автоматизированной системе продолжала существовать. В соответствии с ТТХ система поддерживает трассу, ее номер и все параметры движения в течение почти двух минут. И если хотя бы одно донесение о цели поступает в этом временном интервале, сопровождение цели не прерывается. Это результат многолетней работы конструкторов, военных ученых и испытателей АСУ. Изначально задумывалось избежать случайных потерь трасс воздушных объектов.

Утрата радиолокационного контакта с самолетом Руста произошла на стыке границ ответственности двух соединений ПВО – 14-й дивизии и 54-го корпуса, где слаженность расчетов командных пунктов играет важную, если не решающую роль. В 14.31 цель снова появилась на экранах радаров одной из радиолокационных рот, но уже в 20 километрах к западу от прежнего маршрута цели 8255 на предельно малой высоте. Это затрудняло ее устойчивое наблюдение. Информацию по ней решили не выдавать, чтобы не вносить помех в сложную и без того обстановку. Тем более цель выходила из зоны обнаружения радиолокационной роты и входила в зону ответственности соседнего соединения.

Десятью минутами раньше, в 14.21 в районе Чудского озера на экранах дежурных радаров появилась отметка с направлением движения: Гдов – Малая Вишера. В 14.24 информацию по этой цели начали выдавать «наверх». С 14.25 отметка стала наблюдаться неустойчиво и в 14.28 сопровождение воздушного судна было прекращено. В 14.31 этим же подразделением обнаруживается цель с прежними параметрами, но выдается «наверх», как и положено, с другим номером.

И вот вся эта чертовщина совмещается во времени и пространстве. Даже подготовленному человеку, глядя на план-схему – результат детального многодневного анализа – бывает трудно понять, что же происходило тогда, 18 лет назад, в небе и на земле.

А происходило следующее. В 14.31 в результате скоротечного анализа обстановки принимается решение, что цель 8255 изменила курс на 60°. Путем ввода в ЭВМ сложной корректуры расчет заставил «автомат» в это поверить. Дивизионы получили новые целеуказания, но цель 8255 так и не

обнаружили. С этого момента, как потом выяснилось в ходе расследования, системой вместо цели 8255 сопровождался долгоживущий метеорологический объект (или их плотная группа).

Здесь требуются некоторые пояснения. В середине 70-х, когда на вооружение РТВ ПВО начали поступать мощные высокопотенциальные локаторы, уже в ходе их полигонных испытаний стали обнаруживаться отметки с параметрами движения, соизмеримыми с характеристиками легкомоторных самолетов. Их шутливо окрестили эхоангелами. Это явление вызвало серьезные трудности при автоматизированной обработке информации. Если даже оператор их плохо различает, как научить «автомат» работать без ошибок? Тут уже было не до смеха.

В ходе серьезных исследований и массы экспериментов было установлено, что РЛС за счет высокого излучающего потенциала могут наблюдать специфические метеорологические объекты. Это вихревые образования, которые формируются из вертикальных восходящих потоков воздуха, особенно при заметной разнице температур на границе земной и водной поверхности. Это явление весьма характерно для весеннего периода в средних широтах и при движении мощного теплого фронта. Физика источников энергии таких вихрей (при их длительном существовании в атмосфере) до сих пор до конца не изучена. Кроме того, сезонная миграция плотных стай птиц создает очень похожий эффект. Операторам РЛС требовалась помощь в распознавании объектов такого класса. Для органов управления Войск ПВО были разработаны подробные методики и инструкции.

Вновь сопровождаемая цель 8255 имела высоту 1200 метров, среднюю скорость 85 километров в час. Значительные изменения параметров цели в течение всего лишь одной минуты не насторожили расчет и остались без должного внимания. Очевидно, что и в этом эпизоде операторам явно не хватило квалификации. Это было скорее не их виной, а бедой системы. Ведь расчеты, допущенные к боевому дежурству, сдают соответствующие зачеты и экзамены. Значит, кто-то их в свое время должным образом не выучил. Пожалуй, и здесь просматриваются последствия потери профессиональных кадров в ходе реформы Войск ПВО страны в 1978 году.

В 14.36 пилот истребителя МиГ-23 старший лейтенант Пучнин (аэродром Тапа) обнаружил самолет Матиаса Руста и доложил: «В разрывах облаков наблюдаю спортивный самолет типа Як-12 с темной полосой на борту». Визуальный контакт был кратковременным из-за плотной облачности. Больше обнаружить самолет Матиаса не удалось. В ходе следствия Русту задавали вопрос: «Видели ли вы истребитель?».

Матиас ответил: «Да, видел и даже поприветствовал его, но он (истребитель) никаких сигналов мне не подавал, а радиостанция моя была выключена». Доклад пилота МиГ-23 был принят, но остался без внимания. Посчитали, что обнаруженный самолет принадлежит одному из местных аэроклубов, где в это время осуществлялись плановые полеты.

В 15.00 решением командующего 6-й армией ПВО с аэродрома Громово была поднята в воздух дежурная пара истребителей с задачей установить тип и государственную принадлежность цели 8255. По маршруту полета цели погода не радовала. Теплый фронт передвигался на юго-восток. Облачность сплошная, местами дожди, нижний край облаков – 200–400 метров, верхний край – 2500–3000 метров. Поиск осуществлялся в течение 30 минут. Опускаться в облака истребителям запретили, это было слишком опасно. С зенитных ракетных дивизионов стали поступать доклады, что по новым целеуказаниям цель 8255 не обнаружена. В 15.31 командующим армией было принято решение – цель 8255 представляет собой плотную стаю птиц. Об этом и было доложено на ЦКП Войск ПВО.

Однако в действующих методиках и инструкциях содержались необходимые сведения о том, какие виды птиц и в какое время суток могут летать в тумане и облаках, а также при каких обстоятельствах плотная стая может изменить направление полета. Если руководствоваться этими рекомендациями, то самолет Руста никак нельзя было отождествить с птичьей стаей.

В зоне ответственности Московского округа ПВО

К 15.00 Руст приблизился к железнодорожному узлу станции Дно. Погода к этому времени улучшилась. Над точкой пересечения железных дорог он снова изменил курс и дальше держал его до самой Москвы.

В 15.05 аэроплан Руста уже находился в границах ответственности соединения Московского округа ПВО – 2-го корпуса ПВО (город Ржев). Его маршрут проходил через пилотажные зоны авиационного полка ВВС, где шли плановые полеты. В воздухе находилось одновременно до 12 истребителей. В 15.00 в соответствии с графиком изменился код системы государственного опознавания. Поскольку этот процесс (технически всего лишь переключение тумблера) выполняется экипажами в воздухе и расчетами на земле, то процедура занимает какое-то время. Как правило, не более одной-двух минут.

В данном случае (с истребителями иап ВВС) процесс затянулся непозволительно надолго. С вышестоящего командного пункта требовали немедленно разобраться с ситуацией, так как пять из двенадцати

истребителей начали сопровождаться системой без сигнала опознавания «Я – свой самолет». Система в этом случае дает рекомендации по смене текущих номеров на «боевые» и готовит данные для целеуказания зенитным ракетным дивизионам и пунктам наведения авиации. Расчет командного пункта соединения ПВО пытался связаться с руководителем полетов иап, чтобы дать команду увлекшимся молодым пилотам на смену кода. Из-за отсутствия прямых каналов связи это удалось сделать только через 16 минут.

В Московском округе ПВО в это время командиры и личный состав находились в ожидании плановой проверки дежурных сил с участием контрольных целей. Суть подобной проверки заключается в следующем. По заранее разработанному и согласованному плану на одном из самолетов, находящихся в воздухе, по команде выключается система государственного опознавания. Руководитель проверки объявляет эту цель контрольной. Ей присваивается «боевой» номер и осуществляются все необходимые действия дежурных сил с анализом и выставлением оценки по материалам объективного контроля.

Для того чтобы не вносить дополнительную сумятицу в воздушную обстановку, оперативный дежурный командного пункта соединения дал команду руководителю расчета системы автоматизации подразделения: «Присвоить всем истребителям признак «Я – свой самолет». На возражения офицера, что подобные указания противоречат инструкции, его отстраняют от несения боевого дежурства. В конечном итоге молодой лейтенант команду выполняет. Самолету Руста тоже присваивается признак «Я – свой самолет». Таким образом, в 15.10 немецкий пилот, сам того не подозревая, временно получил легальную прописку в воздушном пространстве СССР.

К 16.00 в районе города Осташкова самолет Руста вошел в зону обнаружения следующего по маршруту полета подразделения РТВ и лишился временной прописки. Информация по самолету снова выдавалась без признака «Я – свой самолет». Опять долгое выяснение ситуации и снова присвоение необходимого признака и дальнейшая легализация полета.

Матиас в это время находился в 40 километрах западнее города Торжок, где накануне произошла авиакатастрофа. В воздухе столкнулись два самолета – Ту-22 и МиГ-25. На месте падения фрагментов машин работали несколько групп спасателей и специалистов по расследованию происшествия. К месту катастрофы люди и грузы доставлялись вертолетами авиационной части в районе города Торжок. Один из

вертолетов находился в воздухе в роли связного ретранслятора. В 16.30 самолет Руста отождествили с винтокрылой машиной. Поэтому никакого беспокойства он на этом участке полета ни у кого не вызвал.

Воздушная обстановка в зоне обнаружения следующего подразделения, куда вошел самолет Матиаса, была тоже напряженной. Здесь боролись с пресловутыми долгоживущими метеорологическими объектами. Они наблюдались на экранах индикаторов РЛС уже в течение 40 минут (причем по несколько одновременно). Все объекты двигались на юго-восток. Здесь Руст вновь попал «под амнистию» – был снят с сопровождения как метеорологический объект. Это случилось уже на выходе из зоны обнаружения подразделения.

Тем не менее на командном пункте заметили курсовое отличие этой трассы от ранее сбрасываемых с сопровождения воздушных объектов. В 16.48 решением командира 2-го корпуса ПВО были подняты два дежурных истребителя с аэродрома Ржев с задачей – поиск самолетов малой авиации или других летательных аппаратов юго-восточнее города Старица. Полагали, что настороженность в ходе плановой проверки не будет лишней. Поиск результатов не дал.

В 17.40 самолет Матиаса попал в зону действия радаров Московского аэроузла. Это серьезно угрожало безопасности воздушного движения в Московской авиационной зоне. В плане самолет не значился, осуществлял полет с нарушениями правил, связи с экипажем не было. До выяснения ситуации администрация аэропорта «Шереметьево» прекратила прием и отправку пассажирских лайнеров. Этому факту средства массовой информации в то время почему-то приписали какую-то загадочность, вплоть до предварительного сговора «Шереметьева» с Рустом.

При согласовании плана совместных действий с командованием Московского округа ПВО было принято решение о том, что гражданская авиационная администрация сама справится с нарушителем режима полетов. Но когда обнаружили, что нарушитель уже в городской черте Москвы, где полеты вообще запрещены, что-либо говорить или делать было уже поздно.

В 18.30 самолет Руста появился над Ходынским полем и продолжил полет к центру города. Решив, что приземлиться на Ивановской площади Кремля невозможно, Матиас предпринял три безуспешные попытки приземлиться на Красной площади. Размеры последней позволяли это сделать, но на брусчатке находилось много людей. И, как говорил сам Руст на следствии, «хотя я сигналил, включив посадочное освещение и покачивая крыльями, туристы на площади меня не поняли».

После этого он принял рискованное решение – приземлиться на Москворецком мосту. Развернувшись над гостиницей «Россия», начал снижение над улицей Большая Ордынка, включив посадочные огни. Постовой службы ГАИ во избежание аварии на мосту включил красный свет светофора. Посадку на мосту Руст выполнил мастерски, если учесть, что ему пришлось снайперски попасть в область между соседними поперечными растяжками контактной троллейбусной сети. Это произошло в 18.55. Подрулив к Покровскому собору и выключив двигатель, Матиас вышел из самолета в новеньком красном комбинезоне, поставил колодки под шасси и принялся раздавать автографы.

Нельзя не пролить свет еще на два мифа, возникших в то время. Кто-то из исследователей-любителей, приложив линейку к карте, задался вопросом: почему маршрут протяженностью 850 километров при средней скорости самолета 220 километров в час Руст преодолел за 5 часов 50 минут? Следовательно, должен был приземлиться на 1 час 30 минут раньше. Сразу появилась версия о том, что он где-то производил посадку и, может быть, даже не одну. Кто-то вспомнил, что видели его в аэропорту «Хельсинки» перед вылетом в джинсах и зеленой рубашке, а выходил он из своего самолета в Москве в красном комбинезоне. Следовательно, переоделся во время посадки.

На самом деле все гораздо проще и прозаичнее. Расстояние, которое Руст преодолел на своей Cessna-172R, составило 1220 километров, средняя скорость полета, учитывая переменный высотный профиль, – 210 километров в час. На выходе имеем 5 часов 50 минут. Это находится в строгом соответствии и с материалами объективного контроля. Кстати, после приземления горючего в баках самолета Руста оставалось еще на два часа полета. Так что пилот мог не заботиться об экономии топлива.

С красным комбинезоном еще проще. Подготавливая самолет к вылету в Хельсинки, аккуратный немец боялся испачкать специально приобретенный для этого полета новый комбинезон. Руст надел поверх его джинсы и рубашку, которые перед вылетом снял. Полет он осуществлял в новом красивом комбинезоне. Ведь он (по его мнению) летел в Москву как посланец мира.

В ходе полета Руста происходили разного рода случайные события и их самые причудливые наложения. Любое из них могло привести к прекращению перелета или изменению его целей. Только один пример – опасный грозовой фронт в начале полета Руста мог бы все радикально изменить. Однако этого не произошло – задуманный перелет завершился успешно.

Последствия

Среди причин полета Матиаса Руста в свое время доминировали две версии. Первая заключалась в том, что полет спланирован Западом, чтобы помочь Михаилу Горбачеву осуществить кадровую реформу в высших эшелонах ВС СССР и отстранить от власти консервативное руководство армии во главе с маршалом Соколовым. Вторая версия квалифицировала полет Руста как разведывательный. Обе версии слишком уж изящны, чтобы быть правдой. Вторая сразу отпала в ходе следствия.

Что еще выявилось при расследовании? Очевидным стало серьезное несовершенство правовой основы для действий дежурных сил Войск ПВО страны. Фактически ДС стали заложниками серьезных просчетов политиков и высших должностных лиц Минобороны. Возникли непреодолимые противоречия между задачами, возложенными на Войска ПВО, и ограниченными правами руководящего состава в применении сил и средств. Помимо всего прочего, не было критериев оценки действий своих войск в экстремальных ситуациях. Во многом беды коренятся в непродуманной и непрофессиональной реорганизации Войск ПВО в 1978 году. Можно с полным основанием заявить: если бы не было 1978-го, то и не было бы событий 28 мая 1987 года.

После пролета Руста виновные нашлись почти сразу. Были сняты со своих постов три Маршала Советского Союза и около трехсот генералов и офицеров. Двое из них осуждены. Такого кадрового погрома армия не знала с 1937 года. К руководству Вооруженных Сил и видов ВС пришли люди, на порядок (а то и на два) уступающие по своим профессионально-деловым и моральным качествам снятым маршалам и генералам. По мнению многих экспертов, деградация ВС СССР началась именно после Руста. Во многом это было связано с качествами новых назначенцев.

В качестве выводов

«Полковнику, который чуть не сбил Руста», эти два текста надо внимательно прочитать. Выучить. Может быть, даже законспектировать. И в своих воспоминаниях как-то их придерживаться. И в дальнейшем, не прибегая к самодеятельности, цитировать выдержки именно из этих двух материалов. И правильно рассказывать армейские прибаутки, которые полковник так и не освоил до сих пор. Несколько слов о себе. 28 мая 1987 года я был заместителем командира 219-го зенитного ракетного полка (н. п. Малиновка Выборгского района Ленинградской области) 54-го корпуса ПВО 6-й ОА ПВО. Более того, в тот день я исполнял обязанности командира, поскольку командир части полковник Юшин М. М. находился в плановом отпуске.

Наш полк (пятиканальный С-200ВМ) дислоцировался очень далеко от трассы перелета Матиаса Руста (где Кохтла-Ярве и где мы – Выборгский район). Несмотря на то, что задача по поиску и обнаружению самолета была поставлена и нам, мы своими пятью лучами РПЦ С-200 обнаружить Руста просто в силу кривизны земной поверхности не могли.

Обстановка на КП корпуса была спокойная. Она нам тогда представлялась как обычная работа по реальным целям, ничего более. В тот момент просто никто не представлял, чем все это в конечном счете закончится. Командир корпуса генерал Корняков (его до сих пор тепло вспоминает весь личный состав) действиями подчиненных руководил уверенно. А о том, что Руст сел на Красную площадь, мы узнали не то на второй день, не то на третий. Далеко не сразу. Во всяком случае не в тот же вечер. И начался кадровый погром. Причем пострадали наиболее подготовленные и квалифицированные генералы и офицеры, которые на своих постах могли бы принести еще много пользы стране и армии. Руководство нашего 54-го корпуса ПВО красиво попрощалось с подчиненными (командир, заместитель, начальник штаба). С командного пункта по громкой связи поблагодарили за службу, пожелали всего доброго, просили не поминать лихом.

Глава 4

Военная история

Военно-историческое беспамятство

История сражений и операций минувших войн отечественными генералами и офицерами не изучается.

Практически любая война в России начинается по меньшей мере с двух вещей – кадровой катастрофы и полного незнания исторических уроков. С началом очередного военного конфликта подчас складывается впечатление, что ни одной минуты в прежние времена страна и армия не воевали. О причинах кадровой катастрофы мы поговорим в другой раз, а сегодня – почему в Вооруженных Силах России не задерживается никакой положительный военный опыт.

«Если хотите знать, как ведутся сражения, – говорил Наполеон, – изучите 83 сражения, данных великими полководцами». Но в наших военных академиях и училищах не изучается ни одного сражения (операции), причем даже великие победы отечественной армии. Что уж тут говорить о поражениях – пяти штурмах Старой Руссы, шести штурмах Синявина, кровавой мясорубке под Ржевом (в сравнении с которой Верден и Сомма – легкие перестрелки), а также Киевской, Вяземской и Харьковской катастрофах.

Но есть примеры и другого рода в нашей истории. В частности, к 15 годам будущий великий русский полководец Александр Суворов изучил походы Александра Македонского, Цезаря, Ганнибала, Густава-Адольфа, Тюренна, Евгения Савойского, историю военную и общую, географию, философию, иностранные языки.

Сегодня в Российской армии, пожалуй, нет ни одного военачальника, обладающего знаниями военной истории в суворовском объеме. Можно легко провести финансово малозатратный эксперимент: посадить в класс 15–20 высших офицеров и провести с ними мини-ЕГЭ по «суворовским» вопросам военной истории. То-то смеху будет на выходе. Сцены в классе ярко напомнят кадры из фильма-шедевра 30-х годов «Чапаев»: «Густав-Адольф? Кто такой Густав-Адольф? Почему не знаю?». Ручаюсь головой – сдавших этот экзамен среди военачальников не будет. Ибо в детстве генерал этого не учил, в военном училище такого предмета не было, а академии вида Вооруженных Сил соответствующих знаний не дают, как не преподают подобные уроки и в Военной академии Генерального штаба.

Казалось бы, у России богатейшая военная история – бери, изучай, творчески применяй на практике. Но, к примеру, страна и армия вступили

во Вторую мировую, не усвоив и творчески не переработав опыт Первой мировой и Русско-японской войн. Начали первую чеченскую кампанию, полностью забыв опыт практически только что завершившейся (по историческим меркам – вчера) афганской войны. И не раз за подобное отношение к собственной военной истории были биты и наказаны, причем иногда самым жесточайшим образом.

Учебники, пособия, мемуары

Возвращаясь к вышесказанному, отметим еще раз: в российских военных академиях (включая между прочим и Военную академию Генерального штаба) опыт войны не изучается вовсе, а кафедры истории военного искусства разогнаны за ненадобностью.

Невеселая получается картина. До Великой Отечественной наши военные в основном изучали разве что псевдоисторию Гражданской войны, а после 1945-го военная история окончательно превратилась в разновидность спецпропаганды. Несмотря на большое число чиновников от военной истории (типа воскуривателей фимиама и как бы разжигателей лампад) и появление разного рода обществ, количество хороших книг по военной истории, имеющих практическое значение для наших командиров и командующих, ничтожно мало (есть ли они вообще – отдельный вопрос).

Поразительное дело, но книги по военной истории сегодня, как правило, пишут те, кто не служил и тем более не воевал, не командовал частями, соединениями, объединениями, не имеет опыта проведения даже батальонного тактического учения с боевой стрельбой. Вот типичный портрет молодого военного историка наших времен: в армии не служил ни одной минуты, естественно, не воевал, а сытая физиономия не вписывается в железнодорожный габарит 0-2Т. Но тем не менее этот Жилин нашего времени (был такой знатный фальсификатор в советские времена) пытается просто с чрезвычайной степенью дилетантства анализировать фронтовые операции минувшей войны и при этом обильно раздавать глупые советы пополам с банальными нравоучениями.

Что касается военных мемуаров советского времени, то на них лучше даже не останавливаться. Они являются не чем иным, как бессмысленным и бесполезным переводом бумаги. Ничего поучительного (за редчайшим исключением) из них извлечь нельзя. Поразительно, но дело мало изменилось и сегодня.

И в настоящее время в мемуарной литературе недостатка нет. Но удивительное дело, все недостатки советского периода в новых книгах приумножились и расцвели буйным цветом. Ничему толковому и

современная мемуарная литература, как правило, не учит. И самое главное – правды там не найдешь, как ни старайся. Железным правилом при написании мемуаров все-таки должно быть: не можешь сказать правды (или сознательно не хочешь), не берись за книгу. Ведь через некоторое время, когда сменится общественно-политический фон и откроются новые обстоятельства, автор подобных сочинений будет выглядеть очень смешно. Потомки могут поставить вопрос: что же вы, батенька, так нам ввали и извивались? Неужели вас пытали, лишали сна, избивали? Вроде нет. И жизнью своей, соврамши, автор не рисковал. Так в чем же дело? А ведь больше всего автор псевдомемуаров боялся, что его за уши оттянут от кормушки с вкусными крошками.

За советские годы сложился определенный стиль военно-исторических трудов. Главное в нем и сегодня – полная бессистемность, безликость и абсолютное отсутствие возможности извлекать какие-либо практические уроки офицерам и генералам Российской армии. Про ложь, доходящую до размеров просто чудовищных, я уже не говорю. То есть таких книг по военной истории, которые носил бы постоянно с собой в полевой сумке военачальник, у нас попросту нет.

Самое главное – непонятно, для кого пишется огромное количество трудов по военной истории: то ли для детей и юношества, то ли для самих военных историков (с целью самоудовлетворения, получения званий, орденов и иных отличий), то ли для популяризации или же в качестве спецпропаганды, наконец, собственно для военных. Многих историков порой очень хочется спросить: вы, батенька, для кого все это пишете? Если для детей, то вы им пудрите мозги, а если для профессионалов, то ничего, кроме саркастического смеха, ваши убогие сочинения у военачальников вызвать не могут.

То есть в сфере военной истории необходима какая-то градация – однозначное уточнение (разграничение), для кого все это пишется. Скажем, если в качестве спецпропаганды – один подход. Если для командиров дивизий и полков – здесь, видимо, совершенно другой подход. Если для командующих оперативно-стратегическими объединениями – это уже, наверное, третий. Только не надо путать эти пока только гипотетические труды с современными учебниками по оперативному искусству, тактике, с боевыми уставами, основами подготовки и ведения операций. Это абсолютно разные вещи.

Каких у нас нет самых главных военных книг? В первую голову, разумеется, толкового учебника стратегии. Что представляет собой современный учебник по стратегии? Это книга, написанная невыразимо

скучным языком (подобная тягомотина запросто подойдет в качестве снотворного или рвотного порошка), причем собственно о стратегии там ни полслова. Так о чем же говорится в этих учебниках?

В подобного рода пособиях присутствует разного рода бормотуха о том, что такое военная опасность, ее источники, а также факторы, способствующие перерастанию этой опасности в непосредственную военную угрозу. Или что такое военная доктрина государства, ее определение, составные части и функции и т. д., и т. п. В общем, здоровый сон после пяти минут преподавания такой стратегии гарантирован.

А что такое на самом деле стратегия? Это разбор разного рода исторических ситуаций (естественно, на стратегическом уровне) и выработка рекомендаций. К примеру, вот такая-то операция. О противнике было известно то-то. Планировали то-то. Исходили из следующего. Вышло на практике то-то. И разбор альтернатив: а что, если бы поступили так. Все – исключительно на конкретном историческом материале. И подобных ситуаций должно быть приведено в книге не менее нескольких десятков (хорошо бы до сотни по разным темам). Только тогда можно сформировать приличный учебник по стратегии. И написать его должен один человек. Изложив свои изыскания живым, ярким языком. Но если за дело возьмется очередной «авторский коллектив» (с сердитым начальником во главе), то на выходе непременно получится очередная военно-историческая тухлятина. Похоже, что последний толковый учебник по стратегии написал в 30-х годах Александр Свечин. И с тех пор превзойти его так никому из отечественных авторов и не удалось.

Скажем, нет у нас военно-исторических трудов, предназначенных для командующих оперативно-стратегическими объединениями. Это касается в равной степени как Первой мировой войны, так и Великой Отечественной. Разумеется, каждое вооруженное противоборство – отдельная эпоха в военной и мировой истории. Но извлекать опыт из деятельности тех или иных военачальников крайне необходимо – что думал, как разрабатывал, из чего исходил, как осуществлял – и все с конкретными примерами и систематизированными цифрами. Нет у нас пока таких книг, чтобы, к примеру, даже во время отдыха командующего оперативно-стратегического уровня подобный труд домиком располагался у него на груди.

Нет у нас таких книг и для командиров дивизий и полков. Причем последнее вовсе не означает, что лейтенанту – командиру взвода такие пособия читать рано. Нет, они все должны находиться в самом широком доступе. Но быть ориентированы все-таки на своего конкретного читателя, именно на его уровень.

Но ничего подобного, к сожалению, у нас нет. А многотомными военно-историческими трудами, написанными историками по большей части для самих себя, любимых, никто не руководствуется. Да и по правде сказать, мало кто их читает вообще. Так, стоят в кабинетах больших начальников для украшения.

Карты военных действий

На это мало кто обращает внимание, но достоверных и самое главное – наглядных карт ведения тех или иных операций (боевых действий) нет и поныне. Причем опять-таки строго ранжированных – для фронта, армии, корпуса и дивизии, полка и даже батальона.

Что такое карта боевых действий в современном военно-историческом труде? Во-первых, никогда не складывается мнение, что ее исполнил офицер-оператор. Скорее политработник среднего звена. Во-вторых, никакой наглядности. На клочке бумаги нанесена обстановка за весьма длительный срок ведения боевых действий. На одном листочке дано четыре-пять «положений» – так обычно говорят операторы. То есть, к примеру, обстановка на 12.00 20.4.1942, на 14.00 29.4.1942, на 18.00 5.5.1942 и т. д. Иногда дается даже шесть «положений». Невероятно, но есть карты, где нанесено девять «положений». Понять и уяснить обстановку в развитии по такому наглядному пособию совершенно невозможно даже профессионально подготовленному офицеру-оператору. В-третьих, наши карты очень неточны. Если их сравнивать с аналогичными немецкими, то невольно складывается впечатление, что речь идет о разных боях и сражениях. Наконец, карт многих операций Великой Отечественной войны нет вовсе. Или они представлены таким образом, что никакой пользы из них извлечь нельзя при самом большом желании.

И никто этим вопросом всерьез не занимается. Что по Первой мировой войне, что по Второй. Казалось бы, в наш компьютерный век сделать пособие по тем или иным операциям – да нет ничего проще. С помощью анимации и мультимедиа сравнительно легко можно сделать такие вещи, которые 30–40 лет назад казались абсолютной фантастикой – вплоть до трехмерных изображений боевых действий и операций. И все дать в развитии обстановки. В цифрах и фактах. И привести все документы (причем подлинники) по операции (без изъятия).

Но эта проблема, похоже, всем по барабану. Никто не озадачивался подобными вопросами. Так что лучше в качестве вывода сказать так: достоверных и поучительных карт военных действий у нас нет. И никто этим вопросом на профессиональном уровне серьезно не занимался, не

занимается и не собирается заниматься. А то, что сделано ранее, годится только в качестве боевых листов и пособий по спецпропаганде, а не для квалифицированного обучения генералов и офицеров.

Художественная литература и кино

В пропаганде военно-исторических знаний художественная литература и кино занимают очень большое место. Один хороший фильм может заменить дивизию пропагандистов-лекторов. Но к величайшему сожалению, процентов 95 отечественных фильмов о войне следует запретить и сделать это немедленно.

Причем только по одной причине: подобные ленты – рассадники немереной глупости, являя абсолютное отсутствие соответствия реальности. Ведь посмотрев даже эпохальные военные полотна времен, скажем, развитого социализма, легко можно прийти к выводу, что фронтом (армией, корпусом, дивизией) может командовать любой дурак. А Верховному главнокомандующему достаточно заучить две-три фразы, чтобы якобы управлять сложнейшим процессом вооруженной борьбы.

А между тем «на высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадали на долю человеческого ума» (Карл Клаузевиц).

Никак до наших мастеров культуры не доходит, что полководческое дарование – талант куда как более редкий, чем поэтический и композиторский. У нас даровитых военачальников меньше, чем поэтов Серебряного века и композиторов из Могучей кучки. И изображать полководцев надо соответствующим образом, а не опускать до уровня анекдота.

В отечественной литературе есть, пожалуй, только один пример толкового и талантливой описания всего лишь одной операции Первой мировой войны – «Август четырнадцатого» Александра Солженицына. Эта книга определенно могла бы быть пособием для высшего офицерского состава нашей армии. Все остальные пробы пера отечественных авторов в этой области не дотягивают и до твердой оценки «два».

В общем, работы непочатый край. И тут, как во многих других сферах нашей жизнедеятельности, нужны и политическая воля, и крепкий первоначальный толчок (я бы даже сказал – пинок) от первых лиц государства и руководства Вооруженных Сил.

Азбука стратегий

В далекие 30—50-е годы в СССР движущей силой развития советского общества считались критика и самокритика. С точки зрения критики и прочитаем по пунктам статью генерала армии Махмута Гареева «Война без срока давности», особенно в той ее части, которая касается военной науки в целом и стратегии в частности.

Уже неоднократно говорилось и отмечалось, что в сочинениях крупных военных ученых советского периода есть некие характерные, типические черты: говорить в общем и туманно, последовательности изложения и логики при малейшей возможности избегать, историческое событие от пункта А до пункта Я не описывать, а начинать, к примеру, с пункта К и заканчивать пунктом Д, сыпать цифрами и фактами, не имеющими прямого отношения к исследуемому предмету, недоговаривать, передергивать, острые углы спрямлять, от раскрытия опасных тем (и даже их мимолетного касания) при любой возможности уклоняться. К сожалению, многое из перечисленного до той или иной степени присутствует в представленном на страницах «Военно-промышленного курьера» вниманию читателей очередном исследовании генерала армии Гареева.

Начнем вот с этого места в тексте известного военачальника. Цитата: «Возникает вопрос: если неизбежность войны была очевидной, почему же не удалось должным образом подготовить Вооруженные Силы к отражению агрессии? По этому вопросу написаны тысячи книг и статей. И все сводится в основном к двум точкам зрения.

Одни уверяют, что Сталин и политическое руководство делали все правильно. Но наши маршалы и генералы, прежде всего Павлов, оказались предателями и выполняли разработанный Тухачевским план поражения Советского Союза. Другие, в частности, международный фонд «Демократия», считают, что никакой внезапности нападения не было: Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег».

Лично для меня обе точки зрения, которые озвучил генерал армии Гареев, оказались до некоторой степени неожиданными (особенно первая – весьма и весьма, надо прямо сказать, экзотическая). Нельзя сказать, чтобы я об этом вовсе не слышал в той или иной мере, но чтобы они были основными, честное слово, не знал. Но не думаю, чтобы и ту, и другую

следовало всерьез разбирать президенту Академии военных наук. А теперь, что называется, ближе к делу.

Цитируем генерала армии Гареева дальше: «Почему же не удалось должным образом подготовить Вооруженные Силы к отражению агрессии»?

Сразу возникает вопрос: кому не удалось? Кто виноват? Председатель Совета народных комиссаров СССР (с мая 1941 года) товарищ Сталин? Нарком обороны Семен Тимошенко? Генеральный штаб и его начальник генерал армии Георгий Жуков? Как известно, у каждой недоработки, происшествия и преступления, не нами сказано, есть фамилия, имя, отчество. А у генерала армии Гареева, как обычно, все туманно – не удалось и все тут. А кому не удалось – непонятно.

Война, как известно, слишком серьезное дело, чтобы доверять ее только военным. Поэтому начнем с политического руководства страны того времени – товарища Сталина. Вначале несколько слов для справки и для понимания: именно руководство государства несет полную ответственность за состояние обороноспособности страны, мобилизационную готовность и боеспособность Вооруженных Сил. Планирование военных действий является общегосударственным делом, функцией высшего государственного и военного руководства. Оно не ограничивается только планированием подготовки и применения Вооруженных Сил, но и охватывает более широкий круг мероприятий в масштабе страны. Планирование вооруженной борьбы представляет собой разработку содержания, способов выполнения и взаимного согласования широкого круга мероприятий, проводимых государством с целью достижения победы в войне. Это, так сказать, в качестве небольшого вступления.

Что должен был сделать вождь всех времен и народов в преддверии войны? Последовательность действий товарища Сталина примерно такова. Высшее политическое и военное руководство СССР в ходе серии совещаний должно выработать РЕШЕНИЕ товарища Сталина на применение РККА в предстоящей войне.

Без этого основополагающего документа нельзя приступить к следующему чрезвычайно важному этапу – стратегическому планированию применения Вооруженных Сил (договоримся сразу – в разные годы документы стратегического планирования могли называться по-разному, однако суть их от этого отнюдь не меняется).

Итак, основой для начала стратегического планирования является решение Верховного главнокомандующего на применение Вооруженных

Сил. В нем должны быть отражены стратегические цели военных действий, стратегический замысел ведения военных действий в целом и на театрах военных действий; расчет необходимых сил и средств, их распределение по театрам военных действий; стратегические задачи Вооруженных Сил (ближайшая и дальнейшая); стратегические задачи группировок Вооруженных Сил на театрах военных действий; основы стратегического взаимодействия и обеспечения; организация системы управления, а также другие справочные материалы.

Вначале, по всей видимости, все эти вопросы обсуждались в узком кругу в кабинете и на Ближней даче Сталина устно. Несомненно, что была даже дискуссия. Затем все это в виде «Указаний» или «Соображений» (или Директивы правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил) положили на бумагу.

После того как этот документ был подписан вождем, пришел черед Генерального штаба. Мозг армии приступил к отработке документов стратегического планирования. Затем наступил этап разработки первых операций военных округов (фронтов). Для этого командующим военными округами должны поступить соответствующие оперативные директивы Генерального штаба (или ВГК). После этого планирование начинается на уровне окружных штабов.

Я уже частично касался этой темы. Придется кое-что повторить.

План войны (военных действий, стратегический план, план применения Вооруженных Сил, план обороны – у этого документа могут быть разные названия, кроме одного – оперативный план) представляет собой совокупность документов, обеспечивающих при их выполнении организованное развертывание и вступление в боевые действия армии и флота в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций.

В 1941 году он включал:

1. Директиву правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил.

2. Записку, разработанную начальником Генерального штаба и утвержденную наркомом обороны СССР, о порядке стратегического развертывания Вооруженных Сил (задачах фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям.

3. Планы первых операций.

4. Мобилизационный план.

5. План стратегических перевозок для сосредоточения Вооруженных

Сил на театрах военных действий.

6. Планы прикрытия стратегического развертывания, устройства тыла и материального обеспечения действующей армии.

7. Планы по связи, военным сообщениям, ПВО и др.

Центральный документ здесь – Директива правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил. Возможно, у этого документа (равно как и у всех остальных) было другое название. Он до сих пор не опубликован. Именно с анализа указаний товарища Сталина надо начинать любой анализ отечественных предвоенных планов. Что такой документ был, не приходится сомневаться. Никак не может Генеральный штаб (причем любого государства) приступить к стратегическому планированию, не имея на то в письменной форме указаний политического руководства страны. Подчеркиваю, именно в письменной.

Между тем в своем материале этих важнейших вопросов в деле подготовки страны и армии к войне генерал армии Махмут Гареев не касается вовсе и даже не упоминает о них. А без этого все остальное – пустой звук. Но президент Академии военных наук переходит сразу к срокам. Цитируем: «Прежде всего, были допущены крупные просчеты с определением сроков нападения Германии на Советский Союз. Потому главной причиной наших неудач в начале войны стало то, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность и до начала нападения противника не заняли назначенных оборонительных рубежей».

Обратим внимание на слова военачальника «главной причиной наших неудач в начале войны стало то, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность».

И поныне непонятно, к какой войне готовилась РККА, а тут и вывод сразу: «Не были заблаговременно приведены в боевую готовность». Между тем войска в боевую готовность приводятся не ради каких-то абстрактных целей, а с вполне конкретными задачами. Вот типовая фраза, которая не может быть неизвестна генералу армии Гарееву: «При нападении на СССР право приводить войска в боевую готовность ПОЛНАЯ для отражения агрессии предоставляется командующим (командирам), в районах ответственности которых произведено нападение, с немедленным докладом по инстанции». Ключевые слова здесь – «для отражения агрессии». Чтобы это сделать, к отражению агрессии надо готовиться и соответственно иметь планы оборонительных операций. А вот если к отражению агрессии никто не готовился и планов на этот счет не имел, тогда что? Как действовать командирам и командующим? Воевать кто как может и исключительно по

своему усмотрению и наитию?

Ясного ответа до сих пор нет. Генерал армии Махмут Гареев говорит: «И до начала нападения противника не заняли назначенных оборонительных рубежей». Внесем ясность: никто войскам никаких оборонительных рубежей не назначал. И оборонительных рубежей не существовало. Занимать было нечего. Планов оборонительных операций не было в принципе.

Цитируем генерала армии дальше: «...когда некоторые командиры пытались занять оборонительные позиции, сразу следовало распоряжение из Генштаба: «Войска с передовой убрать, виновных наказать». В результате ни одна дивизия не была готова к полноценной обороне. В каком катастрофическом положении оказались войска к началу войны, можно судить по 4-й армии на брестском направлении. В Брестской крепости находились две стрелковые дивизии, которым полагалось занять оборону южнее и севернее Бреста. 22-ю танковую дивизию надлежало отвести в район Кобрина и там изготовить для контрудара. Но, попав с началом войны под обстрел, они понесли большие потери и не смогли занять назначенные позиции. 175-я стрелковая дивизия в районе Малориты была поднята по тревоге под разрывами бомб противника и начала выдвигаться маршем навстречу развернутому в боевой порядок танковым соединениям Гудериана».

Не надо бы президенту Академии военных наук опускаться до уровня дивизии. Наше дело – стратегическое. И наш уровень – Ставка ВГК и командование войск фронтов.

А вот на слова Махмута Гареева – «сразу следовало распоряжение из Генштаба: «Войска с передовой убрать, виновных наказать» – внимание обратить следует. Опять-таки непонятно – кто же это из Генштаба командовал? Что за неопознанное лицо? Кто прикрывался щитом мозга армии, оставаясь при этом неизвестным солдатом? Так кроме как начальнику Генштаба – будущему Маршалу Победы Георгию Жукову – подобные распоряжения подписывать было больше некому. Но фамилия одного из главных виновников страшных катастроф 1941 года – Георгия Жукова – выпадает из текста генерала армии Махмута Гареева. Президент Академии военных наук, как известно, страстный апологет Маршала Победы и старается при любой возможности избегать критики Георгия Жукова.

Но в одном месте не удержался даже и генерал армии Гареев. Цитируем: «Маршал Советского Союза Г. К. Жуков видел ошибку в следующем: «При переработке нами оперативных планов весной 1941 года

не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме – главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными».

Об этом уже не говорил, пожалуй, только самый ленивый – кто же это в Наркомате обороны и Генштабе так считал? Кто именно? Пожалуйста: имя, отчество, фамилия, должность, воинское звание. И где письменные свидетельства подобной точки зрения – служебные записки, доклады, соображения, оперативная часть на карте? И, в конце концов, какая кампания 1939–1940 годов, проведенная вермахтом, давала основания делать подобные выводы?

Не стоит цитировать мемуары Маршала Победы. Это занятное, надо сказать, сочинение – неточности, оговорки, дезинформация присутствуют там если не на каждой странице, то через страницу уж точно. В качестве источника достоверной исторической информации эту книгу серьезному исследователю рассматривать никак нельзя.

А вопрос, чем занимался Георгий Жуков на посту начальника Генерального штаба вплоть до 22 июня 1941 года, и поныне открыт. В своей книге об этом периоде жизни и службы маршал и не вспоминал, и не размышлял. Однако все документы в недрах мозга армии сохранились. И восстановить по месяцам, неделям и дням, чем занимался Генеральный штаб РККА во главе с Георгием Жуковым первую половину 1941-го, не так уж трудно. Другое дело, что полученные ответы могут разойтись с общепринятыми, давно устоявшимися легендами и версиями.

О чем еще умолчал генерал армии Гареев в своем выступлении на военно-научной конференции по теме «Уроки и выводы из опыта Великой Отечественной войны, военных конфликтов для эффективного решения оборонных задач, строительства и подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации с учетом перспектив развития военных и невоенных средств и способов ведения войны»?

Вот самый краткий перечень наиболее интересных вопросов, отвечать на которые упорно избегают военные историки.

Еще задолго до 22 июня 1941 года (как бы это ни выглядело странным для наших современников) началось стратегическое развертывание Вооруженных Сил. То есть «внезапное вероломное без объявления войны

нападение» еще впереди, а развертывание уже началось. Напомним читателям, что такое стратегическое развертывание Вооруженных Сил. Это комплекс мероприятий и действий по переводу Вооруженных Сил с мирного на военное положение (с проведением мобилизационного развертывания), по созданию группировок Вооруженных Сил на театрах военных действий и в глубине страны для организованного вступления в войну и успешного проведения первых операций начального периода войны.

Что из этого началось еще до 22 июня?

В частности, под видом так называемых больших учебных сборов в ряды РККА были призваны 800 тысяч человек. Но если называть вещи своими именами, это была частичная мобилизация, осуществленная распорядительным порядком. Никаких документов по этому мероприятию (цель, замысел, порядок осуществления, кому и в каких количествах подавать мобилизационные ресурсы и пр.) и поныне широкой российской общественности не явлено.

Задолго до 22 июня начались стратегические перегруппировки РККА. Ни до, ни после этого ничего подобного в стране и армии не происходило. Даже, похоже, сосредоточение войск (сил) для вступления СССР в войну с Японией уступало по масштабам стратегическим перегруппировкам весны и лета 1941 года. И опять-таки – где документы: цель, замысел, карты, графики, боевые задачи перегруппируемым объединениям?

То есть еще до войны страна и Вооруженные Силы приступили к стратегическому и отчасти оперативному развертыванию. С какой целью? Во всяком случае не для проведения оборонительных операций. Подобные не планировались.

Далее. Что происходило в кабинете Сталина 21 и 22 июня 1941 года? Об этом мы знаем только по воспоминаниям Георгия Жукова. И вовсе не факт, что так было на самом деле. Ибо если начальник Генштаба в самый первый день войны придумал себе командировку на Юго-Западный фронт, которой на самом деле не было, как тогда можно верить всему остальному, о чем Георгий Жуков на страницах своей книги вспомнил и о чем размышлял 22 июня 1941 года?

Весьма важный вопрос: почему мобилизационная телеграмма была отправлена только в 16.20 22 июня 1941-го, если война официально объявлена германским правительством в четыре часа утра? Если в Кремле что-то выжидали более двенадцати часов, то с чем были связаны эти ожидания? Иными словами, чем конкретно объясняется столь значительная задержка в отправке важнейшего документа мобилизационного

развертывания?

Вопросов много. Ответов пока нет, как нет и серьезных исследований. Можно только строить догадки и излагать версии. А можно без всяких опасений для личного благополучия действовать методами известного автора нового мышления – говорить, оживленно жестикулируя, долгими часами, но так и не сказать абсолютно ничего конкретного, с энтузиазмом толочь воду в ступе.

«Верю!» – «не верю!»

Только на этом держатся лагеря как сторонников официальной версии некоторых кампаний и операций Великой Отечественной войны, так и приверженцев альтернативных взглядов.

После публикации «Сталинградский успех изначально не планировался» я получил еще больше замечаний, чем после выхода в свет материала «Войны и мира» не получилось – часть II». Суть замечаний моих критиков не изменилась. Мои доводы о том, что Сталинградская стратегическая наступательная операция изначально не планировалась как поворотный пункт всей Великой Отечественной войны, вновь сочтены недостаточно убедительными.

Перефразируя Александра Пушкина, можно сказать и так: «Не приведи бог видеть русский спор – бессмысленный и беспощадный». Пожалуй, подобная трактовка в полной мере относится к участникам словесных баталий вокруг дискуссионных моментов в истории Великой Отечественной войны. Подлинных документов Ставки и Генерального штаба никто в руках не держал, но страсти при этом кипят весьма нешуточные. Споры порой доходят просто до остервенения, до пены на губах и применения ненормативной лексики. Рассмотрим (весьма коротко, буквально конспективно) всего два острых момента в подобных дискуссиях – зимнюю кампанию 1942–1943 годов и начало войны – 22 июня 1941 года.

О зимней кампании 1942–1943 годов

К сожалению, наибольшее количество замечаний по этому разделу получено мной от самых дремучих дилетантов. Вот, наверное, наиболее типичное из подобных писем: «Рекомендую автору полистать монографию «Великая победа на Волге», Воениздат, 1965 год. В частности, возьмите альбом схем к монографии и рассмотрите схемы №№ 20 и 23. Они снимут многие ваши недоумения и измышления».

О чем разговор, господа? Конечно, только в этом труде образца 1965 года и есть ответы на все проблемные вопросы и особенности зимней кампании 1942–1943 годов. Да я даже не уверен, упоминается ли в этом сочинении хоть один раз это ключевое для всех наших рассуждений слово – «кампания».

Далее. Многие мои критики, чтобы подкрепить свои мнения, ссылаются на мемуары советских военачальников. Но эти никчемные по

исторической ценности произведения Главпура (авторами мемуаров советских военачальников являются в основном журналисты-краснозвездовцы), прошедшие через многотонные жернова жесткой военной цензуры, никак не могут служить источником достоверной информации.

А теперь немного, буквально несколько абзацев сухой военной теории (из книги «Генеральный штаб Российской армии: история и современность». – Москва. – 2006 год).

Как известно, победа над сильным противником в вооруженном противоборстве большого масштаба не может быть достигнута одноразовым стратегическим усилием действующей армии и флота, проведением одной или нескольких, даже очень крупных стратегических операций. К достижению этой цели советские Вооруженные Силы шли путем выполнения целого ряда крупномасштабных промежуточных задач, каждая из которых имела важное военно-политическое и стратегическое значение в общем ходе войны и решалась в рамках одной военной кампании, а иногда и нескольких кампаний.

По содержанию военные кампании являлись частью войны, определенным ее этапом и представляли собой систему одновременных и последовательных различного вида и масштаба операций вооруженных сил, объединенных общими военно-политической и стратегической целями и единым замыслом. Их планирование являлось одной из наиболее важных и сложных задач Генерального штаба РККА.

Сложился постепенно в годы войны и определенный достаточно стройный порядок планирования военных кампаний. Генеральный штаб исходя из военно-политической цели и задач вооруженной борьбы, которые на каждом отрезке времени определялись политическим руководством, и в соответствии со складывающейся стратегической обстановкой на всем советско-германском фронте за два-три месяца до начала кампании разрабатывал предложения и производил предварительные расчеты для Ставки ВГК относительно ее общего замысла (определение способа действий Вооруженных Сил, направления сосредоточения основных усилий, распределения сил и средств по стратегическим направлениям, состава и порядка создания на них стратегических группировок, их возможных задач, очередности и времени применения, основ взаимодействия и пр.), а также материально-технического обеспечения войск, подготовки необходимого количества стратегических резервов и их использования и по многим другим вопросам.

Подготовленные предложения с необходимыми обоснованиями и

расчетами обычно докладывались начальником Генерального штаба на совещаниях в Ставке с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО.

После обсуждения и принятия Ставкой ВГК решения в Генеральном штабе с привлечением (в части, их касающейся) представителей главных и центральных управлений Наркомата обороны, Наркоматов промышленности и других центральных органов осуществлялось окончательное планирование. При этом детально разрабатывались только планы начальных (исходных) операций. Последующие операции намечались в общих чертах, но они, как правило, заранее обеспечивались людскими и материальными ресурсами, часть из которых поступала еще при подготовке кампании, а большая часть – в ходе нее.

Теперь что касается вполне конкретной кампании – зимней 1942–1943 годов. Подготовка наступательных операций этого периода войны началась еще в сентябре 1942-го. Четко были определены направление главного удара, где сосредотачивались основные усилия, и направления вспомогательных ударов, которые также обеспечивались значительными силами и средствами.

Но вернемся к содержанию дискуссии.

Плана зимней кампании 1942–1943 годов в руках никто из современных исследователей не держал (тем более ее альтернативных вариантов). Где замышлялись направления сосредоточения основных усилий – неясно. Каким образом осуществлялось распределение сил и средств по стратегическим направлениям – неизвестно. Порядок создания стратегических группировок – и поныне в тумане. Где располагались стратегические резервы и каков был характер их оперативного предназначения – тайна. Что происходило в Ставке ВГК в ходе обсуждения зимней кампании – никто не знает.

А все документы сохранились. В этом нет никаких сомнений.

В частности, споры о том, какой операции – «Марс» или «Уран» – придавалось наибольшее значение, яростно идут и поныне. Они разом прекратились бы с опубликованием материалов зимней кампании 1942–1943 годов (оперативная часть на карте плюс пояснительная записка), замыслов операций «Марс», «Юпитер», «Полярная звезда» и пр. Но они не открыты до сих пор. Поэтому сегодня споры основываются исключительно на гипотезах, которые имеют большую или меньшую степень достоверности. И сторонники, и противники разного рода версий руководствуются при этом разве что известным выражением советских времен: *«Я «Доктора Живаго» не читал, но...»*

Что лежит в основе 22 июня 1941 года?

Споры о том, при каких обстоятельствах и в какой обстановке началась Великая Отечественная война, яростно продолжаются и поныне. И в этом случае учеными и историками-любителями осуществляется перебор разного рода версий и гипотез. Официальные исследователи предпочитают вообще не касаться данной темы. Ибо уж больно горячие вопросы, да и за непомерное рвение в их изучении могут отнюдь не наградить, а изрядно и жестоко взбодрить.

Что по этому поводу хотелось бы сказать будущим исследователям (вполне возможно, что сегодня для этой работы не самое подходящее время). Обратимся для начала к набору документов стратегического планирования образца 1940–1941 годов.

План войны (военных действий, стратегический план, план применения Вооруженных Сил, план обороны – у этого документа могут быть разные названия) представлял собой в тот период совокупность документов, обеспечивающих при их выполнении организованное развертывание и вступление в боевые действия армии и флота в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций.

Он включал:

1. Директиву правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил.
2. Записку, разработанную начальником Генерального штаба и утвержденную наркомом обороны СССР, о порядке стратегического развертывания Вооруженных Сил (задачах фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям.
3. Планы первых операций.
4. Мобилизационный план.
5. План стратегических перевозок для сосредоточения Вооруженных Сил на театрах военных действий.
6. Планы прикрытия стратегического развертывания, план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии.
7. Планы по связи, военным сообщениям, ПВО и др.

Центральный документ здесь «Директива правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил». Возможно, у этого документа (равно как и у всех остальных) было другое название. Он до сих пор не опубликован. Именно с анализа указаний ЦК ВКП(б) надо начинать любой анализ отечественных предвоенных планов. Что такой документ

был, не приходится сомневаться. Никак не может Генеральный штаб (причем любого государства) приступить к стратегическому планированию, не имея на то в письменной форме указаний политического руководства страны. Именно – в письменной.

Почему подобные документы до сих пор не открыты? Видимо, их содержание заставит серьезно сомневаться в оборонительном характере советской военной доктрины и миролюбивой внешней политики партии (с ее неустанной борьбой за мир во всем мире).

Обратимся к азбуке планирования.

Согласно военной науке планирование операции (боевых действий) – детальная разработка содержания и последовательности выполнения войсками (силами) поставленных задач, распределения их усилий по направлениям действий, взаимодействия, обеспечения и управления.

На практике любой офицер-оператор руководствуется определенной методикой принятия решения и планирования операции.

Последовательность работы (в оперативном и оперативно-стратегическом звене) выглядит следующим образом:

1. Уяснение задачи, расчет времени.
2. Оценка обстановки и определение замысла операции.
3. Определение задач войскам.
4. Рассмотрение предложений по боевому применению родов войск и специальных войск.
5. Завершение работы по принятию решения.
6. Доведение задач до войск.
7. Завершение планирования и утверждение документов плана.

Обратимся к первому пункту методики – «Уяснение задачи, расчет времени». Он актуален и для Генерального штаба, и для общевойсковой армии, и для полка, и для батальона.

То есть перед тем, как приступить к разработке документов стратегического планирования, нарком обороны и начальник Генерального штаба должны уяснить задачу, поставленную товарищем Сталиным. Но содержание задачи до сих пор неизвестно. Этот документ, надо полагать, лежит на самом дне самого важного сейфа за тремя шифрзамками в архиве президента России (бывший личный архив товарища Сталина).

Отдельные исследователи утверждают, что подобного документа никогда не было в принципе. Что планы первых операций и мобилизационный план Генеральным штабом были разработаны исключительно в инициативном порядке или же в лучшем случае на основе устных указаний товарища Сталина, данных им во время обеда на ближней

даче. Этого не может быть, поскольку не может быть никогда. И тот, кто занимался вопросами стратегического планирования лично и практически, отлично об этом знает. Даже правки в документы планирования вносятся следующим образом: зачеркивается то, что надо поправить, вписываются новые слова и цифры, затем все заверяется подписью соответствующего должностного лица и гербовой печатью (на документах Генштаба – исключительно красного цвета).

Другие историки утверждают, что подобный документ давно уже уничтожен. Некоторые даже называют дату – 16 октября 1941 года, день великой московской паники, когда по всем столичным улицам летали черные хлопья от сожженных секретных документов. Но и это вряд ли.

Вождь всех народов ставил военным совершенно конкретные и однозначные задачи. Да и в самом деле – как могли в Наркомате обороны и Генштабе приступать к планированию военных действий (по существу – привлечению всех людских и материальных ресурсов страны), не имея директивных (и непременно письменных) указаний политического руководства государства? Возможна ли была подобная самостоятельность в сталинской державе? Безусловно, нет.

Обратимся к ранее уже опубликованной записке наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову за № 103313/сс/ов. Дата – не ранее 5 октября 1940 года. Гриф – особой важности, совершенно секретно. Только лично. В одном экземпляре. Текст: «Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 года при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год».

Дальше не будем цитировать содержание известной записки. Обратим внимание всего на два слова: «Ваших указаний». По-другому и быть не могло – без указаний вождя подобные документы не разрабатывались. А указания, как уже говорилось выше, еще не открыты. Однако (отметим попутно) даже малейшего намека на оборонительный характер планируемых действий во всех пяти «соображениях», похоже, нет.

К слову, наше направление (1-е направление 1-го управления Главного оперативного управления Генерального штаба (направление планирования применения Вооруженных Сил), где я служил в 1992–2000 годах) в ходе стратегического планирования сталкивалось с проблемами совершенно другого рода. Перед началом работы надо было подписать у главы государства Бориса Ельцина Указания по стратегическому планированию. Это было достаточно трудно сделать. В перерывах между так называемыми периодами «работы с документами» Бориса Ельцина (когда стакан

президента практически не просыхал) надо было еще застать главу государства в Кремле и получить его подпись. На наших документах Ельцин расписывался, можно сказать, не глядя. Не вчитывался и ничего никогда не правил. Никаких наших современных василевских и штеменко к себе никогда не вызывал и долгими часами, как товарищ Сталин, их не выслушивал (Верховный главнокомандующий в годы войны, чтобы детально разобраться с обстановкой на том или ином участке фронта, подолгу работал даже с майорами-подполковниками Оперативного управления ГШ РККА). Но Бориса Ельцина проблемы стратегического планирования никогда не интересовали. Похоже, первому президенту России было откровенно наплевать и на план стратегического развертывания, и на планы первых операций. Но для нас – Главного оперативного управления Генштаба – его подпись была важна. Все-таки это была своеобразная отмашка для начала работы, пусть даже формальная. Как ни крути, это момент юридический – Верховный главнокомандующий подписал, то есть все основания для начала работы по стратегическому планированию имеются.

Вернемся к документам 1941 года. По большей части они еще не опубликованы. Не явлен широкой общественности в полном объеме Мобилизационный план 1941-го, планы первых операций, план стратегических перевозок (перегруппировок) и др. Не опубликованы в полном объеме даже материалы военных игр января 1941 года (замысел, карты, материалы разбора). Поэтому дебаты пока продолжают исключительного в плане (как уже говорилось выше) «сам-то я Мобилизационного плана и планов первых операций в руках не держал, но думаю, что...»

Будут документы, будет и пища для дальнейших размышлений.

И последнее. Говорят, что профессиональные музыканты (люди с абсолютным слухом) практически не выносят, когда рядом с ними какой-нибудь любитель начинает пикировать на скрипке, изготовленной из табуретки, сработанной из еще не просохших досок, подобранных на ближайшей свалке. Аналогичная ситуация возникает и при обсуждении серьезных оперативно-стратегических вопросов. Перевозбужденным любителям-дилетантам, все знания которых о военном строительстве, стратегии и оперативном искусстве основываются на не слишком внимательном прочтении мемуаров Жукова, незнакомым даже с соответствующей терминологией, мне хочется (как и, вероятно, тому музыканту) сказать: «Батенька, да вы что хотите, то и делайте, только не играйте».

Кстати, если кто-то думает, будто существует некий крайне ограниченный по численности элитный клуб военных планировщиков, которые знакомы с перечисленными выше документами и в своей работе руководствуются полученным в ходе великой войны опытом, то эта ошибка. Нет такого клуба своеобразных военных масонов (может, и очень плохо, что нет). А история – дама весьма жестокая. И рано или поздно отомстит за невыученные и неусвоенные уроки.

Бутерброды по-жуковски

Вопросы обеспечения выездов представителей ставки ВГК в действующую армию и сегодня тайна за семью печатями.

Не так давно президент Академии военных наук генерал армии Махмут Гареев подверг меня критике за одностороннюю и неверную оценку мемуаров Георгия Жукова. Однако необходимость уточнить отдельные вопросы после этого не отпала.

Кроме того, на мой взгляд, целесообразно осветить с большей детализацией некоторые грани деятельности представителей Ставки ВГК в годы Великой Отечественной войны.

Генерал армии Махмут Гареев сказал: «...Но главный редактор «ВПК» считает: «Не стоит цитировать мемуары Маршала Победы. Это занятное, надо сказать, сочинение – неточности, оговорки, дезинформация присутствуют там если не на каждой странице, то через страницу уж точно. В качестве источника достоверной исторической информации эту книгу серьезному исследователю рассматривать никак нельзя».

Но многие ветераны войны, историки и большинство читателей в нашей стране и за рубежом по-другому оценивают воспоминания Г. К. Жукова. М. М. Ходаренок даже утверждает, что Г. К. Жуков «в самый первый день войны придумал себе командировку на Юго-Западный фронт, которой на самом деле не было». Но это подтверждается воспоминаниями Н. С. Хрущева и других участников войны, телеграммами Г. К. Жукова в Генштаб и другими источниками. До сих пор никто не отрицал этого факта».

Железно подтверждается совершенно обратное. Журнал посещений кабинета товарища Сталина гласит: 22 июня 1941 года с 14.00 до 16.00 генерал армии Георгий Жуков находился в кабинете советского диктатора. Вылететь в 13.40 на Юго-Западный фронт он решительно не мог. Начальник Генштаба отбыл в служебную командировку на ЮЗФ только ранним утром 23 июня.

Что касается Никиты Сергеевича Хрущева, то в данном конкретном случае он ничего не подтверждает, но и ничего не опровергает.

Вот как это конкретно изложено в его воспоминаниях:

«Не помню сейчас, на какой, первый или второй, день войны позвонил мне Сталин.

Он сказал: «К вам прилетит Жуков, и вам следует вместе с Жуковым

выехать к войскам, в штаб».

Я ответил: «Хорошо, жду Жукова».

Жуков прилетел в тот же или на следующий день».

То есть не помнит точно Никита Сергеевич, когда прилетел Георгий Жуков – то ли в первый день войны, то ли во второй. – А вот товарищ Жуков в своих мемуарах при малейшей возможности старается кинуть в Никиту Хрущева ком грязи.

Вот, к примеру, небольшой отрывок из «Воспоминаний и размышлений»:

«...13 июня С. К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И. В. Сталину и настойчиво просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

И. В. Сталин сказал:

– Сейчас этого делать не следует, мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его.

– Ну что? – спросил я.

– Велел завтра газеты читать, – раздраженно сказал С. К. Тимошенко и, поднявшись из-за стола, добавил, – Пойдем обедать.

14 июня в нашей печати было опубликовано сообщение ТАСС. В нем говорилось, что распространяемые иностранной, особенно английской печатью заявления о приближающейся войне между Советским Союзом и Германией не имеют никаких оснований, так как не только Советский Союз, но и Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении, и что, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на Советский Союз лишены всякой почвы.

Когда советский народ читал это оптимистическое сообщение ТАСС, фашистские генералы, собравшись в кабинете Гитлера, докладывали ему о полной готовности немецких войск к нападению на Советский Союз.

На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

– С Германией у нас договор о ненападении, – сказал И. В. Сталин. – Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз – это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взятые.

Нарком обороны С. К. Тимошенко попробовал возразить:

– Ну а если это все-таки случится? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.

– Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

Затем И. В. Сталин все же спросил:

– Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада. Из этого количества в составе:

Прибалтийского округа – 19 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, 1 отдельная бригада;

Западного округа – 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские;

Киевского округа – 32 стрелковые, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские;

Одесского округа – 13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные, 3 кавалерийские.

– Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, – сказал И. В. Сталин.

Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин, вспыхнув, сказал:

– Не во всем можно верить разведке...

Во время нашего разговора с И. В. Сталиным в кабинет вошел его секретарь А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит Н. С. Хрущев из Киева. И. В. Сталин взял трубку. Из ответов мы поняли, что разговор шел о сельском хозяйстве.

– Хорошо, – улыбаясь, сказал И. В. Сталин.

Видимо, Н. С. Хрущев в радужных красках докладывал о хороших перспективах на урожай...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством».

То есть вся страна и лично товарищ Жуков готовятся к отражению гитлеровской агрессии, а Никита Хрущев – один – думает об уборке урожая.

Однако этот эпизод (как и многое другое в жуковских мемуарах) выдуман от начала до конца. Обратим внимание на фразу: «На другой день мы были у И. В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность». На другой день – это, стало быть, 15 июня. День, на всякий случай отметим, воскресный. Предположим, тогда работали без выходных. Но вот какая штука – 15 июня товарищ Сталин никого не принимал. Нет об этом записей в Журнале посещений. Советский лидер взял выходной. Значит, и разговора подобного не было.

Больше того, товарищ Сталин не принимал Жукова с Тимошенко и 16 июня. И даже 17 июня оба военачальника не были в кабинете Сталина. А вот 18 июня присутствовали оба. Но в то же время в резиденции вождя находились Молотов и Маленков. Жуков их не заметил? И первые лица партии и государства не сказали по ходу дела ни одного слова? Не приняли участия в обсуждении важнейших государственных вопросов – мира и войны? Отмолчались? Кроме того, в кабинет вождя приглашались в это же самое время Кобулов, Жигарев, Петров, Шахурин, Яковлев, Ворошилов. И их присутствия Жуков тоже не обнаружил. Но ведь это полная ерунда. Этого не могло быть, поскольку не могло быть никогда. Значит, перед нами жуковский вымысел от начала и до конца.

Теперь разберемся, был ли звонок Никиты Хрущева из Киева, в котором глава украинских большевиков в радужных красках рапортовал товарищу Сталину о видах на урожай. Прежде всего, уточним, где был в тот момент Хрущев.

Для начала обратимся к его же воспоминаниям:

«...Перед самой Великой Отечественной войной, за 3–4 дня до ее начала, я находился в Москве и задержался там, буквально томился, но ничего не мог поделать».

Сталин все время предлагал мне: «Да останьтесь еще, что вы рветесь? Побудьте здесь...»

Я видел, что делать мне в Москве нечего, а Сталин меня не отпускает потому, что боится одиночества, хочет, чтоб вокруг него было как можно больше людей.

Наконец в пятницу, 20 июня, я обратился к нему: «Товарищ Сталин, мне надо ехать. Война вот-вот начнется и может застать меня в Москве».

или в пути».

Я обращаю внимание «в пути», а ехать-то из Москвы в Киев одну ночь.

Он говорит: «Да, да, верно. Езжайте».

Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Я выехал в пятницу и в субботу уже был в Киеве.

Это говорит о том, что Сталин понимал: война вот-вот начнется.

Поэтому он согласился, чтобы я уехал и был бы на месте, в Киеве в момент начала войны».

То есть Никита Хрущев 15 июня был в Москве. Звонить из Киева он никак не мог. Это подтверждается и записями в Журнале посещений. В частности, 14 июня 1941 года Никита Сергеевич был в кабинете Сталина с 23.00 до 23.20. 16 июня – с 17.40 до 17.55.

Зачем все это надо было Георгию Жукову выдумывать?

Обратимся теперь вот к какому эпизоду из «Воспоминаний и размышлений»:

«Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

– А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

– Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

– Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем и бутербродами».

Кстати, документы частей и соединений, предшественников 8-й адон (авиационной дивизии особого назначения, аэродром постоянного базирования – Чкаловский), сохранились в полном объеме. И по ним можно легко определить, когда вылетел генерал армии Жуков. Какой самолет, кто командир и кто правый летчик, кто штурман, а также какое

имущество погрузили на борт. И кто полетел вместе с начальником Генерального штаба РККА (ведь не мог же он один лететь – с ним непременно должны быть адъютанты, ординарцы, генерал для особых поручений и оперативный состав Генштаба).

Теперь непосредственно о чае и бутербродах. Не уверен, что пилоты знали тогда такое слово – «бутерброды». И откуда эти самые бутерброды взялись на борту военно-транспортного самолета? Если летчикам положено питание во время полета, оно строго нормировано. За него надо расписываться в получении. Если было положено загрузить дополнительное продовольствие для генерала армии Жукова и сопровождающих его лиц (все-таки время полета почти четыре часа), то и эти накладные должны сохраниться. Надо полагать, и девушку-официантку в самолет посадили. Ну не сам же начальник Генштаба резал себе хлеб.

А теперь, как говорится, в целом. Чаще всего на фронт Георгий Жуков вылетал в качестве представителя Ставки ВГК. Многие вопросы жизнедеятельности аппарата представителя Ставки и поныне неизвестны. В частности, как осуществлялось расквартирование представителя Ставки? Какие при этом предъявлялись требования к помещениям? Кто отвечал за эти вопросы? Командование фронта или же какая-то передовая команда представителя Ставки? Как осуществлялось продовольственное обеспечение, по каким нормам, каким штатом? Просачиваются сведения, что продукты маршалам чуть ли не ежедневно возили из Москвы в запечатанных судках на самолетах. Кто обеспечивал деятельность представителя Ставки автотранспортом и горючим? Есть данные, что представителя Ставки сопровождал узел связи, который по возможностям мало в чем уступал фронтовому УС. Так ли это? Каковы штат и оборудование подобного узла? Кто обеспечивал охрану представителей Ставки на месте расположения и в ходе полевых поездок?

Не мог же, в конце концов, представитель Ставки ВГК быть в роли просителя по любому вопросу, даже самому мелкому, по отношению к руководству фронта, на который он прибыл. У него должно быть все свое. Вот и хорошо бы документально оценить, как все это выглядело на практике. И тогда вопрос о мифических бутербродах отпадет сам по себе.

«Войны и мира» не получилось

В известном романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» слишком много фантазий на военную тему.

У нас весьма часто раздаются сетования – как же так, выиграли такую войну, как 1941–1945 годов, а романа, соответствующего масштабу и духу эпопеи «Война и мир», до сих пор не написано. Причин этому, однако, множество. В советский период, надо прямо сказать, практически невозможно было написать честную книгу о событиях того времени, выходящих за пределы боев батальонного масштаба. Но даже те произведения, претендующие на правдивое описание войны на стратегическом и оперативно-стратегическом уровне, которые долгие и долгие годы шли к читателю, весьма страдают от недостоверного изложения конкретных событий. А литературным вымыслом оправдать незнание фактуры весьма трудно.

Обратимся, в частности, к роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». С сугубо военной точки зрения страницы романа до сего времени не анализировались. А между прочим именно на оперативно-стратегических аспектах замешаны многие сюжетные извивы и ходы этого произведения. Давайте разберемся.

Обратим внимание на страницы романа Василия Гроссмана, в которых речь идет о Сталинградской контрнаступательной операции, в частности событиях 20 ноября 1942 года:

«...В Кремле Сталин ждал донесения командующего Сталинградским фронтом.

Он посмотрел на часы: артиллерийская подготовка только что кончилась, пехота пошла, подвижные части готовились войти в прорыв, прорубленный артиллерией. Самолеты воздушной армии бомбили тылы, дороги, аэродромы.

Десять минут назад он говорил с Ватутиным – продвижение танков и кавалерийских частей Юго-Западного фронта превысило плановые предположения.

Он взял в руку карандаш, посмотрел на молчавший телефон. Ему захотелось пометить на карте начавшееся движение южной клешни».

Для начала воспользуемся страницами воспоминаний командующего Сталинградским фронтом генерала Андрея Еременко – «Сталинград: записки командующего фронтом»:

«...Утро 20 ноября. 6 часов. На востоке чуть заметно бледнеет небо. Приближался рассвет. Земля окутана легким туманом.

...ко мне зашел начальник штаба фронта товарищ Варенников. Улыбаясь, он спросил: «Ну как настроение, товарищ командующий?». «Прекрасное», – помню ответил я. Затем начальник штаба коротко доложил о том, что армии готовы и ждут нашего сигнала. Его, как и меня, беспокоил туман. В это время раздался звонок ВЧ из Москвы:

– Ставка беспокоится, начнете ли вы вовремя? – запрашивал начальник оперативного управления Генерального штаба.

– Сейчас туман; если рассеется, начнем вовремя, все готово, – ответил я.

Мы надеялись начать в срок, в 8 часов, рассчитывая, что туман не будет слишком густым. Начальник штаба передал командармам, что сигнал начала артиллерийской подготовки будет дан в установленный срок...

К сожалению, сгустившийся туман ухудшил видимость, которая не превышала 200 метров. Артиллеристы волновались. Пришлось оттянуть начало артподготовки на один час, затем еще на час. Ставка выражала беспокойство, требовала «скорее начинать». Пришлось не совсем тактично разъяснить генштабистам, что командующий не в кабинете сидит, а находится на поле боя и ему виднее, когда нужно начинать.

Уже 9 часов. Все люди в напряжении ждут сигнала. Прижалась к земле пехота, готовая к броску. Артиллеристы, номера которых были в готовности на местах, зарядили пушки и взялись за шнур. В глубине слышен рокот танков, прогревающих моторы.

Вот туман стал подниматься, рассеиваться. Видимость приближалась к нормальной. В 9 часов 30 минут был дан сигнал начать артподготовку в 10 часов. Таким образом, начало контрнаступления Сталинградского фронта из-за тумана было отодвинуто на два часа».

Отметим: Андрей Еременко со Сталиным в это время не разговаривал. У него были переговоры с начальником Оперативного управления Генштаба РККА.

Со Сталиным командующий Сталинградским фронтом в то время не смог бы переговорить по одной простой причине. У Верховного главнокомандующего был весьма своеобразный распорядок дня. Он работал по ночам. И обычно отдыхал до 10–11 часов. Генеральным штабом доклады Верховному главнокомандующему по обстановке подавались три раза в сутки. Первый – в 10–11 часов и, как правило, по телефону. Этот доклад обычно делал начальник Оперативного управления Генштаба

РККА. В 16–17 часов Сталину докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью руководство Генштаба ехало в Ставку (в Кремль или на Ближнюю дачу) с итоговым докладом за сутки.

Командующие войсками фронтов звонили Сталину в весьма редких, не терпящих никакого отлагательства случаях (и они точно знали, в какое время Верховный отдыхает). В противном случае товарищ Сталин не смог бы продуктивно работать. Количество действующих фронтов в годы войны доходило до 13. Если бы каждый командующий принялся звонить Верховному, рабочий день последнего состоял бы исключительно из разговоров по телефону.

А теперь представим себе следующее. Начало артиллерийской подготовки Сталинградского фронта по плану в 8.00 20 ноября. О переносе на два часа товарищ Сталин не знал (ему подобных вещей в экстренном порядке не докладывали). Продолжительность запланированной артподготовки на Сталинградском фронте – от 40 до 75 минут (в зависимости от участка прорыва).

Стало быть, согласно описанию Василия Гроссмана примерно в девять утра товарищ Сталин находился у телефона и ждал звонка от командующего Сталинградским фронтом. На самом деле в это время Верховный спал в одной из комнат Ближней дачи. Тем более не разговаривал с Ватутиным. И естественно, никоим образом не подозревал о последующих творческих исканиях Василия Гроссмана.

Читаем текст романа дальше: *«Самолеты воздушной армии бомбили тылы, дороги, аэродромы».*

И вновь незадача. На самом деле вот как было.

К утру 20 ноября 1942 года облачность понизилась до 50—100 метров, а видимость уменьшилась до 200–800 метров, местами стоял туман. Лишь во второй половине дня самолеты 206-й штурмовой дивизии 8-й ВА Сталинградского фронта одиночно и парами совершили 24 боевых вылета в район Плодовитое, Тингута и Абганерово. В этом же районе провели ближнюю воздушную разведку два Як-1 268-й истребительной дивизии.

Неблагоприятные погодные условия не улучшились и в последующие дни. Из-за этого летчики вынуждены были перейти на полеты небольшими группами и одиночно на предельно малых высотах. Истребители 2-го смешанного авиационного корпуса, как было условлено, прикрывали действия подвижных войск фронта, штурмовики бомбовыми ударами пробивали им путь в обороне противника и штурмовыми действиями уничтожали вражеские войска, выдвигавшиеся к району прорыва. Бомбардировщики вели дальнюю воздушную разведку, вскрывая подход

резервов противника из глубины к полосе прорыва.

Еще одна фраза Василия Гроссмана: «В Кремле Сталин ждал донесения командующего Сталинградским фронтом».

В десятом часу утра донесения от командующего фронтом не ждут. Боевое донесение – это итоговый доклад за сутки, как правило, на 18.00. Оформляется в письменном виде и подписывается тремя лицами – командующим войсками фронта, членом Военного совета и начальником штаба.

Читаем Василия Гроссмана дальше. Сталин, так и не дождавшись звонка Еременко, звонит ему сам.

Далее по тексту:

«Его соединили с Еременко.

– Ну что там у тебя? – не здороваясь, спросил Сталин. – Пошли танки?

Еременко, услыша раздраженный голос Сталина, быстро потушил папиросу.

– Нет, товарищ Сталин. Толбухин заканчивает артподготовку. Пехота очистила передний край. Танки в прорыв еще не пошли.

Сталин внятно выругался матерными словами и положил трубку.

Еременко снова закурил и позвонил командующему Пятьдесят первой армией.

– Почему танки до сих пор не пошли? – спросил он.

Толбухин одной рукой держал телефонную трубку, второй вытирал большим платком пот, выступивший на груди. Китель его был расстегнут, из раскрытого ворота белоснежной рубахи выступили тяжелые жировые складки у основания шеи.

Преодолевая одышку, он ответил с неторопливостью очень толстого человека, который не только умом, но и всем телом понимает, что волноваться ему нельзя.

– Мне сейчас доложил командир танкового корпуса: по намеченной оси движения танков остались неподдавленные артиллерийские батареи противника. Он просил несколько минут, чтобы подавить оставшиеся батареи противника артиллерийским огнем.

– Отменить! – резко сказал Еременко. – Немедленно пустите танки! Через три минуты доложите мне.

– Слушаюсь, – сказал Толбухин.

Еременко хотел обругать Толбухина, но неожиданно спросил:

– Что так тяжело дышите, больны?

– Нет, я здоров, Андрей Иванович, я позавтракал.

– *Действуйте*, – сказал Еременко и, *положив трубку, проговорил*. – *Позавтракал, дышать не может*, – и *выругался длинно, фигурно*».

Сцена выдумана от начала и до конца.

Прежде всего, отметим, что генерал Федор Иванович Толбухин командовал не 51-й армией, а 57-й. 51-й армией командовал генерал Николай Иванович Труфанов. Главный удар Сталинградского фронта наносился как раз в полосе 57-й армии.

На ударную группировку 57-й армии возлагалась задача прорыва фронта противника и ввод в прорыв 13-го танкового корпуса.

Василий Гроссман не упоминает по тексту романа, где находятся генералы Еременко и Толбухин. Но все-таки по косвенным признакам можно понять, что речь идет о неких помещениях.

Еременко закуривает одну папиросу за другой (на наблюдательном пункте, тем более ранним утром он бы этого не делал – во-первых, небезопасно, во-вторых, не самый лучший пример подчиненным).

А где же был Толбухин?

По описанию Гроссмана, *«...Толбухин одной рукой держал телефонную трубку, второй вытирал большим платком пот, выступивший на груди. Китель его был расстегнут, из раскрытого ворота белоснежной рубахи выступили тяжелые жировые складки у основания шеи»*.

Согласитесь, что в этом случае генерал мог находиться только в жарко натопленном помещении (расстегнут, потеет).

А где же на самом деле были оба генерала утром 20 ноября 1942 года?

Обратимся к воспоминаниям Андрея Еременко:

«К 7 часам 30 минутам я был уже на передовом наблюдательном пункте 57-й армии, на выс. 114, 3, откуда при хорошей видимости обычно открывался замечательный обзор большого участка, во всяком случае всего участка главного удара».

То есть не надо было Еременко звонить Толбухину. Командующий войсками Сталинградского фронта и так был на ПНП 57-й армии и командарм Толбухин стоял в шаге от него. Там же находились командующий артиллерией фронта, начальник артиллерии 57-й армии и самое главное (а на этом в дальнейшем построена одна из интриг романа Василия Гроссмана) – командир 13-го танкового корпуса (в воспоминаниях Еременко он почему-то именуется механизированным) полковник Трофим Иванович Танасчишин.

И Сталин не ругался матом. Не отмечают этого работавшие с ним люди.

Теперь об одной из главных интриг Василия Гроссмана. По тексту романа командир танкового корпуса полковник Новиков задержал ввод соединения в прорыв и приказал артиллеристам на несколько минут продлить артподготовку. Вот как это описывает Гроссман:

«...когда на командном пункте танкового корпуса зазуммерил телефон, плохо слышимый из-за вновь начавшей действовать артиллерии, Новиков понял, что командующий армией сейчас потребует немедленного ввода танков в прорыв.

Выслушав Толбухина, он подумал: «Как в воду глядел», – и сказал:

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант, будет исполнено.

После этого он усмехнулся в сторону Гетманова.

– Еще минуты четыре пострелять все же надо.

Через три минуты вновь позвонил Толбухин, на этот раз он не задыхался.

– Вы, товарищ полковник, шутите? Почему я слышу артиллерийскую стрельбу? Выполняйте приказ!

Новиков приказал телефонисту соединить себя с командиром артиллерийского полка Лопатиным. Он слышал голос Лопатина, но молчал, смотрел на движение секундной стрелки, выжидая намеченный срок».

Опять-таки вся сцена выдумана от начала и до конца. Командир танкового корпуса артиллерийской подготовкой да еще в полосе прорыва фронта не управляет. Выше сказано, что на ПНП 57-й армии присутствовали два артиллериста – командующий артиллерией фронта и начарт 57-й армии. Именно они и управляли огнем артиллерии на основе ранее разработанного плана и указаний командующего. Прав просто нет таких у командира танкового корпуса – продлить артподготовку, тем более на направлении главного удара фронта.

Как же было на самом деле?

Вновь обратимся к воспоминаниям Андрея Еременко:

«В самом начале наступления на фронте прорыва 57-й армии, на участке 143-й морской бригады, произошел один поучительный случай. Началось с неправильно понятого сигнала. При отработке вопросов взаимодействия было установлено, что удары тяжелых гвардейских минометов будут служить сигналом: первый удар – для начала артиллерийской подготовки, второй удар (в конце артподготовки) – для начала атаки танков и пехоты. Казалось бы, несложная система, которая всем была понятна. В действительности оказалось не так.

Наблюдая за ходом артиллерийской подготовки, я прошелся биноклем справа налево по всему участку прорыва. О, ужас! На левом фланге, после

того как тяжелые «катюши», описав «краснохвостыми кометами» дугу, вспахали длинными огненными полосами боевые порядки противника, пехота перешла в атаку и в быстром темпе направилась к первой траншее противника. От неожиданности у меня выступил холодный пот. В чем дело? Ведь раз атака началась, приостановить ее невозможно. Оказывается, командир 143-й морской бригады полковник Иван Григорьевич Русских спутал сигнал и, вместо того чтобы поднять бригаду в атаку после второго удара тяжелых «катюш», поднял ее вслед за первым ударом.

Что делать? Ясно, что на этом участке артиллерийская подготовка сорвана. Хорошо, что это произошло не на главном направлении удара, а на его фланге. Решаю прекратить артиллерийскую подготовку на этом участке и перейти на поддержку атаки пехоты, что и было немедленно сделано (со мной находились командующие артиллерией фронта и армии). Атака протекала успешно. Через 20 минут после ее начала бригада преодолела вторую траншею и стала скрываться за горизонтом. Думаю о поддержке храброй 143-й бригады другими средствами.

Со мной рядом находился командир 13-го механизированного корпуса. Приказываю ему ввести в прорыв головную бригаду корпуса. Он попытался тактично напомнить мне, что по армейскому плану боя, мною утвержденному, 13-й корпус вводится в прорыв с рубежа, лежащего в трех километрах в глубине обороны противника, а не на том участке, где действует 143-я бригада; по времени это планировалось через 2 часа 30 минут после начала атаки пехоты.

– Верно, товарищ Танасишин, план таков, но обстановка внесла коррективы. Немедленно вводите бригаду! – тоном, не терпящим возражений, закончил я.

Бригада двинулась двумя маршрутами. Через 20 минут, не встречая сопротивления со стороны противника, она также скрылась за горизонтом. Вслед за ней пошла вторая бригада. Еще не закончилась артиллерийская подготовка, а две бригады уже вошли в прорыв; вслед за ними двинулся и весь 13-й механизированный корпус. Быстро продвигаясь в глубину обороны противника, корпус оказал большое влияние на успех наступления. Так иногда на войне даже непредвиденная случайность, если не растеряться и не следовать шаблону, может не только не ухудшить положение, а наоборот, укрепить его».

Так что на самом деле все было с точностью наоборот – «еще не закончилась артиллерийская подготовка, а две бригады уже вошли в прорыв; вслед за ними двинулся и весь 13-й механизированный корпус».

Так что никакой интриги, в таких подробностях расписанной

Василием Гроссманом, на самом деле-то и не было. А все, что выдуманно или изо всех сил притянута за уши, на «Войну и мир» не потянет никогда.

И ссылки на литературный вымысел тут более чем неуместны.

Когда речь идет о Верховном главнокомандующем товарище Сталине, командующих войсками фронтов и армиями в период Великой Отечественной войны, словосочетание «литературныйавторский вымысел» не очень подходит. В частности, жизнь Сталина в 1941–1945 годах строго документирована (исключая недолгие часы сна и немногие минуты личного времени). Вымысел здесь, тем более приписывание вождю того, чего за ним никогда не числилось и в корне не соответствовало действительности, совершенно неуместны. Это же относится и к военачальникам стратегического и оперативно-стратегического уровней. Действительность же куда круче попыток придумать что-либо за руководителя страны или высший командный состав РККА.

Вот как, в частности, Василий Гроссман описывает события раннего утра 20 ноября 1942 года.

«...В Кремле Сталин ждал донесения командующего Сталинградским фронтом...

Десять минут назад он говорил с Ватутиным – продвижение танковых и кавалерийских частей Юго-Западного фронта превысило плановые предположения...

У него иногда возникало ужасное чувство: побеждали на полях сражений не только сегодняшние его враги. Ему представлялось, что, следуя за танками Гитлера в пыли, дыму, шли все те, кого он, казалось, навек покарал, усмирил, успокоил. Они лезли из тундры, взрывали сомкнувшуюся над ними вечную мерзлоту, рвали колючую проволоку. Эшелоны, груженные воскресшими, шли из Колымы, из Республики Коми. Деревенские бабы, дети выходили из земли со страшными, скорбными, изможденными лицами, шли, искали его беззлобными, печальными глазами. Он, как никто, знал, что не только история судит побежденных...

Он снова посмотрел на телефон – время Еременко доложить о движении танков.

Пришел час его силы. В эти минуты решалась судьба основанного Лениным государства. Централизованная разумная сила партии получила возможность осуществить себя в строительстве огромных заводов, в создании атомных электростанций и термоядерных установок, реактивных и турбовинтовых самолетов, космических и трансконтинентальных ракет, высотных зданий, дворцов науки, новых каналов, морей, в создании

заполярных шоссейных дорог и городов.

Решалась судьба оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии, скандинавских и балканских государств, произносился смертный приговор Освенциму, Бухенвальду и Моабитскому застенку, готовились распахнуться ворота девятисот созданных нацистами концентрационных и трудовых лагерей.

Решалась судьба немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленных.

Решалась судьба калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев, волей Сталина вывезенных в Сибирь и Казахстан, потерявших право помнить свою историю, учить своих детей на родном языке. Решалась судьба Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова, чья казнь должна была предшествовать зловещему процессу евреев-врачей, возглавляемых профессором Вовси. Решалась судьба спасенных Советской армией евреев, над которыми в десятую годовщину народной сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения.

Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии.

Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки.

Сталин волновался. В этот час будущая сила государства сливалась с его волей...»

Обратим внимание на бесконечный рефрен – *«решалась судьба»*. Ясен перец, именно 20 ноября 1942 года *«...решалась судьба Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова, чья казнь должна была предшествовать зловещему процессу евреев-врачей, возглавляемых профессором Вовси...»* И за это переживал ранним утром 20 ноября 1942 года товарищ Сталин.

Тут не пахнет даже какой-то оригинальностью авторского замысла. Чего проще, взял нужную книгу из шеститомной истории Великой Отечественной войны (написанной примерно в те же времена, что и «Жизнь и судьба»), открыл в ней раздел «Всемирно-историческое значение победы под Сталинградом» и переписал его, дополнив начало каждого абзаца словами «решалась судьба». И добавил, чего в этой главе никогда не было и быть не могло – про актера Зускина, писателя Бергельсона и профессора Вовси, а также про свободу русской мысли (есть ли она даже сейчас – и то ответ, как говорится, очевиден).

А на выходе вот какая получается картина. Ранним утром в Кремле убийца и паук-кровосос сидит в центре своей паутины, волнуется (насколько это возможно пауку), смотрит на часы и переживает за успех им же запланированного коренного перелома в Великой Отечественной войне. Затейливо, красочно, замысловато, но абсолютно не соответствует действительности.

Как уже отмечалось, у Верховного главнокомандующего был весьма своеобразный распорядок дня. Он работал по ночам. И обычно отдыхал до 10–11 часов. Так что ранним утром 20 сентября 1942-го он никак не волновался за успех операции, ознаменовавший коренной перелом в Великой Отечественной войне. Верховный главнокомандующий в это время, как пишут в уставах, отдыхал лежа (спал).

А теперь – самое крамольное: товарищ Сталин, Генеральный штаб РККА и командующие войсками фронтов и в мыслях не держали, что в эти минуты на Юго-Западном и Сталинградском фронте решается судьба всей Второй мировой войны.

Данные о количестве войск и боевой техники, боеприпасов и иных материальных средств, сосредоточенных в ноябре 1942-го на различных участках советско-германского фронта, неоспоримо свидетельствуют: Ставка Верховного главнокомандования не рассматривала Сталинград в качестве места, где противнику в зимней кампании будет нанесено решающее поражение. Как и за год до этого, главный удар по врагу планировался на московском направлении. Ни Верховный главнокомандующий товарищ Сталин, ни руководство Генштаба и Наркомата обороны не предполагали, что именно в приволжских и донских степях произойдет коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Однако не только цифры о числе дивизий, танков и самолетов подтверждают высказанную выше версию. О том же говорят кадровые решения Ставки (а точнее, лично товарища Сталина). Даже при беглом знакомстве с «характеризующими материалами» на советских военачальников, командовавших войсками Юго-Западного, Донского, Сталинградского фронтов, некоторыми армиями и корпусами трех оперативно-стратегических объединений, возникает несколько странное впечатление.

Согласно официальной истории Великой Отечественной войны на юго-западном стратегическом направлении прежде всего будто бы и намечалось сокрушить вермахт и его союзников, в результате чего завладеть стратегической инициативой. Для того чтобы справиться с подобными задачами, необходимо привлечь лучшие кадры, которыми на

тот момент располагала Красная армия. Тем более что хорошо известно просто трепетное отношение Верховного главнокомандующего к подбору и расстановке генералов при осуществлении той или иной операции. А тут ведь (опять же согласно официальной версии) товарищ Сталин задумывает главную операцию всего вооруженного противоборства, ведущегося не на жизнь, а на смерть. Однако анализ аттестационных документов говорит о том, что на южный фланг были направлены отнюдь не лучшие на тот момент полководцы РККА.

Командующие

Нет сомнения: подавляющей массе читателей подобное утверждение покажется очевидной ересью. Но хотелось бы попросить их сдержать негодование и разобраться в выдвинутом посыле по существу.

Начнем с командующих войсками фронтов, участвовавших в контрнаступлении под Сталинградом. Как известно, на 19 ноября 1942 года ими являлись: Юго-Западного – генерал Николай Ватутин, Сталинградского – генерал Андрей Еременко, Донского – генерал Константин Рокоссовский. По современным представлениям, казалось бы, более чем достойные кандидатуры. Однако к моменту, о котором идет речь, успехи этих военачальников на ратной ниве были относительно невелики, а у некоторых и вовсе не очевидны.

В частности, Константин Рокоссовский успешно зарекомендовал себя в роли командующего 16-й армией в Московских стратегических оборонительной и наступательной операциях. Затем сравнительно недолго возглавлял войска Брянского фронта, после чего был назначен командующим войсками Сталинградского фронта (буквально через несколько дней переименованного в Донской), которому, заметим, предстояло действовать на первом этапе стратегической наступательной операции на вспомогательном направлении. Таким образом, будущему маршалу, признанному ныне одним из лучших советских полководцев, даже не предоставили возможности проявить себя на направлении главного удара, во что сейчас просто невозможно поверить.

Между тем ничего удивительного в этом нет. К 19 ноября 1942 года в активе Константина Рокоссовского не было личного опыта проведения ни одной успешной фронтовой наступательной операции. Иными словами, он к тому времени еще не был тем Рокоссовским, каковым он навсегда останется в истории нашей страны, в летописи ее воинской славы.

Примерно таким же полководческим багажом обладали и остальные командующие войсками фронтов, которым предстояло разгромить

сталинградскую группировку противника. Андрея Еременко (как и члена Военного совета Сталинградского фронта Никиту Хрущева после харьковской катастрофы мая 1942-го) до определенной степени вообще можно считать «штрафником». Вдобавок Сталин наверняка не забыл (он вообще ничего и никогда не забывал), кто в августе 1941 года обещал ему разгромить «подлеца» Гудериана. Однако фронт, которым доверили командовать Еременко, потерпел сокрушительное поражение, а сам он был тяжело ранен. В дальнейшем будущий маршал руководил соединениями и частями 4-й ударной армии в Торопецко-Холмской операции, снова получил ранение.

Командующим Сталинградским фронтом Еременко был назначен после излечения только осенью 1942-го. Хорошо зарекомендовал себя в оборонительной фазе Сталинградской битвы, но опытом проведения успешной фронтовой наступательной операции и он не обладал.

Ничего выдающегося в этом плане до 19 ноября 1942 года нет также в послужном списке Николая Ватутина. Войну он встретил в Генеральном штабе, затем 30 июня 1941-го стал начальником штаба Северо-Западного фронта. Для войск СЗФ начальный период Великой Отечественной был временем жестоких поражений. В мае-июне 1942 года Ватутина вернули в Москву на должность заместителя начальника Генштаба, однако курировал он по роду служебных обязанностей невоевавший Дальний Восток.

В июле 1942-го Ватутин сам попросился в действующую армию и был назначен командующим войсками Воронежского фронта. В его полосе немцы особой активности не проявляли, а потому, может быть, вплоть до ноября Ватутин на новом посту себя показать не успел, заметных успехов не добился.

Зато примечателен один эпизод – на стыке Брянского и Воронежского фронтов в июле 1942 года была предпринята попытка контрудара силами полностью укомплектованной 5-й танковой армии (в ней имелось более 800 танков). За организацию операции взялся начальник Генерального штаба Александр Василевский (на него возлагалось непосредственное руководство предстоящими действиями войск на этом участке). Здесь же находились Николай Ватутин и Константин Рокоссовский (с 14 июля 1942 года – командующий войсками Брянского фронта). Однако осуществить замысел не удалось, несмотря на подавляющее превосходство над врагом по всем параметрам (за исключением, правда, ратного мастерства). Контрудар закончился полной неудачей.

Потом Ватутин не раз пытался взять Воронеж, но вновь действия руководимых им соединений победой не увенчались. В общем, к 19 ноября

1942-го и у этого комфронта не было никаких значимых достижений. Опытом успешного командования войсками в крупной наступательной операции он также не располагал.

Косвенно об этом говорит и поведение генерала Василевского в ходе его пребывания на КП Юго-Западного фронта в ноябре 1942 года. Фактически начальник Генштаба РККА вел себя на командном пункте как подлинный командующий ЮЗФ. Ватутин же исполнял при нем роль офицера для особых поручений – ходил на фронтовой узел связи, занимался рядовыми переговорами по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому.

Причем подобный стиль работы бросился в глаза Константину Рокоссовскому еще при отработке вопросов взаимодействия в предстоящей операции Донского и Юго-Западного фронтов. Так что поневоле напрашивается вывод: Василевский не доверял Ватутину. Хотя оснований для полного доверия действительно не имелось – для Ватутина предстоящая фронтовая наступательная операция была дебютом в его полководческой карьере.

В итоге получается – Ставка и Генштаб задумывают нанести неприятелю удар, который должен стать поворотным пунктом во всей Второй мировой войне, а подбор кадров для намечаемого грандиозного наступления более чем странен. Вооруженное сопротивление СССР с нацистской Германией и ее сателлитами к тому времени уже продолжалось полтора года, и проверенные военачальники, обладающие опытом освобождения от оккупантов захваченной советской земли, в РККА имелись.

Начальники штабов

Не менее интересные данные обнаруживаются при рассмотрении биографий вторых лиц во всех трех оперативно-стратегических объединениях – начальников штабов фронтов. Для командующих их войсками намеченная операция являлась первым самостоятельно проводимым крупным наступлением в жизни. Конечно, все когда-то приходится делать в первый раз. Но в этом случае к дебютантам стараются подобрать опытных высших офицеров (в первую очередь начальников штабов), которые могли бы в нужный момент подсказать выдвиженцам рациональное решение.

Кто же руководил штабами фронтов в столь важном для хода и исхода Великой Отечественной сражении? Начнем с правого фланга – с начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора Григория

Стельмаха (это имя, отметим, сегодня практически забыто). В 1941–1942 годах он возглавлял (с небольшим перерывом) штаб Волховского фронта. В течение указанного периода это оперативно-стратегическое объединение провело две фронтовые наступательные операции – Любаньскую и Синявинскую.

Если первая закончилась просто катастрофически для Красной армии (одна из самых страшных трагедий Великой Отечественной), то вторую можно охарактеризовать «всего лишь» как крупную неудачу. Григория Стельмаха между тем все его сослуживцы характеризуют с положительной стороны. Однако в копилке его боевого опыта не было успешных бросков вперед.

Теперь обратимся к левому флангу – начальнику штаба Сталинградского фронта генерал-майору Ивану Варенникову. На эту должность он был выдвинут только в октябре 1942 года. Ранее генерал руководил штабом 37-й армии. Его боевой путь до Сталинградской наступательной операции также не отмечен крупными полководческими удачами. К слову сказать, Варенников в течение всей войны возглавлял фронтовой штаб менее шести месяцев (даже не попал в Советскую военную энциклопедию издания 1976 года).

Наконец, центр. Штабом Донского фронта руководил генерал Михаил Малинин. Это, пожалуй, один из самых сильных штабистов, проявивших свои дарования в годы Великой Отечественной войны. Однако Сталинград и для него был дебютом, а потому то обстоятельство, что на первом этапе операции фронт, начальником штаба которого являлся Малинин, действовал на второстепенном направлении, в некоторой степени облегчало его положение. Опыта осуществления успешной фронтовой наступательной операции у генерала Малинина также не было.

Следовательно, и для вторых лиц всех трех фронтов юго-западного направления Сталинградская стратегическая наступательная операция стала первой в их ратной карьере. Ранее ничего подобного они не планировали, не организовывали и в жизнь успешно не претворяли.

А где же был в таком случае цвет советского генералитета к ноябрю 1942 года? Известно где – на фронтах западного стратегического направления. Напомним лишь некоторых: Георгий Жуков, Иван Конев, Василий Соколовский, Матвей Захаров, Михаил Пуркаев, Дмитрий Лелюшенко. Все эти командующие уже ощутили к тому времени вкус больших побед над врагом. «Сталинградские» военачальники в табели о рангах на тот момент стояли существенно ниже.

Танкисты

Если присмотреться к некоторым командующим танковыми армиями и командирам корпусов, то и тут получается достаточно интересная картина. Вот, например, командир 4-го механизированного корпуса генерал Василий Вольский (на его месте – или, быть может, Танасчишина – в романе «Жизнь и судьба» выведен мифический полковник Новиков). Согласно плану операции он действует на острие главного удара Сталинградского фронта. По существу его соединение – подвижная группа СФ.

Вот кое-какие детали из биографии генерала: в июле – декабре 1941 года он помощник командующего Юго-Западным фронтом по автобронетанковым войскам (ЮЗФ преследуют тяжелые поражения), затем – заместитель командующих по танковым войскам на Крымском и Северо-Кавказском фронтах (и вновь не меньшие по масштабу поражения). С октября 1942-го Вольский – командир 4-го механизированного корпуса. Побед, несмотря на полтора года войны, он так и не одерживал, столь необходимым опытом ввода механизированного корпуса в прорыв не обладал.

Что мог ощущать этот генерал перед предстоящими боями? Понятную неуверенность, сомнение в успехе операции. Вольский не верил в победу. Хотя это не отражают в аттестациях высшего офицерского состава, но по большому счету генерала можно считать к ноябрю 1942-го морально раздавленным беспрестанными неудачами. Вот почему Вольский обратился к Верховному главнокомандующему с паническим письмом.

Комкор сообщал Сталину, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось на данный момент, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями. А он, Вольский, как честный член партии, зная мнение и других ответственных участников операции, просит ГКО немедленно и тщательно проверить реальность принятых решений, отложить наступление, а то и отказаться от него совсем.

Сталин, внимательно ознакомившись с полученным письмом, приказал тут же соединить его по телефону с Вольским. После короткого и отнюдь не резкого разговора с генералом порекомендовал представителю Ставки Василевскому не отстранять комкора от занимаемой должности. Василий Вольский дал Сталину слово во что бы то ни стало выполнить поставленную 4-му мехкорпусу боевую задачу.

Реакция Верховного главнокомандующего все же интересна. По логике вещей после прочтения такого документа накануне

ответственной операции всей войны Сталин должен был немедленно отдать приказ об удалении генерала Вольского с передовой с последующим тщательным разбирательством, отчего и почему такому человеку вверена судьба целого соединения. Эта мера применяется ко всем военачальникам любой армии мира перед сражениями, если они проявляют хотя бы тень неуверенности в конечном успехе операции.

И вот представим себе ситуацию – корпус действует на направлении главного удара главной операции всей Второй мировой войны (согласно официальной версии). А комкора, приславшего письмо откровенно панического содержания, не отстраняют от должности.

Объяснить поведение товарища Сталина можно только одним – Верховный главнокомандующий не считал Сталинградскую операцию самым главным событием зимней кампании и поворотным пунктом Великой Отечественной. И скорее всего, решил: «Поскольку Вольский оказался на второстепенном участке советско-германского фронта, предпринимать в отношении генерала какие-то репрессивные меры на данном этапе нецелесообразно. Пусть командует. Может, что и получится». В конце концов «скамейка запасных» не была безразмерной даже у Сталина.

Обратимся теперь к «характеризующему материалу» еще на одного военачальника Сталинградской наступательной операции – генерала Прокофия Романенко, командовавшего 5-й танковой армией, которую должны были ввести в прорыв в полосе действий Юго-Западного фронта.

На войну этот военачальник попал только в мае 1942-го, прибыв из Забайкалья. Назначили тогда Романенко командующим 3-й танковой армией. Это оперативное объединение с 22 августа 1942 года принимало участие во фронтовом контрударе в районе города Козельска. Примерно через месяц, 19 сентября, танковую армию вывели в резерв Ставки ВГК. Как правило, подобное происходило в связи с тем, что в результате боев от объединения остались только тылы и штабы. Кстати, официальная советская 12-томная история Второй мировой войны об этом контрударе скромно умалчивает. По всей видимости, это связано с отсутствием каких бы то ни было значимых оперативных результатов.

В итоге Прокофий Романенко руководил танковой армией в боевой обстановке четыре недели, опять-таки получил в целом только отрицательный опыт (разумеется, тоже полезный) и был в ноябре назначен командующим 5-й ТА подвижной группы Юго-Западного фронта, действующей (позволим себе повториться) на направлении главного удара главной операции Второй мировой войны. К тому же на эту должность он

был выдвинут непосредственно перед наступлением, а потому (с достаточными на то основаниями) можно предположить, военачальник не успел детально ознакомиться даже с коллективом управления армии.

Логики в этом назначении, заметим, никакой. А Верховный главнокомандующий товарищ Сталин кадровых ошибок, как правило, не допускал. Лучших военачальников-танкистов РККА – Михаила Катукова, Амазаспа Бабаджаняна (обоим впоследствии присвоят звание маршала бронетанковых войск), Андрея Гетмана (дорастет до звания генерала армии), других генералов – Верховный в это время держал на фронтах западного стратегического направления. К слову, «танковая» карьера у Прокофия Романенко как-то не задалась, и всю войну после битвы на Волге он прокомандовал общевойсковой армией.

Фамилии прочих дебютантов на всевозможных постах в войсках трех фронтов, готовившихся наступать под Сталинградом, можно перечислять достаточно долго. В качестве итога скажем о следующем: война к 19 ноября 1942 года, как уже не раз подчеркивалось в статье, шла 17 месяцев. И вот по идее замышляется крупнейшая стратегическая операция, а практически все должности на ЮЗФ, ДФ, СФ занимают, можно сказать, новички. Для подавляющего большинства командующих и командиров Сталинградская наступательная операция явилась первым успехом в их военной карьере.

Все перечисленные кадровые казусы можно объяснить только одним – эта битва изначально не планировалась как основная операция зимней кампании 1942–1943 годов. Тем не менее значение нашей великой победы в сражении на Волге преуменьшать нельзя ничуть. На войне планируют одно, а выходит иногда совершенно другое. Надо сказать, это совершенно нормальная практика вооруженной борьбы, где, как известно, исключительно велик элемент случайности.

И вот безвестные до Сталинградской операции военачальники добились самого ослепительного успеха за все время Великой Отечественной (и Второй мировой войны в целом). Подобные примеры в истории военного искусства далеко не единичны.

Вот где интрига-то! Вот где сюжет великий пропадает! Вот секреты, перед которыми все тайны мадридского двора – полная чепуха! Коренного перелома в войне в Сталинграде не планировали, а что вышло-то! Все корреспонденты центральных газет поехали на Западный и Калининский фронты описывать предстоящий успех. Туда же отправили всех фронтовых кинооператоров со всем наличным запасом дорогой на тот момент пленки, чтобы запечатлеть во всех подробностях предстоящее сокрушение врага

(из-за этого потом пришлось заниматься постановочными сюжетами на тему Сталинградской битвы). А блистательная виктория получилась совершенно в другом месте.

Вот о чем можно было бы с упоением рассказывать в романе про Сталинградскую стратегическую наступательную операцию. И в этом случае правда жизни, как обычно, превосходит все возможные и невозможные литературные вымыслы. А Василий Гроссман добросовестно озвучил официальную версию и попутно приписал вождю всех времен и народов то, чего никогда не было в действительности. И никогда не числилось ни за Верховным, ни за командующими войсками фронтов. Вполне возможно, что именно по этим причинам роман «Жизнь и судьба» не поднялся до уровня главного произведения о войне (которое, как известно, так до сих пор и не написано).

А есть ли в отечественной литературе примеры трепетного отношения к описанию действий Верховного главнокомандующего и высшего командного состава РККА (органов безопасности)? По крайней мере мне известен пока только один такой образец – роман Владимира Богомолова «Момент истины» («В августе сорок четвертого...»). Все остальное – поделки-однодневки.

И последнее. О том, кто, когда и о чем думал. Во время Ютландского морского сражения в 1916 году адмирал Шеер отдал приказ соединению адмирала Хиппера: «Линейным крейсерам атаковать и таранить корабли противника». Командир линейного крейсера «Дерфлингер» капитан 1-го ранга Хартог произнес в этот момент: «Историки потом голову сломают над тем, что мы в этот момент думали. Так вот, ни хрена мы ни о чем не думали!».

Сталинградский успех изначально не планировался

Более того, ставка и Генштаб РККА осенью 1942 года допустили ряд серьезных просчетов.

После публикации «Войны и мира» не получилось» я вновь получил множество замечаний, в том числе и от самых высокопоставленных военачальников. Суть их сводится к следующему: мои доводы о том, что Сталинградская стратегическая наступательная операция изначально не планировалась как поворотный пункт всей Великой Отечественной войны, сочтены недостаточно убедительными. Отчасти согласен. Цифр и фактов немного. Основные документы и сегодня закрыты. Однако я убежден – на самом деле все так и было. Эту точку зрения я высказывал на страницах печати и ранее. Не изменилась она и в настоящее время.

Многие стратегические операции Великой Отечественной войны по-прежнему являются предметом яростной полемики. К числу наиболее спорных тем относится зимняя кампания 1942–1943 годов. Историки Минобороны и поныне стойко защищают сложившуюся еще в период существования СССР официальную версию, согласно которой Сталинградская стратегическая наступательная операция (ССНО, кодовое наименование «Уран») изначально была призвана стать главным событием второй военной зимы на советско-германском фронте. Наступательные же действия на ряде других направлений (операции «Марс», «Юпитер», «Полярная звезда» соответственно на Западном, Калининском и Северо-Западном фронтах) якобы задумывались исключительно для решения локальных задач. Однако анализ даже опубликованных документов и материалов показывает, что все было ровно наоборот.

Кто разрабатывал план

Впрочем, не лишним будет сначала разобраться с одним вроде бы частным вопросом: кто является автором плана операции «Уран»?

Маршал Георгий Жуков в своих мемуарах пишет следующее: «... чтобы разработать такую крупнейшую стратегическую операцию, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, нужно было основываться не только на оперативных выводах, но и на определенных материально-технических расчетах. Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба?».

Ответ очевиден Виктору Суворову. Бывший советский разведчик без всяких сомнений сразу указывает на разработчика: «...его должность летом 1942 года – старший офицер Главного оперативного управления Генерального штаба. Звание – полковник, впоследствии – генерал-лейтенант Потапов. То, что план Сталинградской стратегической наступательной операции родился в Главном оперативном управлении и что автором плана был полковник Потапов, известно всем и давно».

Правда, в Главном оперативном управлении Генштаба было всегда очевидно: старший офицер-оператор Оперативного управления Генштаба РККА (в 1942 году оно еще не именовалось главным) в звании полковника не мог стать единоличным автором плана стратегической операции группы фронтов – именно так в системе операций 1942 года называлась ССНО.

Можно не сомневаться: есть шансы отыскать в недрах Генштаба подлинник замысла Сталинградской стратегической наступательной операции, директивы Ставки Верховного главнокомандования на ее проведение – тоже. Наверняка существуют документы по организации взаимодействия фронтов и расчеты по распределению сил и средств. Но плана ССНО как такового, надо полагать, нет. Однако есть планы фронтовых наступательных операций каждого из трех фронтов, принимавших участие в ССНО, – Юго-Западного, Донского, Сталинградского, утвержденные Сталиным.

Теперь о разнице между такими терминами, как «замысел операции», «решение на операцию» и «план операции». Это ведь далеко не одно и то же. Вкратце можно сказать, что замысел операции – это направление главного и другого ударов, способ ведения операции, наконец, состав группировок войск и их оперативное построение. Решение на операцию (опять-таки в нескольких словах) – это замысел плюс задачи войскам плюс указания по взаимодействию и управлению.

В разные периоды истории в Советской и Российской армиях упоминаемые документы назывались по-разному, их было то больше, то меньше, однако суть комплекта в целом при этом существенно не менялась. К важнейшим из них относятся решение командующего войсками фронта на наступательную операцию, собственно план операции (оперативная часть на карте плюс текстовая пояснительная записка), календарный план подготовки операции, план взаимодействия, план рекогносцировки, график боевого управления, план создания ударных группировок, план ПВО, план боевых действий воздушной армии, план связи, схема оперативной связи, план разведки, план оперативной маскировки, план инженерного обеспечения, план тылового обеспечения, план подвоза материальных

средств и т. д., и т. п.

План любой фронтовой операции представляет собой комплект более чем из сотни планирующих, директивных и отчетно-информационных документов. Он разрабатывается штабом фронта совместно с начальниками родов войск, специальных войск и служб.

А без документов не обойтись – ведь воевать по наитию невозможно. Скажем, забыл штаб фронта подготовить только один план – комендантской службы в наступательной операции. В результате на всех фронтовых и армейских дорогах возникает невообразимая каша.

Мог ли, например, разработать подобный комплект документов один – пусть даже очень хорошо подготовленный – офицер Оперативного управления Генерального штаба РККА? Разумеется, нет. Разработка полутора сотен документов по каждому из трех фронтов, принимавших участие в ССНО, находилась просто за пределами физических возможностей одного человека.

Не могли быть авторами плана подобной операции и Генеральный штаб вместе со Ставкой ВГК, о чем пишет в своих воспоминаниях маршал Жуков (замысла – да, решения – да, а вот трех планов ФНО – нет). Отработка подобных документов находится за пределами функций этих органов управления.

Что касается документа, исполнителем которого был полковник Потапов, то он наверняка существует в реальности. Только это не план операции, а замысел. Скорее всего, он называется даже не замысел, а «соображения» или «предложения» по разгрому группировок войск противника под Сталинградом. По форме этот документ, надо полагать, представляет собой карту (так называемую в штабах оперативную часть) с приложением нескольких листов пояснительной записки с расчетами.

Не приходится сомневаться в одном – вряд ли офицер-оператор разработал этот документ в инициативном порядке. Скорее всего, Генштаб и его Оперативное управление получили подобную задачу после предварительного обсуждения Ставкой общего замысла зимней кампании 1942–1943 годов, где Сталинградская операция занимала строго отведенное ей Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба место. Возникает вопрос: какое?

Цифры и факты

Чтобы понять роль и место операций «Уран», «Марс», «Юпитер», «Полярная звезда», военные историки в первую очередь должны обращаться к документам Ставки и Генштаба. Однако они и поныне

засекречены.

Если бы эти документы оказались доступны исследователям, то спор о том, какая операция главная, а какая «сковывающая» (она же «вспомогательная»), отпал бы сам собой. Самое интересное – наверняка разрабатывалось несколько альтернативных вариантов зимней кампании 1942–1943 годов. Безусловно, они обсуждались. И высказывались разные мнения. И наверняка эти рабочие документы сохранились в Генеральном штабе.

То, что Верховный главнокомандующий, Ставка и Генеральный штаб РККА не придавали решающего значения Сталинградской наступательной операции, заметно по распределению сил и средств на советско-германском фронте на 19 ноября 1942 года. Только по официальным данным фронты Западного направления располагали почти в два раза большим количеством танков, самолетов, орудий, личного состава.

Считать после этого, что в районе Сталинграда планировался главный удар всей зимней кампании и войны в целом, несерьезно, ибо данные противоречат одному из важнейших принципов военного искусства – массированию сил и средств на направлении главного удара.

Кстати, любой офицер-оператор знает, насколько лукавы советские статистические выкладки. Можно не сомневаться – дабы подкрепить официальную версию, показатели Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов тянули за уши что есть мочи (одновременно занижая данные фронтов Западного ТВД), используя множество хорошо проверенных приемов подсчета.

Скажем, 15 501 орудие и миномет СФ, ЮЗФ, ДФ – это много или мало по сравнению с аналогичными 24 682 фронтами Западного направления по состоянию на 19 ноября 1942 года? На первый взгляд, разница налицо и в пользу Западного и Калининского фронтов. Однако она будет куда как больше, если разложить цифры вначале отдельно по орудиям, потом отдельно по минометам. Затем по калибрам и типам. Наконец – и это самое главное – по обеспеченности боеприпасами. И только тогда можно что-то сопоставлять и анализировать. Если официальная версия истории таких данных не предоставляет, значит, преимущество фронтов, находившихся в центре и на севере, над южными еще больше. К примеру, может стать, что из 15 501 сталинградского орудия больше половины ни на что не годных 50-мм минометов. А если сюда приплюсовать стратегические резервы (согласно их оперативному предназначению), то картина будет еще больше в пользу Западного ТВД. Чтобы сделать однозначные выводы по этому вопросу, нужен План формирования и оперативного предназначения

стратегических резервов РККА соответствующего периода войны (вполне возможно, что документ назывался в те времена по-другому). Он нигде не опубликован. Однако это не означает его отсутствия. Если он не приводится, значит, противоречит официальной версии войны.

Достаточно много и других оговорок, чтобы понять: стратегические резервы, подготовленные к осени 1942 года, были предназначены отнюдь не для развития успеха на юго-западном участке советско-германского фронта. В частности, значительная часть стратегических резервов Ставки осенью 1942 года формировалась и располагалась восточнее и юго-восточнее Москвы – в районах Тамбова, Балашова и Саратова. Заметим: это по официальным данным. На самом деле таких районов было значительно больше. Германской разведке многие из них удалось установить. И на основании информации своих резидентов немцы вполне обоснованно ожидали, что основные события зимней кампании развернутся на Западном стратегическом направлении.

Да в целом практически никогда нет полного комплекта статистических данных (главным образом, систематизированных) по той или иной операции Великой Отечественной войны. В качестве примера приведем только ВВС. Скажем, по той же Сталинградской операции (а равно как и по всякой другой): каков был боевой и численный состав авиации (причем исключительно в сопоставлении обеих сторон), базирование, количество самолетовылетов, обеспеченность запасами МТС (в первую очередь топливом), сколько было израсходовано авиационных средств поражения, количество боевых вылетов на одну потерю по типам самолетов (отдельно истребители, бомбардировщики, штурмовики), понесенные потери (причем не по политдонесениям, а по сопоставлению отчетных документов обеих сторон). Когда таких данных нет (по всем видам вооруженных сил и родам войск), а их нет до сих пор, очень трудно делать обоснованные выводы.

Изменить нельзя

План кампании нельзя радикально изменить после того, как он разработан, утвержден, а государство, вооруженные силы страны приступили к его выполнению. Красные и синие стрелы на картах можно перечертить в течение суток. Однако каким образом можно перебросить в новые районы сотни тысяч и миллионы тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, иных материально-технических средств (которые загодя складировались в местах планируемого проведения главных операций очередной кампании), передислоцировать стратегические резервы –

непонятно. Повторные воинские перевозки подобного масштаба невозможны просто по определению.

Приведем только один пример. В ту пору на железных дорогах страны использовалась исключительно паровозная тяга. Чтобы осуществить плановые воинские перевозки в соответствии с замыслом очередной кампании, требовалось сосредоточить колоссальное количество угля на узловых станциях. Причем именно на тех, в полосе которых планировалось нанести основные удары по противнику. Дабы что-то существенно изменить в замысле кампании после завершения перевозок (сотни тысяч вагонов между прочим), уже совершенно невозможно подать команду: «Стой! Пельмени разлепить! Дым в трубу! Дрова в исходное!». Не будет даже сожженного угля для паровозов. На заготовку новых запасов топлива уйдет значительный промежуток времени. А по срокам это будет как раз следующая кампания.

Иными словами, государство и его вооруженные силы с определенного момента становятся заложниками собственных планов. Имеет место своеобразный стратегический «цугцванг» или вынужденная последовательность оперативно-стратегических ходов. Как говаривал Наполеон, вино откупорено и его надо выпить. Хочешь не хочешь, а операцию «Марс» проводить уже придется.

Скажем, планировали успех на Западном ТВД, а вышел в совершенно другом месте – на Юго-Западном. Требуется как можно быстрее перегруппировать туда стратегические резервы, материально-технические средства. Да, в относительно сжатый срок удастся передислоцировать на другой театр военных действий несколько бомбардировочных авиадивизий. Однако вместе с самолетами надо организовать переброску как минимум 15 заправок высоко-октанового авиационного бензина, сотни тысяч тонн авиационных средств поражения. Без этого авиадивизии будут представлять собой винтовки без патронов. А на воинские перевозки подобного масштаба требуются десятки тысяч так называемых условных вагонов и промежуток времени, равный двум-трем месяцам. Но за эти 8—12 недель наметившийся на фронте успех противником будет локализован.

Именно тут, надо отметить, коренится ответ на вопрос: почему Паулюса вместе с его армией, сосредоточенной на сравнительно небольшом участке территории, практически без истребительного авиационного и зенитно-артиллерийского прикрытия не подвергали массированным ударам с воздуха? Казалось, чего проще: сыпь на окруженных немцев бомбы сверху, пока не выкинут белый флаг. Но не было ни самолетов, ни – что куда важнее – бомб. Все проблемы решали

атаками пехоты и танков после артподготовки, неся немалые потери.

23 ноября 1942 года немцев окружили под Сталинградом. Но вот для того, чтобы развить успех в направлении Ростова, крупных оперативно-стратегических резервов под рукой не оказалось. До города – ворот Северного Кавказа – оставалось 300 километров. Эрих фон Манштейн во главе 56-го МК подобное расстояние в 1941 году в схожей обстановке преодолел всего за четыре дня. У немцев между Сталинградом и Ростовом никаких оперативных резервов не было. Но их не имела и РККА.

Некоторая пауза в действиях советских войск дала немцам возможность произвести необходимые перегруппировки и организовать деблокирующий удар. Первый крупный резерв Ставки – 2-я гвардейская армия – прибыл на Юго-Западное стратегическое направление только в середине декабря (отметим, что на 1 ноября 1942 года в резерве Ставки было пять общевойсковых армий). Он был задействован не для развития сталинградского успеха (или же окончательного разгрома 6-й немецкой армии), а для контрудара по прорывающимся к войскам Паулюса дивизиям группы армий «Дон». В то же время немцы лихорадочно выводили свои соединения и части из огромной северокавказской западни. По этим же причинам – недостатка сил и средств – ликвидация окруженной группировки под Сталинградом затянулась на два с половиной месяца. В итоге неправильная оценка обстановки Ставкой ВГК летом и осенью 1942-го при составлении плана предстоящей зимней кампании привела и к поражению наших войск под Харьковом в феврале-марте 1943 года.

О роли личности в истории

Советская военная история обладает множеством неискоренимых недостатков. Однако главные из них – преднамеренная бессистемность (возведенная в абсолют) и полная безликость.

Об отсутствии элементарной логики я уже не говорю. Да и в целом это не история, наверное, а некая разновидность спецпропаганды. Остановимся пока только на безликости. Что в шеститомной, что в двенадцатитомной, что в новой десяти томной версии истории Великой Отечественной войны за путаными изложениями боев, сражений и операций совершенно не видно людей – командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Совершенно непонятно, кто был храбр, кто труслив, кто инициативен, кто хорошо подготовлен в оперативном отношении, кто откровенный бездарь и самодур (и к тому же пьяница и развратник), кто, наконец, испуганно смотрел в рот Верховному главнокомандующему, а кто в доступной форме пытался отстаивать

собственное мнение по оперативным вопросам. А ведь у каждой победы и поражения есть фамилия, имя и отчество.

К примеру, всем известно, что Георгий Жуков был необычайно тщеславный и честолюбивый человек. И без всяких угрызений совести и моральных страданий приписывал исключительно себе те или иные победы в операциях Великой Отечественной войны (в том числе и великую победу под Сталинградом). Однако в ноябре 1942 года его поведение выглядит абсолютно невероятным и лишенным малейшей логики. Это примерно как перед отлетом на Западный фронт он собрал бы руководство фронтов под Сталинградом и сказал: «Товарищи, для вашего будущего полководческого успеха я сделал все возможное, все спланировал, всем необходимым вас обеспечил, а теперь отбываю на ЗФ – осуществлять руководство вспомогательной операцией, чтобы помочь вам еще больше прославить ваши имена и навеки их вписать в военную летопись нашего Отечества».

Да не может этого быть, поскольку этого не может быть никогда. Если бы под Сталинградом действительно планировался коренной перелом в войне, то в полевых управлениях всех трех сталинградских фронтов было бы полным-полно командированных центрального аппарата РККА и представителей от всех возможных и невозможных по этому случаю наркоматов (не говоря уже о Генштабе, Ставке и ГКО). Просто человек так устроен. Чтобы потом сказать: «Я был в нужном месте и в нужное время. И во многом благодаря мне стало возможным это величайшее свершение в истории». И генерал Жуков в предвкушении столь славной победы никуда бы не поехал. Не бывает по-другому.

Мне могут возразить: товарищ Сталин приказал убить генералу Жукову на Западный фронт. Не поверю никогда и ни при каких обстоятельствах. Георгий Жуков в любое время мог поднять трубку телефона ВЧ и сказать: «Товарищ Сталин! В ближайшее время под Сталинградом будет решаться судьба всей войны. Мой долг как вашего заместителя присутствовать на командных пунктах фронтов в момент проведения операции». И что? Товарищ Сталин сказал бы: «Нет, товарищ Жуков, езжайте-ка лучше проводить отвлекающую операцию, без вас тут как-нибудь артиллерист Воронов с коренным переломом в ходе войны разберется». Да ерунда полная.

Жуков поэтому-то и уехал, что операция «Марс» была главной операцией всей зимней кампании, именно туда были направлены все силы, ресурсы, кадры. И именно там планировался главный успех зимней кампании 1942–1943 годов. Кстати говоря, неплохо бы опубликовать подлинный замысел операции «Марс» и соответствующие задачи войскам

Западного направления. Ручаюсь головой – далеко не Сычевку со Ржевом там планировалось взять, а как минимум Смоленск с Минском. Или выйти на подступы к Минску. Но не взяли ни Сычевки, ни Ржева.

Пересматривать все же придется

Почему советская историческая наука так тщательно обходила острые углы самой интересной кампании Великой Отечественной войны? Ведь более интригующего (и в высшей степени поучительного) периода истории советско-германского вооруженного противоборства с точки зрения стратегии и предоставляемых ходом событий возможностей для РККА попросту не было. Зимой 1942–1943 годов существовала реальнейшая возможность военного сокрушения Германии. Во всяком случае имелась возможность нанести тяжелейшее поражение всему южному крылу германского Восточного фронта. Но военно-политическое руководство СССР эту возможность упустило. Хотя такие шансы, как свидетельствует мировая военная история, предоставляются противоборствующим сторонам достаточно редко. Зима 1942–1943 годов – один из ярких примеров подобного рода.

Надо полагать, что в Ставке ВГК и Генеральном штабе РККА предельно ясно отдавали себе отчет в том, какое окно возможностей образовалось в результате поражения немцев под Сталинградом. Однако радикально изменить план зимней кампании политические и военные деятели уже не могли. Этим в первую очередь и объясняется незавершенность многих операций после Сталинграда на южном крыле фронта зимой 1943 года. Иначе говоря, в оценку обстановки и последующее планирование военных действий вкрались существенные ошибки. Сознаться в них, тем более на уровне высшего военно-политического руководства (в СССР оно не могло ошибаться по определению), и поныне никто не хочет (у нас выше командира роты вообще никто и никогда не ошибался).

Почему до сих пор не преданы гласности наиболее интересные документы Ставки ВГК и Генштаба РККА, относящиеся к этому периоду вооруженного противоборства на советско-германском фронте? Потому что если эти документы будут опубликованы, то от официальной версии истории зимней кампании 1942–1943 годов не останется камня на камне.

В этом случае моментально исчезают многочисленные мифы. Перечислим только некоторые из них: «Основные усилия в зимней кампании 1942/43 г. сосредоточивались на южном крыле советско-германского фронта», «Важнейшей стратегической операцией кампании

должно было явиться контрнаступление под Сталинградом», «Ставка Верховного главнокомандования наиболее тщательно разрабатывала исходную операцию – стратегическое контрнаступление под Сталинградом», «Планируя и организуя контрнаступление под Сталинградом, Ставка предусмотрела сковывание сил врага активными действиями войск на Западном, Северо-Западном направлениях и на Северном Кавказе».

Как только откроются подлинные документы, все ранее опубликованное придется пересматривать и переписывать.

А самый главный вывод – правдивой и полной истории Великой Отечественной войны как не было, так и нет. И по всей видимости, она не скоро появится. Однако значения великой победы под Сталинградом вышеприведенные рассуждения отнюдь не умаляют. Вспомним: в ходе поворотного сражения на Тихом океане 4 июня 1942 года – битвы в районе атолла Мидуэй – обстановка в высшей степени случайным образом в течение дня складывалась в пользу то одной, то другой стороны. Что тут скажешь – на то и война. В конечном итоге победу одержали американцы, и они по праву ею гордятся. И если Ставкой ВГК и Генштабом РККА во время войны допускались ошибки, это должно быть предметом анализа, а не утаивания.

Едоки, сабли, штыки и «счетные» дивизии

Текст написан в 2012 году

Вот еще один мой опыт борьбы с военной ересью. Речь в этом случае идет о критических заметки по поводу самоучителя Сергея Переслегина.

Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / Сергей Переслегин. – М.: АСТ; СПб.:TerraFantastica. – 2005. – 619, [5] с. – (Philosophy)

Аннотация

В книге известного петербургского исследователя С. Б. Переслегина представлен подробный системный анализ современных геополитических реалий на карте мира. Рассмотрены основные понятия геополитики. На основе анализа соотношения геополитики и географии вниманию читателя предлагается модель этнокультурных плит и механизмов их движения.

Автором рассматриваются основные законы геоистории и дается краткое описание создающихся в наши дни глобальных цивилизационных проектов.

Заметки сугубо по военной части книги.

На протяжении последних десятилетий на полях отечественной военной мысли царят немыслимые засуха и неурожай. Ростков новых исследований, новаций и откровений практически не заметно. С ходу трудно назвать хотя бы два-три имени – кого сегодня в России можно называть видным военным теоретиком конца XX-го – начала XXI века (тем более достигшего мирового уровня известности). На фоне этого откровенного безрыбья труды известного петербургского исследователя Сергея Переслегина, несомненно, выделяются в лучшую сторону свежестью мысли и новизной подхода к тем или иным страницам отечественной и мировой военной истории. Однако, когда Сергей Переслегин начинает касаться сугубо составных частей военной науки, возникают многочисленные (и по большей части недоуменные) вопросы.

Поскольку книга называется самоучителем, есть смысл попробовать с помощью этого труда поучиться геополитике и стратегии. Причем перейдем сразу к чисто военной части книги – главе 6. Она называется «Большая стратегия» как продолжение геополитики иными средствами».

Попробуем почитать эту главу с точки зрения офицера отечественных Вооруженных сил.

Геополитические и стратегические извивы

Вступление к этой главе у Сергея Переслегина звучит так: «*Эта длинная глава является завершающей иллюстрацией к краткому курсу игры на мировой шахматной доске. Военную стратегию можно рассматривать как предельное упрощение геополитического дискурса: вместо всех возможных путей к цели – единственный военный путь. Трехмерный мир вырождается в плоскую карту, экономическая география упрощается до физической, этика мира опускается до логики войны. Но именно в такой примитивной форме геополитические законы наиболее понятны, а приемы работы с ними наиболее прозрачны*».

Иными словами, с военной стратегией у автора связываются такие слова, как упрощение, вырождение, примитивизация. Наверное, с подобными формулировками по отношению к военной стратегии надо быть все же корректнее (как-никак составная часть военной науки, чего не скажешь пока о геополитике).

Остановимся на географии. Это, как известно, система естественных и общественных наук. В ней выделяются:

а) естественные, или физико-географические науки, к которым относятся физическая география в собственном смысле слова (включая общее землеведение, ландшафтоведение и палеогеографию), геоморфология, климатология, гидрология суши, океанология, гляциология, геокриология, география почв и биогеография;

б) общественные географические науки – общая и региональная экономическая география, география отраслей хозяйства (география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта и др.), география населения, политическая география;

в) картография.

Как экономическая география может упроститься до физической, знает, наверное, только Сергей Переслегин.

И с плоской картой не все слава Богу – а как же тогда балтийская система высот 1942 года (и ноль кронштадтского футштока)? Да и в целом – среди офицерского состава любой армии очень ценятся способности при взгляде на лист топокарты представлять себе трехмерное пространство.

Опять-таки, по Переслегину получается, что мир – это этика, война – логика. Согласно той же геополитике, даже государственные границы обозначают всего лишь компромисс, достигнутый на сегодняшний день

(т. е. сравнительно небольшой перерыв между войнами). Иными словами, «этика» – лишь небольшой перерыв между «логикой». А, заметим, система государственного и военного управления должна переходить от мирного к военному времени по возможности без существенных реорганизаций (а не опускаться от «этики» до «логики»).

И сразу надо сказать о геополитических законах, о которых в своем вступлении говорит Сергей Переслегин. Категории в геополитике еще отмечаются, а вот с законами значительно труднее. Современная геополитика не имеет пока всех признаков науки.

Скорее, это по-прежнему всего лишь точка зрения, причем с ярким национальным окрасом. Никто из видных современных геополитиков ни одного закона так еще и не сформулировал. И как Сергею Переслегину могут быть понятными «геополитические законы», да еще в «такой примитивной форме», остается загадкой.

Таким образом, буквально в первом абзаце труда известного петербургского исследователя накручено-наверчено-наворочено, что называется, по страшной силе, а начинаешь разбираться – на выходе получается и это не так, и то.

Но в этом абзаце есть и положительный момент – автор сразу отказался от слов «большая стратегия» (и нигде более по тексту своей главы о ней не упоминает) и перешел к верной формулировке – «военная стратегия». Хлестанул разок в заголовке – и успокоился. Хотя периодически Сергея Переслегина «заносит» и по тексту появляются словосочетания типа «аналитическая стратегия» и «экстенсивная стратегия».

Однако всем исследователям следует зарубить себе на носу – стратегия бывает только военной и является единой научной теорией, общей для всех видов Вооруженных сил. Разного рода рассуждения «о стратегии борьбы на море и воздухе» (по «Самоучителю...» Сергея Переслегина), а равно как и всякие иные, являются очевидной военной ересью, с которой требуется неустанная и бескомпромиссная борьба.

Детальный анализ теста Сергея Переслегина начнем с мелочей. Если слово «стратегия» в заголовке Сергеем Переслегиным берется в кавычки и добавляется эпитет «большая», то подобный подход наводит на мысли, что автор каким-то образом имеет в виду книгу М. Говарда «Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943» (есть и иные книги и периоды, привязанные к этим двум словам). Как известно, упомянутый труд представляет собой четвертый том официального английского издания по истории Второй мировой войны и охватывает период с августа 1942 по

сентябрь 1943 гг.

Можно сказать, бренд «большая стратегия» навсегда закрепился за этим автором. Однако поскольку Сергей Переслегин дальше по тексту на М. Говарда нигде не ссылается, налицо своего рода незаконное использование товарного знака.

Зададимся вопросом – может ли военная стратегия принципиально быть продолжением геополитики другими средствами?

Ненадолго углубимся в теорию.

Геополитика сегодня – наука, изучающая и анализирующая в единстве географические, исторические, политические и другие взаимодействующие факторы, влияющие на стратегический потенциал государства.

В США, в частности, трактуют геополитику как доктрину и основанную на ней практику и как школу стратегии, выполняющую задачу политически нацеливать военную машину на захваты пространства, имеющего жизненно важное значение для нации.

В настоящее время принято разделять геополитику на теоретическую и практическую (геостратегическую) составляющие. Иными словами, геополитика – это абстрактно-теоретический аспект, а практическо – деятельный – это уже геостратегия. Последняя выполняет функции воплощения в жизнь геополитических теорий, принимающих форму доктрин, программ, концепций (внешней политики, национальной безопасности и т. д.).

С одной стороны, геополитику невозможно ни отделить, ни понять в отрыве от военной стратегии. С другой стороны, современная геополитика не имеет пока всех признаков науки. В частности, в российской военной школе до последнего времени при изучении военной стратегии о геополитике не упоминали и вовсе.

Военную стратегию там трактуют как систему научных знаний о характере вооруженной борьбы в современных войнах, разработку требований к подготовке страны и ВС к отражению возможной агрессии, о способах и формах ведения войны в целом и военных действий стратегического масштаба. Военная стратегия, по мнению российских военных ученых, представляет собой область практической деятельности политического руководства и высшего военного командования по подготовке страны и ВС к войне и руководству ими при ведении военных действий. О геополитике, как видно, ни слова. С известной долей воображения, разумеется, можно посчитать, что военная стратегия является продолжением геополитики, но все же вернее будет формулировка – военная стратегия вытекает из политики государства и подчиняется ей. А

политика и геополитика – вещи, мягко говоря, немного разные.

То ли едоки, то ли сабли, или Изобретение военного велосипеда

Когда Сергей Переслегин начинает рассуждать об оперативном и стратегическом планировании, просто в глаза бьет тот факт, что на практике он этим делом никогда не занимался и не знаком даже с элементарными основами планирования.

Обратимся к тексту петербургского исследователя.

«Назовем единицей оценки, или, что то же самое, единицей планирования, максимальную воинскую единицу, структурностью которой мы пренебрегаем на нашем уровне анализа. (Как правило, единица планирования находится на два уровня иерархии ниже рассматриваемой системы: если анализируются действия группы армии, единицей планирования является дивизия, на уровне полка – рота.)

Единица планирования является стандартной, снабженной всеми необходимыми для ведения боевых действий средствами. Ее боевые возможности описываются функцией, которая может зависеть от внешних условий (местность, погода, геометрия столкновения), но никоим образом не от внутренних параметров.

Важнейшим элементом оценки позиции является сведение разнородных вооруженных сил противников к стандартным единицам планирования. Необходимо еще раз подчеркнуть, что стандартное соединение подразумевает стандартное снабжение: иными словами, если у вас есть десять дивизий, потребности которых (вследствие особенностей геометрии фронта, состояния коммуникаций или экономической неадекватности государства) удовлетворяются на одну десятую, то эти дивизии составляют лишь одну стандартную. Напротив, более совершенное оружие, элитный уровень подготовки, накопленный боевой опыт увеличивают число стандартных соединений...

...За редчайшими исключениями, структуры армий противников не совпадают. Например, дивизии Первой Мировой войны различались по числу батальонов, уровню подготовки войск, составу артиллерии. Соответственно при оценке соотношения сил в тех или иных операциях счет «по дивизиям» и «по батальонам» зачастую давал совершенно разные результаты. Общий же подсчет «по едокам» или «по штыкам и саблям» чаще всего вообще был лишен смысла, так как не учитывалась разница в оснащении и уровне боеготовности».

Итак, для оперативных расчетов Сергей Переслегин вводит в оборот термин «стандартная дивизия». Далее по тексту он вводит еще несколько

терминов аналогичного назначения – «счетная дивизия» и, наконец, «расчетная». То есть даже по этому элементарному вопросу у автора наблюдается совершенно дикая вольница.

На самом деле правильный термин – расчетная дивизия. В частности, в Советской армии для оперативных расчетов было принято, что расчетной дивизией является механизированная дивизия США. Ее боевой потенциал приравнивался к единице. В свою очередь, боевые потенциалы остальных американских дивизий на фоне мд ВС США выглядели следующим образом: бронетанковая дивизия – 1,10, воздушно-десантная – 0,16, пехотная дивизия – 0,19, дивизия морской пехоты – 0,24.

Эти цифры брались отнюдь не с потолка, а рассчитывались с помощью разного рода методик. Вот как, к примеру, на фоне американской механизированной дивизии выглядели дивизии ВС СССР: мотострелковая – 0,65, танковая – 0,72, воздушно-десантная – 0,18. Если перейти к дивизиям ВС ФРГ, то они смотрелись более «увесисто»: танковая – 1,08, мотопехотная – 0,94. Для примера, боевой потенциал бельгийской пехотной дивизии оценивался всего как 0,08.

Это просто счастье, что Сергей Переслегин в своем труде не перешел к оценке требуемого огневого поражения противника. На примере его «стандартных дивизий» можно только предполагать, куда бы завела автора его буйная фантазия.

А и в сфере огневого поражения в Советской армии было все очень строго и единообразно: существовали как расчетное огневое средство (152-мм пушка-гаубица Д-20) так и расчетный боеприпас – 152-мм осколочно-фугасный снаряд повышенного могущества. Именно от этой печки традиционно плясали советские артиллеристы и операторы в своих расчетах.

Что касается переслегинских «единиц оценки» или «единиц планирования», то в реальном оперативно-стратегическом планировании они не применяются.

Тем более, диковатым для офицера-оператора является выражение «единица планирования находится на два уровня иерархии ниже рассматриваемой системы: если анализируются действия группы армии, единицей планирования является дивизия, на уровне полка – рота».

Нечто отдаленно напоминающее переслегинские рассуждения можно встретить разве что при работе с картами. В частности, на карте оперативной части плана операции отражаются группировка и оперативное построение войск с детализацией во фронте – до дивизии, в армии – до полка.

И, наконец, Сергею Переслегину вместо того, чтобы изобретать что-то в сфере планирования в целом и расчетах соотношения сил и средств, надо, наверное, ознакомиться со старыми наработками. Например, заявить – с такими-то и такими-то расчетами и методиками Советской (российской) армии не согласен, они неверны в том-то и том-то. Однако автор предлагает новое, не изучив старого.

Можно поспорить

Обратимся к следующему отрывку из главы 6 «Самоучителя...».

«...Суть стратегического руководства войсками мы можем выразить в простейшей форме: командующий индуцирует оперативную структуру, существующую первоначально в его воображении, в реальность.

Это требует, по крайней мере, чтобы психика командующего была системой более структурной, нежели реальная оперативная ситуация. Выполнить это непереносимое условие почти невозможно, собственно, вся военная история полна восхищения немногими гениальными полководцами, отвечающими граничному условию теоремы об индукции.

Х. Мольтке нашел альтернативное решение, препоручив руководство войной композитной психике Генерального штаба. К сожалению, его племянник оказался столь далек от «современного Александра», что ему не помогли ни гениальные разработки А. Шлиффена, ни «интеллектуальное усиление», обеспеченное надежной работой аппарата Генштаба.

После Первой Мировой войны ни один Генеральный штаб (в том числе и германский при Беке и Гальдере) чертами Личности не обладал. Тем самым он был обречен оставаться лишь рабочим органом пользователя, от которого вновь требовалась индивидуальная гениальность».

Граничное условие теоремы об индукции – звучит красиво, цветисто (да в сути своей в общем-то и верно). Однако подобные фразы чрезвычайно далеки от того, чтобы с их помощью общаться на одном языке с высшим руководящим составом Вооруженных сил (особенно в части индуцирования оперативных структур). И уж тем более этот стиль будет далек от адекватного восприятия командирами оперативного и тактического звена.

Рассуждения о психике как свойстве высокоорганизованной материи, являющейся особой формой отражения субъектом объективной реальности, могут завести далеко. Вопрос о том, можно ли психике (тем более композитной) поручать руководство войной, оставим, пожалуй, открытым для дальнейших обсуждений.

Будем ближе к штабным реалиям. Мольтке (его в наших источниках

обычно именуют не Хельмут, а Гельмут) действительно создал из прусского генерального штаба практически идеальный для своего времени орган оперативного управления войсками и силами. Однако говорить о том, что даже такому штабу можно поручать руководство войной – ошибка идеологического плана. Это – непонимание сути руководства военными действиями, связи стратегии и политики, волнующая военная ересь.

Да и сам Гельмут фон Мольтке в своих сочинениях об этом вопросе говорил следующим образом: «...Руководить операциями может только единая воля; под влиянием различных и хотя бы даже полезных советов она всегда утратит свою ясность и определенность, и руководимый ею главнокомандующий будет действовать неуверенно». Куда уж яснее.

И советский (русский) Генштаб – это в первую очередь рабочий орган Ставки Верховного главнокомандования (и Верховного главнокомандующего). Никак не может (и не должен) Генеральный штаб обладать чертами личности. От него это не требуется. Да и сам Сергей Переслегин это подтверждает (опровергая собственный пассаж о «композитной психике») – не помог же хорошо подготовленный германский генштаб племяннику Мольтке-старшего в 1914 году. Ибо права старая истина нет полководца – нет и результата.

Страсть к новой терминологии

И вновь обратимся к главе 6 «Самоучителя...». Приведем хотя бы несколько цитат.

Вот, в частности, хотя бы:

«...Поскольку война (и соответственно, операция) есть антагонистический конфликт, обычной является ситуация, когда стороны имеют нетождественные оперативные планы, то есть стремятся преобразовать одну и ту же исходную позицию в различные конечные. В формальном векторном пространстве позиции можно ввести расстояние между позициями и определить оперативное напряжение как разность векторов конечных позиций в представлении сторон, отнесенная к длине вектора исходной позиции».

Обратим внимание – автор вводит (помимо всего прочего) новый термин – «оперативное напряжение». Оперативного напряжения как разности векторов в современном оперативном искусстве нет. Есть понятие «боевое напряжение» – скажем, количество боевых вылетов в ВВС в сутки. Есть показатели операции (глубина, ширина полосы, продолжительность, средний темп наступления).

Почти сразу же после этого в следующих строках этой главы

появляется еще один термин – «обоюдное темповое наступление». При такой скорости обновления терминологической базы нет ясного ответа на вопрос, что же делать с уже давным-давно сложившейся терминологией.

И наконец, война векторами не описывается. Придется в этом месте процитировать классика русской военной мысли: *«...этой ересью была сильно заражена русская военная литература. В лучшем случае, на войну смотрели если не как на науку в строгом смысле слова, то все-таки на дело, требующее, главным образом, ума и знаний, а не искусства и воли»*, – считал генерал Василий Флуг.

Читаем дальше.

«С формальной точки зрения война может быть рассмотрена как конечная последовательность операций. В рамках теории систем операция есть гомеоморфное подмножество войны, так что в первом приближении законы, описывающие войну и отдельную операцию, сходны. Данный гомеоморфизм приводит к известной повторяемости событий войны во времени, пространстве, на разных иерархических уровнях».

Помимо достаточно спорного смысла сказанного, в этом абзаце Сергеем Переслегиным вводится совершенно новое понятие операции. И говорится о каких-то законах, ее описывающих.

Классика оперативного искусства об этом, к слову говоря, умалчивает. Опять-таки – если есть (с точки зрения автора) смысл отказаться от имеющейся на сегодня теории оперативного искусства, то тогда надо об этом заявить. Если предлагается какая-то новая теория – то хорошо бы и соответствующую инструкцию, как ею пользоваться практически – скажем, при планировании, организации и ведении боевых действий.

Или вот, скажем, такой пассаж автора:

«...То есть наблюдается определенное сходство между операциями начала и конца войны, событиями на северном и южном флангах стратегического фронта, решениями на уровне группы армий, армии, корпуса, дивизии, батальона. Заметим, что существование такого гомеоморфизма глубоко неочевидно. Например, в войне на море изменение иерархического уровня меняет систему кардинально: операции в масштабе корабля и эскадры негомеоморфны».

Помимо всего прочего, Сергеем Переслегиным вновь вводится новое понятие – «стратегический фронт». К слову говоря, новые термины автором внедряются в оборот практически в каждом абзаце его «Самоучителя...». Теперь представим себе офицера российского Военно-морского флота, проходящего службу, скажем, в штабе флота (или оперативном управлении Главного штаба ВМФ).

Что скажет оператор, прочитав фразу *«...в войне на море изменение иерархического уровня меняет систему кардинально: операции в масштабе корабля и эскадры негомеоморфны»*.

Помимо возможно глубокого (но ускользающего от средних умов) смысла (если он все-таки вообще есть) этой фразы, со всей возможной флотской прямоотой надо сказать, что никаких операций в масштабе корабля (да и эскадры) быть не может.

В российском ВМФ существуют формы оперативного применения. В частности, флот (как оперативно-стратегическое объединение) ведет операции флота и боевые действия; флотилия разнородных сил – операции флотилии РС и боевые действия. Все остальные объединения флота (эскадра считается оперативно-тактическим объединением) ведут только боевые действия. Конечно, с точки зрения «гомеоморфизма» это может быть и мелочь, но другой системы операций в российских Вооруженных силах (и в ВМФ в частности) на сегодня нет.

В заключение стоит сказать, что военным наукообразием переполнена вся глава 6 «Самоучителя...». Да и не только эта глава. Сделать несколько ошибок в одном абзаце – причем достаточно крупных – это, похоже, своеобразная норма для Сергея Переслегина.

Вот еще один отрывок из «Самоучителя...» (с. 191):

«Хотя почти все белорусские дороги вытянуты в широтном направлении, территория «белорусского балкона» предоставляет возможность быстрого и неожиданного маневра вдоль меридиана. Примерами подобных операций служат сосредоточение 2-й (неманской) армии русской армии против Восточной Пруссии в августе 1914 г., поворот 2-й танковой армии Г. Гудериана на Киев летом-осенью 1941 г., развертывание войск И. Баграмяна и И. Черняховского против Прибалтики в 1944 г.».

Вот что ни тезис, то все не так.

Неманской армией принято называть 1-ю (командующий – генерал П. К. Ренненкампп), а не 2-ю армию. 2-я армия (она же в исторической литературе Наревская, командующий – генерал А. В. Самсонов, КП – Остроленка) начала наступательные действия в 1914 году с рубежа Млава-Мышинец. Это, однако, территория современной Польши.

2-я танковая группа Вермахта (армией она станет гораздо позже) начала «поворот» (по Переслегину) с территории Российской Федерации. Черняховский и Баграмян никакого развертывания против Прибалтики не предпринимали – по той простой причине, что «развертываться» против географического региона нельзя.

И, наконец, автору надо уяснить разницу между перегруппировками и маневрами. Это не одно и то же.

Тщательнее надо, однако. И таких абзацев у Сергея Переслегина, надо сказать, немало.

Для кого?

По ходу текста у Сергея Переслегина встречается выражение: «...если перейти с формально-логического языка на русский...».

Пожалуй, это ключевые слова ко всей главе 6. И в самом деле – изъяснялся бы автор по-русски (подобно Александру Свечину и Борису Шапошникову), наверное, было бы больше толку.

На мой взгляд, в «Самоучителе...» нет ответа на главный вопрос – для кого все это написано? Какую это имеет практическую ценность и чему здесь можно научиться? Как этим руководствоваться в повседневной жизни? Какая от этого может быть польза армии и флоту?

Или это все же совершенно оторванные от жизни пассажи с использованием слов «геополитика», стратегия», «оперативное искусство»? С глубоким сожалением приходится констатировать, что офицер и генерал российской армии с помощью «Самоучителя...» Сергея Переслегина чему-то дельному вряд ли научится.

Заключение

Разумеется, данный цикл статей даже в самом первом приближении не претендует на какую-либо полноту изложения сложнейших вопросов строительства и применения Вооруженных сил. К этому необходимо добавить, что многие положения, высказанные в этом труде, излагались с опорой исключительно на современные военно-политические реалии. Поэтому их, наверное, нельзя рассматривать как раз и навсегда данные и застывшие. К тому же не следует думать, чтобы все согласилось с высказываемыми автором оценкам, мнениями и взглядами. Но если в дальнейшем по затронутым в цикле статей вопросам развернется самая широкая военно-теоретическая дискуссия, то автор будет считать свою задачу полностью с избытком выполненной. К тому же не следует исключать даже и тот вариант, при котором высказанные автором суждения, соображения и взгляды помогут избежать ошибок при принятии руководством Вооруженных сил решений, связанных со строительством и применением армии и флота. Во всяком случае, автор на это самым искренним образом надеется.